

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

**№1 (21)
2010**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

Журнал основан в 1999 году

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.И. Курилов, засл. работник высшей школы РФ, профессор,
доктор юридических наук

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Е.П. Жариков (зам. главного редактора),
В.Н. Антонов, **П.Я. Бакланов**, **П.Ф. Бровко**, **В.К. Заусаев**, **А.И. Коробеев**,
А.М. Кузнецов, **Н.В. Кузнецова**, **В.А. Номоконов**, **В.Ф. Печерица**,
Л.И. Романова, **В.В. Савалей**, **В.Г. Сазонов**, **Р. Скалапино**

**№1 (21)
2010**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

Адрес редакции: 690950, г. Владивосток, ул. Уборевича, 25
Дальневосточный государственный университет
Владивостокский институт международных отношений,
Тел: (4232) 515-310

Владивосток ◆ Издательство Дальневосточного университета, 2010

PACIFIC RIM

- ◆ Economics
- ◆ Politics
- ◆ Law

The Journal was published first in 1999

EDITOR-IN-CHIEF

**V.I. Kurilov, Professor, Doctor of Law, Honorary University Educationalist of
the Russian Federation**

EDITORIAL BOARD

**E.P. Zharikov (Assistant to the Editor-in-Chief),
V.N. Antonov, P.Y. Baklanov, P.F. Brovko, V.K. Zauscaev, A.I. Korobeev,
A.M. Kuznetsov, N.V. Kuznetsova, V. A. Nomokonov, V.F. Pecheritsa,
L.I. Romanova, V.V. Savaley, V.G. Sazonov, R. Scalapino**

**№1 (21)
2010**

**Scientific,
social and political
journal**

Address of the editorial office:

Vladivostok Institute for International Studies of the Pacific Rim Countries
Far Eastern National University
25, Uborevicha st., Vladivostok, 690950, RUSSIA
Tel.: (4232) 515-310. Fax: (4232) 515-310

Vladivostok ◆ Printed in the Far Eastern State University Press, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТА РЕГИОНА

- Сергеев А.С., Чарей М.С.* Транспортные узлы российского Дальнего Востока на фоне мировых тенденций развития морского транспорта 7
- Быстрицкий С.П., Фролова Н.С.* Внутрорегиональные условия и факторы формирования локальной контактной зоны 17

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

- Кравченко А.А., Хлыстун А.Ю.* Состояние продовольственной безопасности: мониторинг и оценка 24

ФИНАНСЫ В РАЗВИТИИ РЕГИОНА

- Кузнецова Н.В., Бушманова И.О.* Эффективность управления бюджетом Приморского края 37
- Сазонова Е.С., Безруков И.С.* Эффективная система валютного регулирования как фактор инновационного развития экономики 48
- Васюкова Л.К.* Страховой рынок российского Дальнего Востока в условиях финансово-экономического кризиса 55

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Жариков В.Е.* Эффективность вертикально-интегрированных структур (На примере цветной металлургии Приморского края) 66
- Тодоров А.И.* Перспективы развития рекреационно-туристического потенциала Приморского края 77

ВЫСШАЯ ШКОЛА В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

- Фисенко А.И., Заводовская М.В.* Источники и основные направления организации финансирования инновационной образовательной деятельности вуза 91
- Пастухова О.А.* Рынок услуг высшего профессионального образования в развитии региона 97

ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ВЛАСТЬ

- Кузнецов А.М.* Некоторые вопросы развития государственной организации на современном этапе 102

РЕЦЕНЗИИ

- Кузнецов А.М.* Профессор Улла Йохансен и ее рецензия на работу С.М. Широкогорова «Психоментальный комплекс тунгусов (Лондон/Шанхай, 1935)» 115
- Улла Йохансен.* По страницам книги С.М. Широкогорова (1.7.1887 Суздаль – 19.10.1939 Пекин) «Психоментальный комплекс тунгусов». Лондон/Шанхай, 1935 117

Аннотации к статьям на русском языке 121

Аннотации к статьям на английском языке 126

Сведения о членах редколлегии 131

CONTENTS

PROSPECTS OF TRANSPORT DEVELOPMENT OF REGION

- Sergeev A.S., Charey M.S.* Transport centers of the Russian Far East against the World tendencies development of Marine transport..... 7
- Bistritsky S.P., Frolova N.S.* Inter-regional conditions and factors for forming the local contact zone.....17

PROVISION SECURITY

- Kravchenko A.A., Khlystun A.Y.* The state of food security: monitoring and evaluation.....24

THE ROLE OF FINANCE SECTOR IN THE DEVELOPMENT OF REGION

- Kuznetsova N.V., Bushmonova I.O.* Effectiveness of Budget Management of Primorsky Region.....37
- Sazonova E.S., Bezrukov I.S.* The effective mechanism of currency regulation as a factor of innovative economic development48
- Vasyukova L.K.* Insurance market of Russian Far East in the terms of financial economic crisi.....55

REGION BUSINESS ANALYSIS

- Zharikov V.E.* Efficiency of vertical and integrated structures (on the example of coloured metallurgy of Primorskiy Region)66
- Todorov A.I.* The prospects of development of recreation and tourist potential of Primorskiy Region.....77

HIGHER SCHOOL IN THE DEVELOPMENT OF REGION

- Fisenko A.I., Zavodovskaya M.V.* Sources and main sectors of financing the innovative education in the universities.....91
- Pastuhova O.A.* Market of High Professional Education Services in Regional Development97

SOCIETY, LAW, GOVERNMENT

- Kuznetsov A.M.* Some issues of states organization in a current stage 102

CRITICAL REVIEWS

- Kuznetsov A.M.* Professor Johansen Ulla and her book review S.M. Shirokogoroff «Psychomental Complex of the Tungus» (London / Shanghai, 1935) 115
- Johansen Ulla.* In the book review's pages S.M. Shirokogoroff (1.7.1887, Suzdal: 19.10.1939, Beijing) «Psychomental Complex of the Tungus». London/Shanghai 1935..... 117

- Short description of articles (Russian versions) 121
- Short description of articles (English versions) 126
- College members' data..... 131

К читателям журнала

Либерализация экономики Российского Дальнего Востока (РДВ) создала реальные условия для развития внешнеэкономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Безусловно, что интеграция в экономику тихоокеанских стран объективно зависит от комплекса политических, экономических, военно-стратегических и социально-психологических условий. Недостаточное внимание к ним и их слабая изученность чреват замедлением интеграционных процессов. Поэтому появление журнала «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» весьма актуально в целях содействия развитию фундаментальных и прикладных исследований в области регионального сотрудничества РДВ со странами АТР, освещения проблем его участия в развитии интеграционных процессов, решения задач подготовки высокопрофессиональных специалистов в области международных отношений.

В соответствие с целью рубрика журнала, издаваемого Дальневосточным государственным университетом 2 раза в год, предполагает освещение следующих материалов:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности, политике, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;
- Архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;
- Материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;
- Справочные законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;
- Обзоры деятельности региональных организаций;
- Сообщения, официальная информация по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Необходимо отметить также, что в журнале помимо указанных проблем предполагается освещение и иных региональных аспектов – демографических, экологических и пр.

Учитывая важность затрагиваемых в журнале проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала. В первую очередь это относится к сотрудникам Дальневосточного государственного университета, работникам других вузов, научных институтов, специалистам, знающим на практике проблемы Дальнего Востока и регионального взаимодействия.

Для участия в издании журнала достаточно присылать материалы согласно указанной рубрике, объемом не более 15 страниц машинописного текста, включая список литературы, таблицы и рисунки с указанием фамилии, имени, отчества (полностью), должности и места работы, ученой степени и звания. Присланная *рукопись должна иметь: название статьи на русском и английском языках; email для связи с читателями; аннотацию на русском и английском языках; ключевые слова на русском и английском языках.* Она должна быть высокого качества: текст через 1 интервал с полями (поля зеркальные): верхнее – 20 мм, нижнее – 30 мм, внутри – 20 мм, снаружи – 25 мм, переплет 0, шрифт № 12. К рукописи прилагать электронный вариант, записанный в редакторе WORD на CD-R (Материалы на дискетах не принимаются и не рассматриваются).

Ссылки давать в квадратных скобках с помещением источников в конце статьи (например, «Согласно работе [5], или при цитируемой ссылке [5, с. 18]».

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учеными и практиками Дальнего Востока, и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретения направлять по адресу:

690950, Владивосток, ул. Мордовцева, 12, зам. гл. редактора.

Тел.: (4232) 26-76-41, Факс: (4232) 22-78-25, E-mail: Zharikov@mail.dvgu.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТА РЕГИОНА

ТРАНСПОРТНЫЕ УЗЛЫ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА НА ФОНЕ МИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ МОРСКОГО ТРАНСПОРТА

*А.С. Сергеев, М.С. Чарей**

В приморских регионах России транспортные узлы (ТУ) включают инфраструктуру морских портов, проводящие транспортные коммуникации, морской и смежный транспорт (железнодорожный, автомобильный и трубопроводный), транспортную инфраструктуру в припортовых зонах, а также систему логистического грузопроводящего сервиса (комплекс экспедиционных услуг), взаимодействующую с грузовладельцем, грузоотправителем, грузополучателем (рис. 1). Система призвана создавать законченную цепочку добавленной стоимости, принимая на себя весь комплекс транспортной услуги для клиента.

Рис. 1. Трехуровневая модель транспортного узла приморского региона

Базовыми элементами транспортных узлов Дальнего Востока являются железнодорожный транспорт (ДВЖД), морской торговый флот ведущих пароходств (ДВМП, ПМП, СМП, АМП и других судоходных компаний), а также транзитные порты (Восточный, Находка, Владивосток, Ванино, Посыет и Зарубино), обеспечивающие прямой выход России, стран СНГ и ЕС на страны АТР.

* *Сергеев Александр Садофович* – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии Тихоокеанского государственного экономического университета (ТГЭУ), г. Владивосток, e-mail: SERG-Alexander@yandex.ru/

Чарей Максим Сергеевич – ассистент кафедры экономики и управления на предприятии ТГЭУ.

Современное состояние транспортных узлов региона

Главные транспортные узлы региона на базе морских портов Владивосток, Находка, Восточный, Ванино и Посыет (табл. 1) обеспечивают в настоящее время наибольший объем (до 65 % общего грузооборота) перевалки экспортно-импортных грузов, которые следуют в основном транзитом по Транссибу и БАМу из центральной части России, Сибири и Якутии на страны АТР. Кроме этого, через порт Восточный проходит самая короткая по протяженности контейнерная линия ТСКС между странами АТР и ЕС.

Таблица 1

Структура грузооборота базовых морских портов Дальнего Востока за 2008 г. (в млн. т), включая нефтеналивные и грузы рыбных портов [7]

Показатели	Владивосток	Восточный	Находка	Ванино	Посыет
Грузооборот – всего В том числе:	9,275	14,998	13,667	9,675	2,824
Сухие грузы	7,115	14,998	7,848	6,221	2,824
Наливные грузы	2,160	-	5,819	3,454	-
Экспорт	5,271	13,073	11,244	5,132	1,556
Импорт	1,590	1,245	0,592	1,460	0,331
Транзит	0,059	0,089	0,470	-	0,011
Каботаж	2,355	0,591	1,361	3,083	0,926

За 2008 г. через все Дальневосточные порты прошло около 80 млн т грузов, включая нефтеналивные и грузы рыбных портов (рис. 2). По структуре грузопотока объем экспортных грузов составил около 80% от общего грузооборота, а импортных только около 9% или немногим более 6 млн.т. При этом грузопоток экспорта через порты Дальнего Востока за 1990–2008 гг. увеличился уже в 4,5 раза в основном за счет металла и навалочных грузов. За этот период значительно сократилась перевалка каботажных грузов, доля которых в общем грузообороте составляла ранее до 1991 г. более 50% или более 40 млн т, а в 2008 г. грузопоток каботажных грузов сократился уже до 15 млн т.

Общее ухудшение экономической ситуации в стране под влиянием мирового кризиса негативно отразилось на положении транспортного комплекса Дальневосточного региона. В результате падения производства, роста транспортных тарифов и таможенных пошлин значительно сократились объемы перевозки грузов. Неэффективная система управления транзитными грузопотоками, не обеспечивающая клиенту конкурентных преимуществ в использовании отечественного транспорта, вызвала сокращение транзитных перевозок по Транссибу до 1% в общем объеме контейнерного грузопотока по направлению МТК «Восток – Запад». В настоящее время грузовые перевозки ДВЖД по Транссибу составляют около 50-ти млн т в год. При этом интенсивность его использования снизилась с 28,5 тыс.т на 1 км пути в 1990 г. до 9,5 тыс. т в 2008 г.

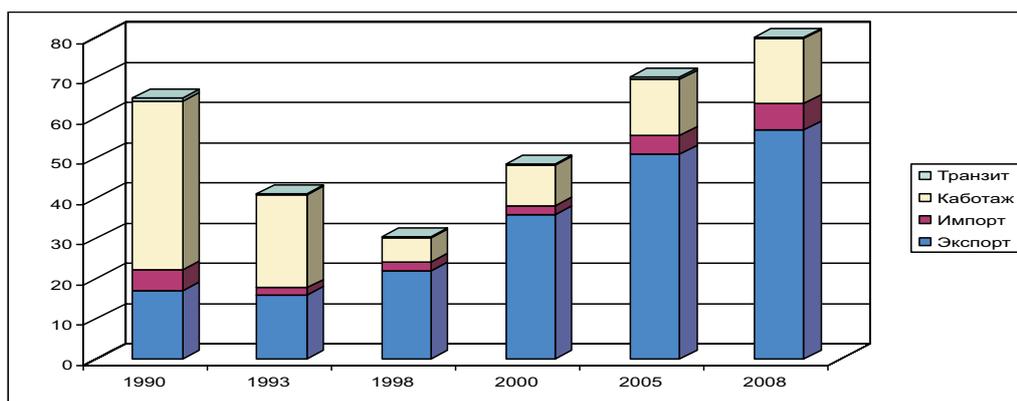

Рис. 2. Динамика грузооборота морских портов Дальнего Востока (млн т) [7]

[5]. Это привело к снижению загруженности Транссиба и образованию резервов пропускной способности в ТУ региона.

Перевозки морским транспортом Дальневосточного региона сократились более чем в два раза и составляют в настоящее время около 10-ти млн т в год. Его доля в морских перевозках на Тихоокеанском бассейне снизилась до 1%.

Несмотря на достаточно стабильное положение флота ДВМП и ПМП при обслуживании ряда международных транзитных линий, где используется в основном лучший в техническом отношении дальневосточный флот, дающий прибыль, трамповые перевозки отечественным флотом имеют в основном отрицательный финансовый результат из-за использования в этом виде перевозок старых низкорентабельных судов. Поэтому по мере выбывания (списания и продажи) старого флота трамповые перевозки в заграничии постоянно сокращаются. В результате доля иностранного флота в перевозках грузов отечественных фрахтователей составляет уже более 90%, с упущенной выгодой на фрахте до \$ 5 млрд./год [2].

Развитие дальневосточных портов ограничено низкой степенью диверсификации грузовой базы. Резкое снижение грузооборота во Владивостокском порту в 2008 г. произошло из-за трехкратного сокращения перевалки черного металла. В 2008 г. произошло сокращение контейнерного грузопотока через терминалы объединенного ВКМС в порту Восточном в 8,6 раз, а транзит по направлению «Восток-Запад» снизился более чем в 10 раз. По оценкам экспертов «Владивостоквнештранса» реальный рынок стран СВА, находящийся вблизи Приморья, в контейнерном исчислении составляет 40 млн TEU в год, в то время как контейнерооборот всех портов Приморья составляет немногим более 500 тыс. TEU [1. с. 76]. Заметный удар не только по грузопотоку, сколько по доходам Дальневосточных портов нанесло решение правительства о повышении пошлин на импорт подержанных автомобилей, а также на экспорт лома черных металлов. Поэтому основные усилия стивидорных компаний портов направлены сейчас не столько на реализацию инвестиционных проектов, сколько на разработку и реализацию своих антикризисных программ.

Основными причинами снижения транспортной активности региона можно определить следующими факторами: общее падение производства; система тарифных ставок, не учитывающая географическую отдаленность регио-

на от центральной части России; неэффективное таможенное законодательство; отсутствие стабильной политической и экономической ситуации в краях и областях региона, и как следствие – сокращение национальной грузовой базы и внешнеторговой активности.

Анализ конкурентоспособности транспортных узлов региона

На рынке транспортных услуг клиенты (грузовладельцы и линейные сервисы) оценивают конкурентоспособность ТУ по четырем основным факторам: ценовому, временному, качеству и комплексности услуг.

Ценовой фактор. Совокупные прямые и косвенные затраты по доставке и переработке грузов в региональных ТУ повышают конечные цены перевозимых грузов на 30-40%. Поскольку 80% грузопотока составляет российский экспорт, транспортная составляющая снижает конкурентоспособность некоторых российских экспортных товаров. При этом российские порты являются одними из самых дорогих в мире. Например, уровень портовых сборов в Дальневосточном бассейне России не на проценты, а в разы превышает размер аналогичных сборов в конкурирующих портах США (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительный анализ портовых сборов на Дальневосточном бассейне (в долл. США)

Виды сборов	Российские порты		Иностранные порты	
	Владивосток	Восточный	Пусан	Гонконг
Контейнеровоз «Максим Михайлов», вместимость 1 250 TEU				
корабельный	12095,34		2876,18	
лоцманский	740,53		999,57	
буксиры	9520,43		4308,17	
причальный	333,23		827,84	
швартовый	513,96		189,25	
прочие	6029,16		-----	
ИТОГО	29232.65		9201.01	
Контейнеровоз «Гамзат Цадаса», вместимость 754 TEU				
корабельный		5179,42		577,31
причальный		297,29		1538,46
лоцманский		317,10		1579,18
буксиры		3958,62		2538,46
швартовый		207,36		146,67
Прочие		3864,74		----
ИТОГО		13824,53		6380,08

Источник: Рассчитано по материалам Секретариата ЮНКТАД [9]

Оценка уровня стивидорных и терминальных ставок в портах России также подтверждает неконкурентоспособность предлагаемых российскими терминалами условий. Можно говорить о ценовой неконкурентоспособности российских транзитных маршрутов. Так, стоимость кругового движения одного контейнера с грузом TEU (в направлении Восточная Азия – Западная Европа) по Транссибирскому маршруту на \$ 1000 дороже, чем при использовании океанского маршрута через Суэцкий канал [2].

На ценовую конкурентоспособность отечественных ТУ значительно влияют железнодорожные тарифные ставки. Результаты анализа динамики тарифов за 1993–2008 гг., приведенные на рис. 3, наглядно показывают опережающий рост железнодорожных тарифов (446%) по сравнению с ростом грузооборота дальневосточных портов (167%) и фрахтовыми ставками морских перевозчиков (186%).

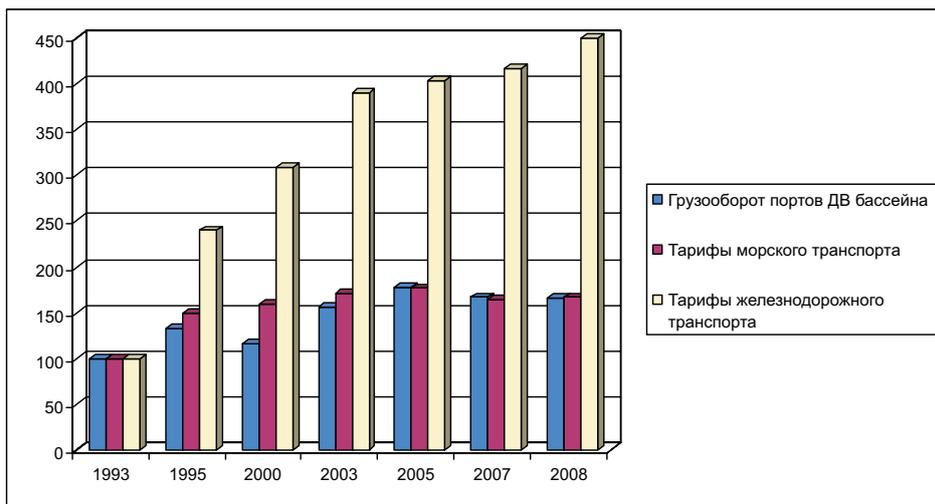

Рис. 3. Динамика роста тарифов в смешанных перевозках по Дальневосточному региону (в%) [4,7]

При такой ситуации железнодорожные тарифы оказывают тормозящее воздействие на развитие Дальневосточных ТУ в целом и на конкурентоспособность транзитных маршрутов – в частности.

Фактор времени. Критическим фактором международной конкурентоспособности Дальневосточных ТУ является фактор времени. Порты и транзитные маршруты России теряют реальную и потенциальную грузовую базу из-за неопределенности сроков обработки грузов в транспортных узлах. Так, отличительной чертой Транссиба для грузовладельца является необходимость оценки максимального и минимального уровней транзитного времени, вызванная нестабильностью сроков доставки. Колебания сроков доставки по Транссибу, в основном, связаны с проблемами, возникающими в пунктах стыковки различных видов транспорта. При достаточно стабильном времени транспортировки на морских и железнодорожных участках время нахождения в портах колеблется в зависимости от сроков таможенного оформления и наличия подвижного состава.

Качество услуг. Комплексный транспортный продукт высокого качества и уровня сервисного обслуживания от лица одной компании в рамках даже самого крупного ТУ, обладающего всем набором логистических услуг: транспортных, складских, таможенно-брокерских и координационных, – не предлагает ни один российский портовый оператор. Ни один российский портовый оператор не работает по схемам доставки грузов по принципу «от двери до двери» и «точно в срок». Для целей данного исследования портовым операторам задавался вопрос об обслуживании грузопотока по принципу «одного окна». Ни один оператор не дал положительного ответа [2].

Комплексность услуг. Клиенты заключают договоры с различными подразделениями на железных дорогах, с экспедиторскими, судоходными компаниями и фактически обслуживают себя сами, теряя время и упуская коммерческую выгоду. Отсутствие системы комплексного транспортного обслуживания привело к снижению темпов роста грузооборота российских ТУ. Международные критерии конкурентоспособности морского транспорта и смежных континентальных интермодальных комплексов меняются динамично. Развитие российских региональных ТУ на базе комплексных логистических систем запаздывает практически во всех сегментах, следствием чего становится потеря преимуществ российских транзитных маршрутов.

Уровень производительности портов. Производительность порта зависит от технической составляющей: причалы, краны, подъездные пути, уровень автоматизации и внедрения информационных систем. Отечественные транзитные порты пока не обеспечивают адекватную интенсивность обработки флота – такую, как в зарубежных ведущих портах. Среди многих причин организационного характера, как, например, сокращение режима рабочего времени портах до двух смен в сутки, одной из главных является старое оборудование, особенно универсальная перегрузочная техника на базе старых порталных кранов, которая эксплуатируется в среднем уже более 25-ти лет. В общей сложности, необходимо ее обновление почти на 80% [3]. Необходима также реконструкция причалов и железнодорожных подъездных путей в транзитных портах ДВФО для повышения пропускной способности терминалов до уровня ведущих портов АТР.

Например, для сравнения (табл. 3), на контейнерных терминалах глобальных операторов ТУ морских портов Северной Америки, Австралии, Японии и Южной Кореи производительность порталного крана в год составляет 90 000–160 000 TEU, а в порту Восточный (оператор ВМКС) – 48 570 TEU и 73 529 TEU в порту Владивосток (оператор ВКТ).

Развитие российских портов и смежной транспортной инфраструктуры в рамках единого ТУ происходит неравномерно. Накопились значительные различия по уровням технологичности и капитализации портовых узлов. Это является следствием неравномерности и нестабильности грузовой базы, дисбалансов в уровнях железнодорожных тарифов и ставок морского фрахта, а также недостаточного развития смежной железнодорожной и автомобильной инфраструктур.

Дисбаланс между транспортным флотом и грузовой базой. Современное состояние транспортного флота и его специализация уже недостаточно соответствуют сложившейся структуре грузопотоков на мировом рынке транспортных услуг. Например, в структуре российского тоннажа по удельному весу дедвейта значительно преобладает танкерный флот – 60% и самый старый универ-

Таблица 3

**Производительность контейнерных терминалов
в ведущих морских портах АТР в среднем за год (в тыс. TEU)**

Морские порты АТР	Производительность порталного крана	Производительность на 1 га терминала	Производительность на 1 м прич. стенки	Общий грузооборот терминала
Сингапур (ЮВА)	150,0	44,0	0,575	23 200
Шанхай (КНР)	150,2	38,0	0,520	19 100
Пусан (Ю. Корея)	159,8	32,0	0,580	12 600
Нагоя (Япония)	142,0	22,0	0,550	3 500
Сиэтл (США)	90,3	22,5	0,594	3 300
Мельбурн (Австралия)	85,2	15,0	0,460	1 500
Владивосток (ВКТ)	73,5	14,4	0,408	150
Восточный (ВКМС)	48,6	4,0	0,227	360

Источник: UNESCAP Review of Maritime Transport, 2007 [8].

сальный флот – 16%, тогда как на мировом фрахтовом рынке доля танкерного флота составляет 37% и не более 8% универсальных судов (табл. 4).

С другой стороны, наш транспортный флот по удельному тоннажу значительно уступает по балкерам, контейнеровозам и газовозам. В настоящее время отечественный балкерный флот едва способен обеспечить каботажные перевозки угля и других навалочных грузов на внутреннем рынке. Доля контейнеровозов под юрисдикцией России по удельному весу в структуре тоннажа

Таблица 4

**Соотношение тоннажа российского флота с грузовой базой
морских портов на период 2008 г. (в %)**

Типы судов	Доля по дедевету в мировом судоходстве	Доля по дедевету на российском флоте	Виды грузов	Доля в перевалке российских грузов в портах
Танкеры	34,7	60,3	Нефтеналивные	55,0
Газовозы	2,6	0,8	Грузы СПГ	2,0
Химовозы	1,1	4,7	Удобрения	2,5
Балкеры	35,3	7,0	Уголь, руда, зерно	17,8
Контейнеровозы	11,8	2,6	Контейнеры (TEU)	6,2
Ролкеры	0,7	0,2	Техника, оборудов.	0,8
Рефрижераторы	0,7	2,0	Скоропортящиеся	1,9
Универсальные	7,6	15,8	Лес, металл и т.п.	10,1
Прочие суда	2,8	6,6	Прочие грузы	3,7

Источник: Рассчитано по материалам ЦНИИМФ [3]

более чем в 5 раз уступает мировому уровню и не в полной мере обеспечивает потребности отечественных фрахтователей.

Таким образом, снижение участия российского флота в перевозках своих внешнеторговых грузов объясняется, во-первых, его количественным и структурным составом и, во-вторых, отсутствием экономических стимулов для привлечения грузовладельцев к заключению контрактов купли-продажи на условиях доставки российским флотом. Кроме того, в российском законодательстве отсутствует правовое закрепление перевозок стратегически важных грузов за национальными перевозчиками.

Дисбаланс в загрузке российских портовых мощностей. Причальные терминалы Санкт-Петербурга и Новороссийска перегружены, а порты Северного, Каспийского и Дальневосточного бассейнов имеют избыточные мощности. Инвестиции последних лет в строительство новых и модернизацию существующих терминалов не обеспечили сокращение разрыва между загрузкой мощностей портов Западного и Дальневосточного бассейнов.

В последние годы удалось решить задачу приоритетной важности в области морского транспорта – обеспечить практическую независимость российских внешнеторговых перевозок от портов и терминалов сопредельных государств. По итогам 1993–2008 гг. их доля сократилась от 42% до 20% [7]. При этом правительством РФ ставилась задача перераспределения грузопотоков с портов сопредельных государств в основном на порты Северного и Дальневосточного бассейнов. Однако, на самом деле, в распределении грузовой базы по морским бассейнам России наблюдаются большие диспропорции с учетом смещения основной загрузки портов северо-западной и южной частей России. Таким образом, в настоящее время на Балтийском и Черноморско-Азовском бассейнах сосредоточено уже до 60% грузовой базы в основном за счет введения дополнительных мощностей (терминалов) по перевалке нефти и нефтепродуктов. В связи с этим за период с 1993 г. перевалка внешнеторговых грузов в наших портах Балтики выросла уже в 13 раз и на Черном море почти в 8 раз (табл. 5).

Таблица 5

**Распределение грузовой базы России по морским бассейнам
в 1993–2007 гг. (в %)**

Название морских бассейнов	1993	1997	2000	2005	2007
Балтийский (Россия)	8,6	13,7	16,4	20,1	29,4
Порты Балтии (Латвия, Литва, Эстония, Финляндия)	31,5	27,7	19,2	14,8	12,6
Черноморско-Азовский (Россия)	13,7	29,2	30,6	30,9	28,3
Порты Украины	11,0	6,7	7,7	8,5	7,2
Каспийский (Россия)	0,1	0,6	1,5	1,9	2,0
Северный (Россия)	6,7	4,7	5,3	6,6	7,2
Дальневосточный (Россия)	28,4	17,4	19,3	17,2	13,3

Источник: Отчетные данные ОАО «Новошип» и «Росморпорт» за 2007 г. [2]

В тоже время порты Севера и Дальнего Востока, которые также имеют важное стратегическое значение для России с учетом прямого выхода в Атлантику и страны АТР относительно снизили свои темпы роста. Их доля по-прежнему остается относительно низкой – 20% от общего грузооборота. Несмотря на то, что мощности портов на Дальнем Востоке увеличились в среднем почти в два раза, их грузооборот относительно общих объемов по России, начиная с 2001 г. по настоящее время снизился с 23% до 16%. При этом доминирует экспорт, сокращается импорт, а доля транзита вообще упала до 1% [5].

Недостатки в развитии логистической инфраструктуры. На территории портов происходит совмещение функций объектов транспортной и логистической инфраструктур. Кроме основных стивидорных функций по перевалке грузов на морские суда и обратно, порты занимаются также их хранением и экспедиторской обработкой, что противоречит современной мировой практике работы крупных морских портов, где давно уже доминируют транспортно-экспедиторские или логистические компании. Транспортно-экспедиторские конторы (ТЭК) отечественных портов в условиях прямого подчинения стивидорным компаниям по своим функциям уже давно устарели. Они не несут прямой ответственности за своевременную и качественную доставку грузов в той мере, как это призваны делать самостоятельные логистические компании. Это препятствует не только эффективному использованию перегрузочных мощностей морских портов, железнодорожных и автомобильных подходов, но и развитию собственно логистического сектора в рамках единого ТУ.

По оценке экспертов величина непроизводительных затрат по причине низкой скорости перемещения грузов, плохой организации погрузочно-разгрузочных работ, избыточных запасов предприятий на случай сбоев поставок, а также несовершенства технологии грузопереработки в целом по России составляет порядка 1,3 млрд рублей в сутки [6]. При этом основная часть затрат возникает из-за несовершенной технологии терминально-складского или логистического обслуживания.

Рекомендации по развитию транспортных узлов региона

Для эффективного развития ТУ на базе морских портов региона предлагается:

- государственное регулирование, направленное на углубление региональной специализации морских портов и координацию развития их инфраструктуры с учетом требований по обеспечению конкурентности регионального рынка транспортных услуг и корпоративных интересов всех участников ТУ;
- создание координационных советов и комиссий при администрациях субъектов федерации, с возложением на них функций по стратегическому и оперативному управлению ТУ;
- возрождение организации деятельности морских портов на базе непрерывного плана-графика работы транспортного узла (НПГРТУ) и единого технологического процесса (ЕТП) с учетом применения современных информационных технологий в управлении логистикой;

- развитие комплексной припортовой транспортной инфраструктуры с учетом рационального размещения железнодорожной, автодорожной и логистической инфраструктуры;
- при ограниченной территориальной возможности развития морских портов создать глубокоэшелонированную систему складов и подъездных путей, позволяющей демпфировать сезонную нагрузку на перевалочную инфраструктуру;
- внедрение общемировой практики развития крупных портов-хабов, предусматривающей расширение эшелонированных припортовых площадей, а также слияние портовой и логистической инфраструктур (ЛТЦ) в рамках единого ТУ;
- развитие на базе приморских ТУ межотраслевых частных корпораций с участием различных видов транспорта в интермодальных перевозках;
- развитие муниципальных портов с учетом местного (регионального) статуса с целью повышения социально-экономической эффективности и привлекательности отечественных портовых городов;
- формирование структуры и генеральной схемы развития ТУ с учетом размещения на территории портов рекреационных зон для деятельности муниципальных туристических, спортивных, культурно-массовых и других организаций социальной сферы.

Для успешной реализации этих направлений необходимо не только взаимодействие региональных органов власти с центральными государственными структурами, но и разграничение сферы влияния и ответственности за развитие транспортного комплекса. Для этого необходимы нестандартные подходы к разработке и реализации обновленной региональной транспортной политики. Все звенья управления должны быть нацелены на решение новых задач повышения эффективности системы регионального управления транспортным комплексом.

ЛИТЕРАТУРА

1. В поле логистических технологий // Дальневосточный капитал, Владивосток, 2009. № 9.
2. Морской транспорт России на фоне мировых тенденций / Под ред. М.В. Терского, И.И. Меламеда. – М.: Современная экономика и право, 2008. – 208 с.
3. Морской флот: технико-экономические характеристики. Справ. СПб.: ЦНИИМФ, 2008.
4. Официальный сайт федеральной службы государственной статистики – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>
5. Развитие транспортной системы России (2010–2015 гг.) в дополнение к новой редакции ФЦП «Модернизация транспортной системы России» – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.transport.ru>
6. Развитие логистики в России, 2005/ Информационно-аналитическое агентство SeaNews. СПб., 2006.
7. Сергеев А.С. Формирование транспортного комплекса России: этапы становления, современное состояние, проблемы и перспективы развития. – Владивосток: Изд-во ТГЭУ, 2008. – 164 с.
8. Стивидорный рынок России: итоги 2008 года / Информационно-аналитическое агентство SeaNews/ СПб., 2009. – С. 33–56.
9. UNCTAD. Transport newsletter, various issues, 2005–2007.

ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНОЙ КОНТАКТНОЙ ЗОНЫ*

С.П. Быстрицкий, **Н.С. Фролова****

Среди основных задач, решаемых сегодня Россией на пути овладения факторами современного экономического роста, важное место занимает задача обеспечения эффективной интеграции её в мировой рынок. Это положение особенно актуально для приграничных регионов, имеющих развитые и диверсифицированные локальные контактные зоны.

Локальная контактная зона – территориальное пространство, где осуществляются контактные функции по взаимодействию России с сопредельными государствами. Они подразумевают соединение сухопутных видов транспорта с морским транспортом; комплексирование в использовании природных ресурсов суши, морей и океанов, а также комплексирование сухопутных территориальных видов деятельности с морскими видами деятельности; внешнеэкономическую деятельность, научно-технические и гуманитарные связи. Через локальные контактные зоны реализуются общенациональные интересы, а также интересы самих регионов, власти, бизнеса и населения, которые, используя близость тех или иных стран, включаются в глобальный процесс обмена продуктами и услугами, культурными ценностями, научными достижениями.

Локальная контактная зона образует собой систему синергетического действия единого регионального пространства. Такая система включает в себя три уровня, каждый из которых, при правильном её функционировании, получает определенные импульсы – территориальное развитие на локальном уровне, формирование межрегиональных и международных связей в регионе, реализация общенациональных интересов страны через развитые регионы, включение в международный обмен и сотрудничество, обеспечение безопасности и устойчивости государственных границ.

Чтобы такая система эффективно и правильно «работала», необходимо, чтобы один из главных её элементов – муниципальный район, территория которого выступает локальной контактной зоной, имел мощный социально-экономический потенциал, был обустроен с точки зрения транспортной и производственной инфраструктуры, обеспечивал достойные условия для проживания населения. В конечном итоге именно он должен играть роль катализатора экономического роста региона (страны), стать одним из центров для притяжения населения и укоренения его на российском Дальнем Востоке. Последнее особенно актуально, в силу того, что регион (особенно в 1990-е годы) потерял свою привлекательность с точки зрения постоянного места для проживания населения. Исчезли два стимула: ощущение необходимости (население региона почувствовало свою ненужность как хранителя окраины державы, участника ее освоения) и преимущества в доходах (до 1989 г. Дальний Восток был

* Выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 09-02-88203 а/Г)

** **Быстрицкий Станислав Пахомович** – кандидат экономических наук, заслуженный экономист России, заместитель директора по науке ДальНИИ рынка, г. Хабаровск; **Фролова Наталья Сергеевна** – зав. лабораторией региональной экономики, территориальной кооперации и государственного регулирования ДальНИИ рынка, г. Хабаровск, <frolova.nc@rambler.ru>

по ним одним из лидирующих регионов России). В настоящее время по уровню и условиям жизни наблюдается существенный разрыв [1].

Таким образом, следует ожидать, что создание локальной контактной зоны (ЛКЗ) может дать импульс для социально-экономического развития муниципальных районов в связи с тем, что на их территорию придет крупный бизнес и иностранный инвестор. С другой стороны, — такая зона будет создана в том случае, если в муниципальном районе есть необходимые условия для выполнения зоной всех необходимых функций.

Рассмотрение Ванинского и Советско-Гаваньского районов с точки зрения формирования здесь ЛКЗ обусловлено внешними предпосылками: географическим положением, примыканием к международным транспортным коридорам, наличием запасов природных ресурсов [2]. Дополнительно необходимо выявить внутренние реальные и потенциальные условия, которые будут определять возможность или невозможность создания на базе этих районов ЛКЗ. Важным условием при этом является рассмотрение социально-экономических перспектив, которые получают районы от реализации проекта.

Развитие ЛКЗ и её портовых комплексов в первую очередь зависит от возможностей доставки грузов по железной дороге Комсомольск — Советская Гавань. Сегодня пропускная способность железной дороги составляет 12,0 млн т грузов в год. Этого уже в настоящее время катастрофически недостаточно для пропуска нынешних грузопотоков в направлении Ванино — Советская Гавань. В этой связи проектировочными организациями предложено строительство второго пути на участке Комсомольск-Сортировочный — Ванино. Причем, для достижения грузооборота 58 млн т/год необходимо решать вопрос об электрификации железнодорожной линии. В Советско-Гаванском порту при открытии новой станции Мыс Марии, а в дальнейшем реализации других инвестиционных проектов, и соответственно при росте грузооборота необходимо строительство дополнительных железнодорожных путей от ст. Токи до ст. Советская Гавань.

Автомобильные дороги внутреннего и внешнего сообщения обеспечивают связь территорий между собой, с крупными городами Хабаровского края, регионами Дальнего Востока и далее с Западными регионами России. В этом плане автодорога Лидога-Ванино является важной артерией, обеспечивающей связь территорий с крупными городами края и другими регионами Дальнего Востока и России. В то же время она представляет собой один из лимитирующих элементов развития Ванино-Советско-Гаваньской ЛКЗ (ВСГЛКЗ). Это единственная в своем роде дорога, которая представляет собой сложную трассу, проходящую через тайгу, с большим количеством различных препятствий (изгибы, уклоны, мосты и др.), с низким качеством дорожного покрытия. Недостатком существующей системы внутренних автомобильных дорог является отсутствие рационального сочетания внешних и городских путей сообщения. Транзитное для города автомобильное движение, связанное с перемещением грузов автотранспортом от морских портов и в обратном направлении, проходит через гг. Ванино и Советская Гавань и совмещено с местным городским движением.

Развитие воздушного транспортного сообщения в создаваемой ЛКЗ связано с задачами, поставленными в транспортной стратегии РФ [3]. В частности, это задача создания национальной опорной аэропортовой сети, состоящей из

узловых и неузловых аэропортов, которые должны обеспечить связанность и стратегическое единство национального пространства. В её число вошел аэропорт Хабаровск как один из узловых аэропортов. В этой связи аэропорт Советской Гавани можно рассматривать как один из узлов внутреннего транзита для обеспечения эффективного транспортного сообщения. Следует отметить и тот факт, что проект реконструкция аэропорта «Май-Гатка» включен в инвестиционные планы Правительства Хабаровского края. Но сегодня не определена ведомственная принадлежность аэропорта – взлетно-посадочные полосы являются собственностью Министерства обороны, а обслуживание аэропорта – «лежит» на плечах Советско-Гаваньского района.

Портовая инфраструктура локальной зоны представлена двумя крупными портами. Порт Советская Гавань расположен в глубоководной бухте Эгге. В нем планируется создание портовой особой экономической зоны (ПОЭЗ).

Порт Ванино специализируется на переработке практически всех видов грузов, имеет достаточно развитую инфраструктуру. Основные преимущества Ванинского порта связаны с наличием свободных территорий, примыкающих к морским акваториям, имеющим глубины от 12 до 20 м. Генеральной схемой предусмотрена возможность строительства новых терминалов общей мощностью 40–50 млн т и доведения общего грузооборота до 60 млн т в год. Порт и остров Сахалин связывает паромная переправа Ванино-Холмск, позволяющая обеспечить перевозку до 3,3 млн т грузов в год.

Проблемы дальнейшего развития портовых мощностей Ванино обусловлены ограниченной пропускной способностью транспортных магистралей; низкой скоростью обработки грузов; несогласованностью действий между портовыми службами; неразвитостью терминально-складской инфраструктуры и т.д.

Как уже отмечалось, ВСГЛКЗ важна с позиций осуществления ею контактных функций со странами АТР, в том числе через внешнеэкономическую деятельность. Её развитие подкреплено интересами стран АТР (Китай, Япония, Республика Корея), как одного из направлений доступа к природным ресурсам России. Однако возрастающее значение для ЛКЗ имеют транзитные грузопотоки, возникающие за рубежом и вовлекающие её в обслуживание международных перевозок. Поэтому при увеличении перевозок контейнерных грузов из Китая порты Ванино и Советской Гавани могут занять выгодную нишу в распределении мировых контейнерных перевозок. Создание логистических центров с полным комплексом услуг и с хорошо развитой инфраструктурой позволит превратить ЛКЗ в крупный центр международного делового сотрудничества.

Создание ЛКЗ потребует привлечения дополнительного населения, формирования крупных городских агломераций, развития крупномасштабного жилищного и производственного строительства, электроэнергетики. Сложности создания агломераций связаны с горным рельефом и изрезанностью берегов залива, которые обусловят разбросанность будущей застройки зоны. Расчлененность рельефа является серьезным препятствием и в сельскохозяйственном освоении территории. Проблематичным выглядит разделение управления в ЛКЗ. Существует несоответствие выполняемых местными органами полномочий и передаваемых им финансовых ресурсов и ряд других проблем.

Развитие агломерации в первую очередь может осуществляться за счет развития производственного комплекса Ванинского и Советско-Гаваньского рай-

онов, включающих лесопромышленный, рыбный и судоремонтный комплексы. В настоящее время объемы экспорта лесных (необработанных) ресурсов значительно опережают их переработку. Наличие крупной лесосырьевой базы в районе, близость порта, высокий спрос на круглый лес в сопредельных странах, относительно высокий уровень внешнеторговых цен на круглые лесоматериалы предопределили устойчивость тенденции сырьевой экспортной специализации предприятий района.

Перспективной отраслью Ванинского и Советско-Гаваньского районов является рыбопромышленный комплекс, стабильно развивающийся. Большинство предприятий имеет перерабатывающие мощности, добывающий флот; нацелено на дальнейшее развитие переработки рыбных ресурсов, увеличение ассортимента выпускаемой продукции. Однако, положение в отрасли остается достаточно сложным из-за старения добывающего флота, неразвитости береговой инфраструктуры, отсутствия высококвалифицированных кадров и т.д. На этом фоне идет дальнейшее снижение биопродуктивности дальневосточных морей, что чрезмерно усугубляет проблемы отрасли. Поэтому необходимо формирование механизмов государственной поддержки отрасли. Целесообразно и объединение предприятий рыбопромышленного комплекса, позволяющее повысить эффективность отрасли за счет оперативного перераспределения ресурсов между предприятиями комплекса.

Важным направлением ЛКЗ может стать развитие судоремонтной базы, что предусмотрено Концепцией создания портовой особой экономической зоны в Советской Гавани. Существующие трудности сопряжены в основном с разрушением имеющихся производственных мощностей и усиливающейся конкурентоспособностью со стороны высокоразвитых стран АТР и динамично развивающимся Китаем. Тем не менее в условиях кризиса и недостаточности средств для покупки новых судов, предприятия, имеющие флот, будут прибегать к судоремонту.

Таким образом, не смотря на трудности, для создания ЛКЗ имеются не только внешние предпосылки (внешняя транспортная инфраструктура, наличие запасов природных ресурсов, расположенных в зоне влияния ЛКЗ, растущий спрос в АТР и в мире на сырьевые ресурсы, заинтересованные инвесторы), но и сопутствующие внутренние условия. В совокупности они формируют благоприятную среду для реализации проекта создания ЛКЗ (рис. 1).

Для обоснования значимости создания ЛКЗ в регионе был проведен репрезентативный экспертный опрос в основном представителей бизнес-среды, проектных организаций, а также руководителей и служащих районных администраций. В анкете рассматривалось 11 групп вопросов.

В большинстве своем эксперты положительно оценили создание ЛКЗ (95,6%). В качестве главных предпосылок отмечено – примыкание к международным транспортным коридорам, к системе бухт и др. (рис. 2).

Вместе с тем, существует ряд серьезных проблем, препятствующих формированию ВСГЛКЗ. Во-первых, это наличие неблагоприятных природно-климатических факторов при освоении природных ресурсов, расположенных в зоне влияния ЛКЗ. Во-вторых, недостаточное выделение средств из федерального и региональных бюджетов на развитие инфраструктурных проектов. В-третьих, недостаточная пропускная способность железной дороги. В-четвертых, отсутствие постоянства в государственной политике по поддержке развития рос-

Рис. 1. Внутренние условия и перспективы развития ВСГЛКЗ

сийского Дальнего Востока и др. (рис. 3).

Вопрос «Какое влияние окажет создание ЛКЗ на развитие территорий» позволил сформулировать следующее заключение. Для Ванино-Советско-Гаваньского района это прежде всего социально-экономические эффекты, %:

- развитие крупномасштабного жилищного и производственного строительства, индустрии промышленности строительных материалов (61,0);

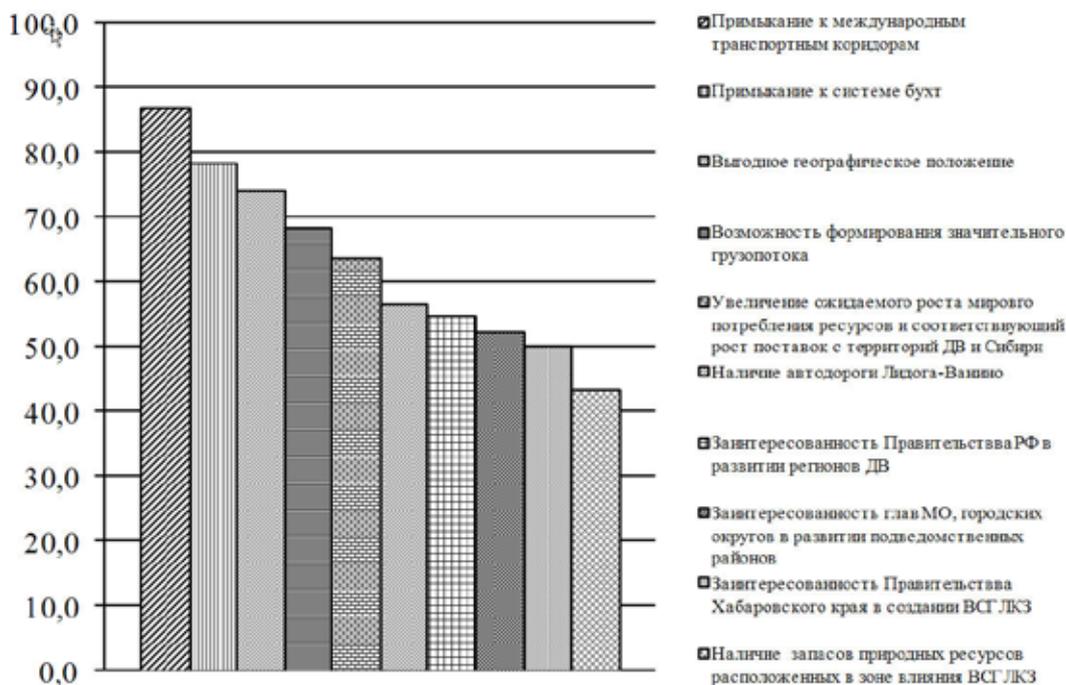

Рис. 2. Оценка экспертами основных предпосылок создания ВСГЛКЗ, %

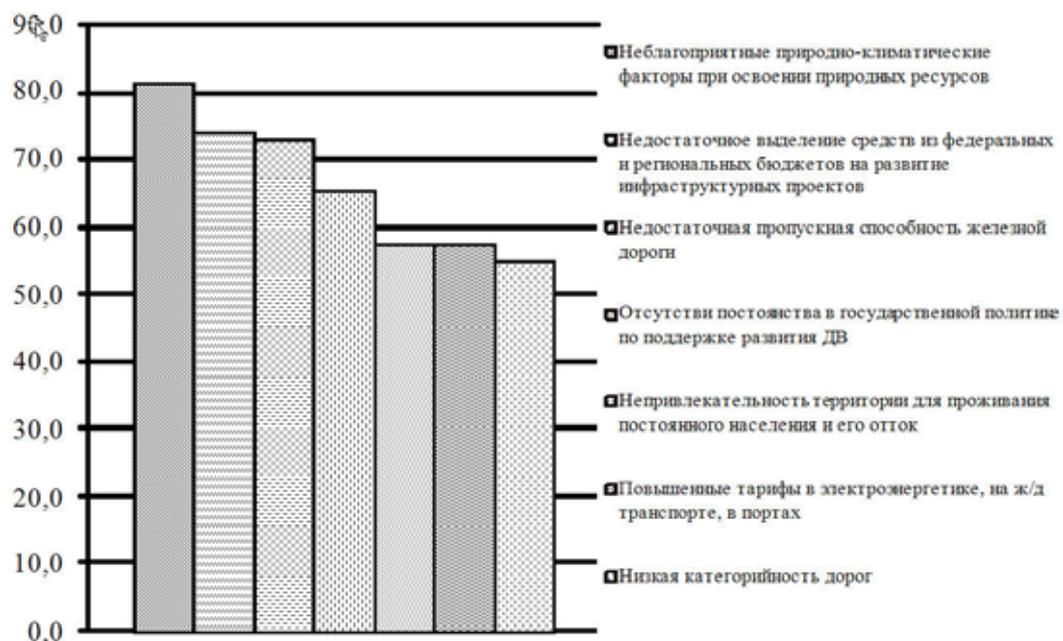

Рис. 3. Оценка экспертами основных проблем, препятствующих созданию ВСГЛКЗ, %

- развитие туристических услуг, зон рекреации (58,0);
- привлечение дополнительного населения и формирование крупной агломерации (50,0);
- создание территориально-производственных комплексов (47,8);
- создание деловой инфраструктуры (бизнес-, международные центры, гостиничные комплексы, банковские учреждения) (41,0).

Для Дальнего Востока и Хабаровского края, %:

- усиление транспортно-логистической и экспортно-производственной роли (91,3);
- рост инвестиционной привлекательности (77,3) и повышение инновационного уровня (43,9);
- способствование развитию производств по глубокой и комплексной переработке разнообразных природных ресурсов: рыбных, лесных, полиметаллических руд и др. (52,4).

Для Российской Федерации:

- укрепление границ Дальнего Востока, создание экономически самостоятельных регионов (82,6);
- увеличение транзитной роли транспортных коридоров (Транссиба, БАМа);
- обеспечение выхода глубинных регионов к морскому побережью (72,7), а также развитие внешнеэкономических связей со странами АТР и укрепление своих позиций на мировой арене (69,6).

В процессе проведения опросов были затронуты проблемы инвестиционного климата. Так, экспертами были обозначены наиболее актуальные проблемы привлечения инвестиций для развития ЛКЗ. Опрос показал, что на фе-

деральном уровне основными преградами к развитию инвестиционного климата являются: высокие банковские проценты; короткие сроки кредитования и высокие риски; неразвитость фондового рынка. На региональном уровне: высокие издержки производства; дефицит квалифицированных рабочих; низкая платежеспособность населения. На уровне предприятий: отсутствие государственной поддержки; неразвитость производственной инфраструктуры; дефицит кадров; ограниченный рынок сбыта продукции.

К проблемам привлечения иностранных инвестиций были отнесены: недостаточная развитость и надежность систем гарантий государства и региона для защиты интересов инвестора; несовершенство нормативно-правовой базы и действующей системы налогообложения; недостаточная развитость финансово-кредитной системы; отсутствие финансовых инструментов софинансирования инвестиций.

Наиболее предпочтительными стратегическими проектами, по оценкам экспертов, являются: строительство автомобильных и железных дорог, портовой инфраструктуры, развитие системы логистики и сервиса, развитие перерабатывающих производств, судоремонта. Необходимым также является укрепление населения и создание условий для его проживания: строительство социальной и деловой инфраструктуры.

Таким образом, можно полагать, что создание ЛКЗ на территории Ванинского и Советско-Гаваньского районов это важный проект, который будет способствовать их социально-экономическому развитию. Для Дальнего Востока и Хабаровского края это важнейший катализатор инновационного развития регионов, для России – один из трамплинов включения её в динамично развивающиеся страны АТР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быстрицкий С.П., Заусаев В.К., Хорошавин А.В. Дальний Восток России: становление новой экономики. – Хабаровск: Изд-во ДВАГС, 2008. – 346 с.
2. Быстрицкий С.П., Фролова Н.С. – Локальные контактные зоны Дальнего Востока – Азиатско-Тихоокеанский регион. Экономика. Политика. Право. – 2009. – № 2 .
3. Транспортная Стратегия Российской Федерации на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 22 ноября 2008 г. № 1734-р).

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

СОСТОЯНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МОНИТОРИНГ И ОЦЕНКА*

*А.А. Кравченко, А.Ю. Хлыстун***

Одним из необходимых условий устойчивого и независимого развития любой страны в современных, достаточно сложных и противоречивых геополитических и внутренних социальных условиях является продовольственная безопасность. Страны мира значительно различаются по обеспеченности пищевыми ресурсами, степени продовольственной безопасности, не все страны мира обладают достаточными земельными площадями и материально-техническими средствами, что и отражается на благосостоянии населения и сохранении государственной независимости. Продовольственно независимыми странами являются только те из них, которые полностью обеспечивают жителей основной пищевой продукцией собственного производства с учетом текущего потребления и создания определенного резерва для исключительных ситуаций.

Текущий экономический кризис сделал население земли еще более уязвимым к проблемам, связанным с продовольственной безопасностью. Последние оценки ООН свидетельствуют о том, что вследствие экономического кризиса число голодающих и недоедающих людей в мире впервые с 1970 г. превысило 1 млрд человек (что примерно на 100 млн человек больше, чем в прошлом 2008 г.) и составило примерно 1/6 часть всего населения мира. Нынешний кризис не имеет прецедентов в истории, в нем сошлось воедино несколько факторов, которые делают его особенно пагубным для людей, подверженных риску оказаться в условиях нехватки продовольствия [6].

Во-первых, он накладывается на продовольственный кризис, вызвавший в 2006–2008 гг. подъем цен на основные продовольственные товары до уровня, недостижимого для миллионов бедных людей. И хотя по сравнению с максимальными отметками середины 2008 г. мировые цены на продовольствие опустились, они, тем не менее, продолжают оставаться высокими по недавним историческим меркам и неустойчивыми.

Во-вторых, кризис оказал воздействие на большие части мира одновременно. Предыдущие экономические кризисы, которые поражали развивающиеся страны, как правило, ограничивались отдельными странами или несколькими странами одного региона. В подобных ситуациях, чтобы противостоять воздействию кризиса, затронутые им страны прибегали к разным инструментам, таким как девальвация валюты, заимствования или расширенное использова-

* Работа выполнена при поддержке гранта ректора ДВГУ на научные исследования.

** *Кравченко Алла Анатольевна* – кандидат экономических наук, доцент кафедры международного менеджмента Российско-американского факультета института менеджмента и бизнеса (ИМБ) ДВГУ, г. Владивосток; e-mail: <kmm2008@bk.ru>;

Хлыстун Алексей Юрьевич – студент 5 курса Российско-американского факультета ИМБ ДВГУ; e-mail: Al_khlystun@yhao.com.

ние официальной помощи. В условиях глобального кризиса набор подобных инструментов становится гораздо более ограниченным.

В-третьих, сегодня развивающиеся страны намного глубже финансово и коммерчески интегрированы в мировую экономику, чем 20 лет назад, поэтому они в гораздо большей степени подвержены влиянию потрясений на международных рынках. И действительно, многие страны столкнулись с повсеместным уменьшением внешнеторговых и финансовых поступлений и отмечают сокращение доходов от экспорта, иностранных инвестиций, помощи в целях развития и денежных переводов мигрантов. Такая ситуация грозит не только ухудшением возможностей трудоустройства, но и уменьшением количества средств, которые могут быть использованы для государственных программ, необходимых для стимулирования экономического роста и оказания поддержки нуждающимся.

Обострение на мировом продовольственном рынке обуславливает необходимость постоянного мониторинга за состоянием продовольственной безопасности и ее оценки. Правильная оценка уровня продовольственной безопасности позволяет более точно учитывать и эффективно использовать сложившиеся условия. Состояние продовольственной безопасности населения оценивается широким спектром показателей и отвечает конкретному набору предъявляемых требований. При выборе оценочных показателей используются как общие, так и специфические методологические подходы. Однако общим подходом к определению продовольственной безопасности является то обстоятельство, что она рассматривается и в мировом масштабе, и в каждой отдельной стране в двух плоскостях: относительно к территории и к каждому отдельному человеку [7].

Глобальная (мировая) продовольственная безопасность отражает баланс между мировым производством и мировым потреблением, а в условиях рыночного хозяйства – баланс между спросом и предложением, реализуемый через функционирование национальных, региональных и мировых рынков.

Применительно к миру в целом социальным комитетом по международной продовольственной безопасности ФАО, разрабатывающим стратегические и тактические подходы к решению продовольственной проблемы на глобальном уровне, используется специальная методическая база. Она основывается на семи основных показателях.

Наиболее известный из них представляет собой отношение мировых запасов зерна, являющегося универсальным видом продовольствия, к его общемировому потреблению. Поэтому проблема продовольственной безопасности связывается, прежде всего, с развитием отраслей производства и переработки зерна, существованием в них рыночных отношений. Безопасным считается уровень переходящих запасов, соответствующих 60 дням мирового потребления зерна, или примерно 17% от всего объема его потребления.

Пять показателей характеризуют состояние с зерном для основных стран-экспортеров и стран-импортеров. Для стран-экспортеров оцениваются: отношение предложения зерна 5 главных экспортеров (Аргентина, Австралия, Канада, ЕС, США) к требуемому количеству и доля переходящих запасов к общему потреблению в этих странах; стран-импортеров – изменения в производстве зерна (Китай, Индия и страны СНГ), изменения в производстве зерна в развивающихся странах, за исключением Китая и Индии.

Последним (седьмым) показателем ФАО для оценки глобальной продовольственной безопасности являются среднегодовые экспортные цены, отслеживаемые по пшенице, кукурузе и сое (рис. 1).

Мировое сообщество по существу трижды сталкивалось с проблемой недостатка продовольствия за последнее столетие. Три основных продовольственных кризиса изображены на рисунке 1. Проанализируем продовольственный кризис 2008 г. Согласно оценкам ООН с 2005 по 2008 гг. цены на продукты питания выросли на 80%, что на 2% выше, чем в 70-е годы. Более того, индекс номинальных цен на продовольствие, составляемый ФАО, удвоился в период с 2002 по 2008 гг. [1]. Данный рост цен привел к снижению спроса на продовольствие и усилил социальную нестабильность.

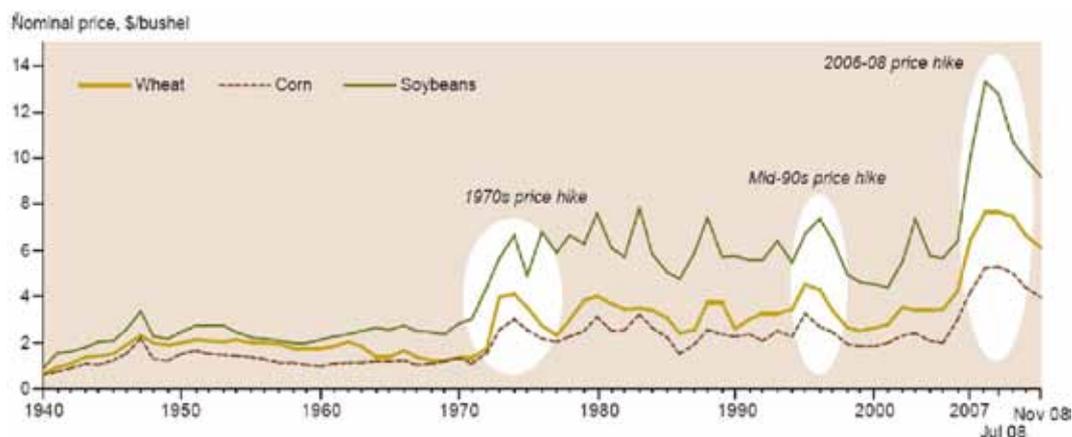

Рис. 1. Динамика цен на пшеницу, кукурузу и сою за 1940–2008 гг.

В результате кризиса впервые с тех пор, как ФАО приступила к мониторингу тенденций недоедания, численность хронически голодающих людей в последний период превысила показатели базисного периода. По оценкам ФАО, численность хронически недоедающих людей в мире составила в 2007 г. 923 млн человек, в 2008 г. уже 963 млн человек, в марте 2009 г. численность недоедающих превысила 1 млрд человек.

Текущий продовольственный кризис носит системный характер и был вызван целым комплексом факторов, таких как рост населения, снижение производства некоторых видов продуктов питания, увеличение использования биотоплива и т.д. Одним из основных факторов, безусловно, является значительное увеличение общей численности населения. С 1900 г. по настоящее время население земли выросло с 1,6 млрд до 6,6 млрд, а к 2050 г. оно должно достигнуть 9 млрд человек. Это ставит проблему не только постоянного увеличения производства продуктов питания, но и развития более совершенной системы распределения данных ресурсов. Это следует из того, что несмотря на более быстрый прирост производства продовольствия, чем численности населения, к настоящему времени общее количество недоедающих достигло самого высокого показателя за всю историю (17% численности населения мира).

Также в последние годы несколько крупнейших производителей зерновых в мире (Европейский союз, Индия, Китай и США) изменили свою сельскохозяйственную политику. Одним из результатов стало значительное сни-

жение объема запасов зерновых по сравнению с прошлыми годами. В период за 2007–2008 гг. годовое отношение мировых запасов зерновых к потреблению составляло, по оценкам, 19,4% и было самым низким за последние три десятилетия. Низкий объем запасов приводит к большей изменчивости цен на мировых рынках из-за неопределенности относительно достаточности поставок в период дефицита производства. Вдобавок экстремальные погодные явления в 2005–2007 гг., в том числе засухи и наводнения, затронули крупнейшие страны-производители зерновых. Мировое производство зерновых сократилось на 3,6% в 2005 г. и на 6,9% в 2006 г., а затем вернулось на прежний уровень в 2007 г. Более низкие урожаи в течение двух последующих лет при существовавшем небольшом объеме запасов привели к возникновению тревожной ситуации с запасами на мировых рынках. Растущая обеспокоенность по поводу потенциального воздействия изменения климата на наличие в будущем запасов продовольствия усугубила эти опасения. В результате чего цены на продовольственные товары на товарных рынках значительно выросли [8].

Как и в 1970-е гг. рост цен на нефть в настоящее время оказывает значительное давление на увеличение стоимости продовольственных товаров. Вплоть до середины 2008 г. наблюдался стремительный и резкий рост цен на энергоносители, а один из основных индексов цен на сырьевые товары (энергетический индекс Рейтер) возрос более чем втрое с 2003 г. Цены на нефть и продовольствие тесно взаимосвязаны. Быстрый рост цен на нефть оказывал повышенное давление на продовольственные цены, поскольку в 2006–2008 гг. почти утроились цены на удобрения и удвоились транспортные издержки. Высокие цены на удобрения оказывают прямое неблагоприятное воздействие на стоимость производства и на использование удобрений производителями, особенно мелкими фермерами. Более того, высокие цены на топливо привели к увеличению издержек на промышленное производство конечных продуктов питания.

Не последнюю роль в данной проблеме сыграл стремительно формирующийся рынок альтернативных источников питания. Формирующийся рынок биотоплива является существенным источником спроса на некоторые сельскохозяйственные товары, например, сахар, кукурузу, маниоку, масличные культуры и пальмовое масло. Более активный спрос на эти сырьевые товары вызвал рост их цен на мировых рынках, что, в свою очередь, привело к повышению цен на продовольствие. Несмотря на то, что производство и потребление биотоплива в некоторых странах опирается на поддержку государственной политики, быстрое увеличение цен на сырую нефть еще более способствовало росту спроса на сельскохозяйственные товары в качестве сырья для биотоплива. За 2007–2008 гг. в производстве биотоплива было использовано почти 100 млн тонн зерновых (4,7% от мирового производства зерновых) [8].

Однако, несмотря на системность текущего продовольственного кризиса, он значительно отличается от предыдущих. Прежде всего тем, что после него последовал сильнейший экономический кризис со времен Великой Депрессии 20–30-х гг. По подсчетам специалистов ФАО экономический кризис может увеличить число голодающих еще на 100 млн человек. В результате в конце 2008 г., когда мировые цены на продовольствие и топливо продолжали падать, возникла надежда на то, что развивающиеся страны смогут остаться в стороне от кризиса и рецессии, начавшейся в странах с развитой экономикой. Од-

нако эта надежда оказалась ложной, и ведущие международные организации быстро пересмотрели свои прогнозы экономического роста на 2009–2010 гг., резко понизив их для всех частей мира, включая развивающиеся страны.

Национальная продовольственная безопасность представляет собой систему, поддерживающую процесс жизнеобеспечения, имея при этом в виду возможную надежность снабжения из внешних источников, тем не менее базирующуюся на концепции самообеспечения основными видами продовольствия.

Считается, что имеются два основных пути обеспечения продовольственной безопасности на национальном уровне: стремиться к самообеспечению и создавать возможности систематически оплачивать импорт. Некоторые страны проводят политику, поощряющую производство достаточного количества продовольствия с тем, чтобы обеспечить минимально необходимый уровень потребления и защититься от случайностей, когда невозможно будет импортировать продовольствие даже по высокой цене. Концепция, в основе которой лежит возможность самим оплачивать закупаемое продовольствие, предполагает прежде всего создание экспортного потенциала, обеспечивающего валютные поступления, достаточные для импорта продовольствия в объеме, необходимом для удовлетворения потребностей населения. В процессе разработки и реализации политики обеспечения продовольственной безопасности важно учитывать то, что продовольствие является особой категорией товара. Для стран-импортеров оно – стратегический товар, приобретение и устойчивая поставка которого гарантируют стабильность в обществе; для стран-экспортеров – инструмент политического и экономического давления, поскольку они могут использовать эмбарго на поставки как рычаг воздействия на другие страны.

Для оценки уровня национальной продовольственной безопасности используется коэффициент продовольственной зависимости. При его расчете нами рекомендуется использовать следующую формулу:

$$K = \frac{И}{П + И - Э} ,$$

где *И* – объем импорта продукции, *Э* – объем экспорта продукции, *П* – объем собственного производства данной продукции.

При этом могут быть выделены три уровня продовольственной зависимости:

- безопасный уровень, если коэффициент продовольственной зависимости находится в пределах от 0,1 до 0,2;
- пороговый, если коэффициент продовольственной зависимости составляет 0,21 – 0,49;
- опасный, если коэффициент продовольственной зависимости выше 0,5.

Такие три интервала заданы исходя из оценки продовольственной безопасности страны. Экспертами установлено, что у не находящейся в продовольственной зависимости страны может быть до 25% импорта. Тревожным показателем принято считать уровень в 30%. Если же импорт продовольствия в стране превышает 50%, то данная страна является полностью зависимой от импортируемого продовольствия.

Этот показатель весьма актуален для стран в связи с тем, что импортная экспансия в условиях либерализации внешней торговли привела к вытесне-

нию с рынка собственных производителей. Так, за счет импорта ныне формируется около 40% продовольственных ресурсов России, а в Москве – 80%, в Казахстане – 35%, на Украине – 45% (и это в республике, которая считалась житницей бывшего СССР). Эти данные свидетельствуют о том, что перенесенные страны прошли пороговый уровень (0,3) продовольственной зависимости от внешнего рынка. В этих условиях решение проблемы продовольственной безопасности – это стабилизация отечественного производства.

По нашему мнению, для межстранового сравнения наиболее оптимальным будет использование коэффициента импортной зависимости от импорта пшеницы, потому что данный вид продовольственной продукции выбран различными международными организациями как базовый для проведения анализа продовольственной безопасности. Анализ изменения продовольственной безопасности проводился по данным с 1999 по 2007 гг. по экспорту, импорту и производству пшеницы в наиболее развитых и беднейших странах мира. Для России эти показатели отражены табл. 1 [2]. Динамика коэффициента продовольственной зависимости по странам мира представлена в табл. 2, согласно которой по состоянию на 2007 г.:

1. На безопасном уровне продовольственной зависимости находятся Россия (1%), США (9%), Германия (11%), Китай (1%), Великобритания (1%), Франция (2%), Канада (1%), Индия (2%), Афганистан (2%);
2. Италия (47%), Эфиопия (21%), Зимбабве (42%) имеют пороговый уровень продовольственной зависимости;
3. Япония (85%), Бангладеш (77%), Кения (62%), Уганда (95%) являются странами, находящимися на опасном уровне продовольственной зависимости. Уровень отечественного производства продовольствия находится в кризисном положении и требует немедленного укрепления.

Существует большое расслоение между богатыми и бедными странами. В большинстве своем развитые страны мира могут сами обеспечить себя продовольственными ресурсами и относятся к странам с безопасным уровнем продовольственной безопасности. Из этой цепочки выбиваются только Италия и Япония, которые попали в пороговую группу и группу стран, находящихся на опасном уровне продовольственной зависимости.

Таблица 1

Динамика импорта, экспорта и собственного производства зерна в России за 1999–2007 гг., тонн

	Импорт	Собственное производство	Экспорт
1999	4547128	30995150	650827
2000	2631312	34455488	418951
2001	916185	46982120	1635710
2002	264783	50609100	10259275
2003	640680	34104288	7587902
2004	1364102	45412712	4672189
2005	577115	47697520	10319594
2006	1397438	45006300	9704620
2007	465437	49389860	14444108

**Коэффициенты продовольственной зависимости в разрезе стран мира за
а 1999–2007 гг.**

Страна	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Афганистан	0,24	0,35	0,31	0,14	0,06	0,08	0,05	0,04	0,03
Бангладеш	0,56	0,47	0,59	0,50	0,61	0,62	0,68	0,75	0,77
Великобритания	0,09	0,08	0,12	0,08	0,08	0,06	0,09	0,07	0,01
Германия	0,07	0,07	0,05	0,09	0,09	0,04	0,07	0,09	0,11
Зимбабве	0,12	0,21	0,07	0,13	0,19	0,63	0,24	0,14	0,42
Индия	0,019	0,000	0,000	0,001	0,001	0,001	0,001	0,081	0,023
Италия	0,44	0,49	0,55	0,51	0,54	0,43	0,47	0,50	0,47
Канада	0,002	0,003	0,033	0,009	0,004	0,001	0,002	0,004	0,010
Кения	0,73	0,76	0,71	0,64	0,56	0,52	0,63	0,65	0,62
Китай	0,01	0,02	0,02	0,02	0,02	0,08	0,05	0,01	0,02
Россия	0,13	0,07	0,02	0,01	0,02	0,03	0,02	0,04	0,01
Таджикистан	0,43	0,44	0,41	0,35	0,18	0,17	0,31	0,31	0,30
США	0,06	0,05	0,07	0,09	0,03	0,04	0,04	0,07	0,09
Уганда	0,81	0,87	0,71	0,90	0,92	0,95	0,96	0,96	0,95
Франция	0,02	0,02	0,03	0,02	0,02	0,01	0,01	0,01	0,02
Эфиопия	0,32	0,49	0,39	0,31	0,50	0,21	0,27	0,16	0,21
Япония	0,91	0,89	0,89	0,88	0,86	0,86	0,86	0,86	0,85

Данный факт может быть объяснен спецификой этих стран. Так, например, в Японии основной продовольственной культурой является рис, поэтому большая часть посевной площади отдана под эту культуру, что и объясняет такую большую долю импорта зерна. Напротив, большинство беднейших стран мира (по показателю ВВП на душу населения) в последнее время попали в очень сильную зависимость от импорта зерна и другого продовольствия. В таких странах, как Уганда, Кения, Бангладеш доля импортной пшеницы в национальном потреблении превысила 95, 62, 77% соответственно.

Еще одной особенностью, которую следует отметить, является относительная стабильность уровня импортной зависимости в развитых странах, где он практически не менялся на протяжении последних 9 лет. В то время как в беднейших странах он более волатилен и подвержен сильному изменению от года к году, что также говорит о нестабильности развития сельского хозяйства этих стран, но и экономик в целом. Среди беднейших стран мира следует отметить стремительное увеличение в доли потребления импортной пшеницы – это в Зимбабве и Бангладеш. В них за 9 лет доля импорта увеличилась на 20–30%. В целом, такое бедственное положение в странах третьего мира заставляет задуматься о проблемах продовольственной безопасности все мировое сообщество, так как только совместными усилиями можно найти пути решения данной проблемы.

Также в последнее время очень активную роль в борьбе с голодом стали играть ведущие международные организации. Так, под эгидой Всемирного Банка была создана Программа Реагирования на Всемирный Продовольственный

Кризис. В 2008 г. данная организация распределила 735,4 млн долл. среди 31 нуждающихся стран и в будущем еще предоставит 258 млн долл. в виде гуманитарной помощи. Средства на закупку импортного продовольствия и семян для посева были предоставлены следующим странам: Афганистан (\$8 млн), Бангладеш (130), Эфиопия (275), Кения (50), Филиппины (200), Таджикистан (\$9 млн) и др.

Однако не только развивающиеся страны страдают от сложившейся ситуации. Так, в последнее время в Японии обеспечение продовольственной безопасности стало также достаточно актуальной проблемой. В 60-х годах предыдущего столетия показатель продовольственной независимости Японии составлял почти 80%. К 1989 г. он снизился до 50%, в настоящее время сократился до 40%. Япония оказалась в конце списка развитых стран: Австралия – 237%, США – 128, Франция – 122, Южная Корея – 49%. Для страны-архипелага, окруженной морями, проблема продовольственной безопасности чрезвычайно важна. Поэтому японское правительство сформулировало стратегическую цель: к 2015 г. поднять уровень самообеспеченности продуктами питания до 45%, а к 2020 г. – до 50%.

Нынешняя чрезвычайная ситуация стала результатом двух послевоенных процессов. Во-первых, негативным побочным последствием бурной индустриализации и урбанизации стали обезлюдившие деревни. Во-вторых, традиционный рацион японцев за полвека кардинально изменился. После войны основу питания составляли рис, овощи, рыба. За пять последних десятилетий потребление мяса увеличилось в девять раз, жиров – в пять раз. В рационе появились молоко, заморские фрукты и свежемороженые овощи. При этом потребление риса, который всегда играл главную роль в самообеспечении продовольствием, сократилось вдвое: со 126 до 67 кг на человека в год. При этом следует отметить интересную политику правительства Японии в области поддержания производителей риса. По урожайности риса (65 центнеров с гектара) Япония занимает третье место в мире. Но по его себестоимости не может конкурировать с крупным, поставленным на промышленную основу зерновым производством американских, австралийских или канадских фермеров. Земельные наделы большинства крестьян там немногим превышают полтора гектара. Тогда как на фермера в США приходится в среднем 178 га, в Англии – 68, в Германии – 36 га. Поэтому многие эксперты советовали японцам перейти от риса к более доходным культурам. Скажем, по примеру Израиля выращивать под пленкой дыни, клубнику или киви, а зерно закупать по более низким ценам на мировом рынке.

Японцы руководствуются не коммерческой выгодой, а интересами продовольственной безопасности. Правительство контрактует весь урожай по рентальной для крестьян цене. А затем продает рис отечественным потребителям в два-три раза дешевле, чем за него было заплачено. При этом исключаются посредники или перекупщики, так что предназначенная рисоводам государственная поддержка достается именно им. Власти исходят из того, что производство основной продовольственной культуры нельзя прекращать и возобновлять, словно поворотом крана. Если разорится последнее поколение рисоводов, Страна восходящего солнца в случае международного кризиса и морской блокады уже не сможет прокормить себя. На наш взгляд, данная политика, хотя и противоречит всем законам рыночной экономики, должна быть

образцом для многих стран, которые постепенно скатываются в яму продовольственной зависимости, включая Россию.

Тем не менее рацион нашего питания довольно-таки разнообразный и включает не только продукты переработки пшеницы. Поэтому, на наш взгляд применительно к Российской Федерации следует рассчитать коэффициент импортной зависимости для других групп продовольственных товаров. Для этих целей можно использовать продукты питания, включенные в потребительскую корзину, рассчитанную правительством РФ, табл. 4.

Таблица 4

Структура продовольственной корзины в Российской Федерации

Наименование	Объем потребления (кг в среднем на одного человека в год)		
	трудоспособное население	пенсионеры	дети
Хлебные продукты (хлеб и макаронные изделия в пересчете на муку, крупы, бобовые)	133,7	103,7	84,0
Картофель	107,6	80,0	107,4
Овощи и бахчевые	97,0	92,0	108,7
Фрукты свежие	23,0	22,0	51,9
Сахар и кондитерские изделия в пересчете на сахар	22,2	21,2	25,2
Мясопродукты	37,2	31,5	33,7
Рыбопродукты	16,0	15,0	14,0
Молоко и молокопродукты в пересчете на молоко	238,2	218,9	325,2
Яйца, штук	200,0	180,0	193,0
Масло растительное, маргарин и другие жиры	13,8	11,0	10,0
Прочие продукты (соль, чай, специи)	4,9	4,2	3,6

Исходя из структуры продовольственной корзины в РФ ситуация далеко не критическая, но за последние 8 лет в стране произошло значительное увеличение доли импортного продовольствия, табл. 5. В 2007 г. доля импортного сливочного масла, сыра и мяса находилась на пороговом уровне продовольственной зависимости. Так, доля импортного сыра возросла с 8% в 2000 г. до 29% в 2007 г. Однако наиболее критичная ситуация сложилась с обеспечением населения мясом. Несмотря на то, что мясная продукция является неотъемлемой статьёй сбалансированного питания любого человека, на протяжении последних 8 лет доля импортного мяса варьировалась в интервале 32–39%, это самое большое значение среди рассматриваемых показателей.

Однако ни один из вышеизложенных индикаторов не может достаточно точно определить продовольственную незащищенность или голод. Вместо этого семейный уровень продовольственной незащищенности или голода должен быть оценен через получение информации о различных условиях, си-

Коэффициенты продовольственной зависимости по отдельным видам продовольствия в Российской Федерации

	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Картофель	0,02	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01
Овощи	0,12	0,1	0,1	0,13	0,13	0,13	0,13
Мясо	0,32	0,37	0,35	0,35	0,39	0,38	0,36
Молоко	0,13	0,13	0,15	0,17	0,19	0,19	0,18
Яйца	0,03	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02
Сливочное масло	0,17	0,28	0,32	0,27	0,25	0,3	0,22
Сыр	0,8	0,21	0,25	0,29	0,33	0,28	0,29

туациях, поведении, которые могут служить индикаторами различных степеней сложности с продовольственным обеспечением. Поэтому следует рассматривать **продовольственную безопасность на уровне социальных групп**, семей и отдельных лиц, что отражает их право на доступ к продовольствию на уровне не ниже минимального по обеспеченности продовольствием, исключающего и предупреждающего голод и недоедание.

Социологические опросы семей, проведенные по телефону или лично, являются наиболее оптимальным источником данной информации. Обычно данные исследования включают вопросы о следующих видах семейного состояния, условий и поведений:

- боязнь, что семейный бюджет на продукты питания не сможет покрыть основные нужды;
- случаи, когда заканчивалась еда, не было денег на ее приобретение;
- ощущения респондентов, что потребленная еда была не качественной или в недостаточном количестве;
- переход на более дешевые и в меньшем количестве продукты, чем обычно;
- случаи голодания или потери веса в связи с уменьшением потребления еды.

Исследования возможностей оценки продовольственной безопасности начались в США с целью разработки стандартного метода оценки продовольственной незащищенности и голода в стране с последующим использованием его на национальном и региональном уровнях. На основе данных пробного социологического опроса 1995 г. был разработан детализированный инструмент, применимый для описания продовольственной ситуации среди американских семей в течение предшествующих 12 месяцев. Данные, накопленные в течение прошедших 14 лет, служат отправной точкой для сравнения изменения продовольственной ситуации в США [3].

При помощи вопросов, используемых в основной части опроса, создана обобщенная схема оценки данной проблемы, названная шкалой продовольственной безопасности. Она представляет собой непрерывную линейную модель для определения уровня продовольственной защищенности или голода, ощущаемую семьями и выраженную в числовом значении (условной единице). Стандартная шкала включает диапазон от 0 до 10. Домохозяйствам, кото-

рые не испытывают никаких продовольственных проблем, присваивается 0, а семьям с более проблемными продовольственными условиями – 10.

Более удобным представляется упрощение шкалы продовольственной безопасности до более меньшего набора категорий, каждая из которых отображает различный уровень продовольственной ситуации, и затем вычисление того процента населения, который попадет в каждую категорию по отдельности. Для этих целей было выведено 4 категории продовольственной безопасности:

- продовольственно защищенные – домохозяйства с отсутствующими признаками недоедания;
- продовольственно незащищенные без голода – продовольственная проблема выражается в озабоченности членов семьи о достатке необходимого продовольствия и изменении диетических предпочтений, включая переход на менее качественные продукты или продукты заменители;
- продовольственно незащищенные с голодом (умеренная) – отмечается значительное снижение употребления продуктов питания среди трудоспособных членов семьи, влекущее к физическому чувству голода;
- продовольственно незащищенные с голодом (сильная) – все члены семьи, включая детей, постоянно недоедают и испытывают чувство голода.

Социологический опрос, проведенный в США в 2007 г. среди 55000 американских семей, показал, что 89,1% населения страны не имеет проблем с доступностью продовольствия. Оставшиеся 12,6 млн (10,9% от общей численности населения) попали в категорию продовольственно незащищенных семей. Около 2/3 семей, столкнувшихся с данной проблемой, избежали существенного уменьшения потребления продуктов питания через замену традиционного рациона питания на более дешевые продукты. Однако 4,6 млн семей (4%) были вынуждены голодать, потому что они не могли позволить себе купить еду в какой-то момент времени за прошедшие 12 месяцев. При этом стоит отметить, что люди с низким уровнем продовольственной обеспеченности сообщили о следующих условиях:

98% семей беспокоились, что еда закончится до получения ими средств на ее покупку.

96% сообщили, что еды не хватало, они не могли позволить купить ее.

94% не могли купить сбалансированное продовольствие.

95% сталкивались с данной проблемой на протяжении более 3-х месяцев.

69% респондентов испытывали чувство голода в связи с невозможностью купить продукты питания.

46% потеряли вес, потому что не имели денег на покупку продовольствия.

За все время проведения данного опроса, более 10 лет, данные об изменении количества семей в разных категориях существенно не изменились и составили +/- 0,1%. Так например, в 2006 г. 10,9% семей были классифицированы как продовольственно незащищенные, а в 2005 г. этот показатель составлял 11%.

Несмотря на существенный объективизм метода, хотя он до сих пор не используется в других странах, нами он применен для оценки продовольственной защищенности граждан в РФ, проживающих в Приморском крае. Были опрошены в случайном порядке 120 жителей г. Владивостока, 72 жителя г. Спасск-Дальнего и 150 жителей пос. Пограничного.

**Результаты мониторинга за состоянием продовольственной безопасности
в Приморском крае**

Категория населения	г. Владивос- ток		г. Спасск- Дальний		пос. Погра- ничный	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Продовольственно защищен- ные	56	46.7	31	43.1	62	41.3
Продовольственно незащи- щенные без голода	31	25.8	25	34.7	56	37.3
Продовольственно незащи- щенные с голодом (умеренная степень)	29	24.2	13	18.1	19	12.7
Продовольственно незащи- щенные с голодом (суровая степень)	4	3.3	3	4.2	13	8.7
Итого	120	100	72	100	150	100

Согласно полученным результатам (табл. 6), в среднем по Приморскому краю 44% населения не испытывали никаких проблем с обеспечением продовольствием, а остальные 56% в той или иной степени сталкивались с нехваткой продовольствия на протяжении последних 12 месяцев. Заслуживает внимания факт, что почти 24% населения относятся к категории людей, которые непосредственно столкнулись с проблемой голода. Это существенно выше официальных оценок – согласно оценкам ООН в России голодает менее 5%.

5,8% семей (в том числе с несовершеннолетними детьми) с самым низким уровнем продовольственной обеспеченности беспокоились что еда закончится до того, как они получают деньги на ее покупку, они не могли позволить себе сбалансированное питание, подавляющее большинство из них ограничивало себя в питании и потеряло вес.

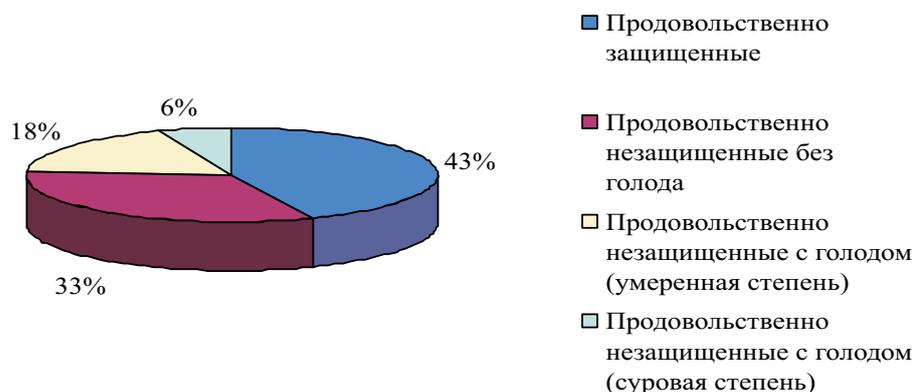

Рис. 2. Распределение респондентов по уровню продовольственной защищенности

Естественно, что многогранность проблемы продовольственной безопасности обуславливает необходимость дальнейших разработок системного инструментария ее оценки и мониторинга, адаптированного к постоянно изменяющимся реалиям в этой сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Food Security Statistics – http://www.fao.org/faostat/foodsecurity/index_en.htm – дата 25.01.2010
2. Food and Agricultural commodities production – <http://faostat.fao.org/site/339/default.aspx> – дата 10.12.2009
3. Guide to Measuring Household Food Security, Revised 2000 – <http://www.ers.usda.gov/Briefing/FoodSecurity/surveytools.htm> – дата 28.11.2009
4. Measuring Food Insecurity: Going Beyond Indicators of Income and Anthropometry – http://www.fantaproject.org/downloads/pdfs/foodinsecurity_bangladesh03.pdf – дата 28.11.2009
5. Measuring Household Food Consumption: A Technical Guide – <http://www.fantaproject.org/downloads/pdfs/foodcons.pdf> – дата 28.11.2009
6. Relentless tide of global hunger engulfs 1 bn – <http://www.ft.com/cms/s/0/d520cf02-22e0-11de-9c99-00144feabdc0.html> – дата 16.11.2009
7. The New Economics of Hunger – <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/story/2008/04/26/ST2008042602333.html> – дата 28.11.2009
8. The State of Food Insecurity in the World 2008 – <ftp://ftp.fao.org/docrep/fao/011/i0291e/i0291e00.pdf> – дата 28.11.2009
9. U.S. Household Food Security Survey Module – <http://www.ers.usda.gov/Briefing/FoodSecurity/surveytools/hh2008.doc> – дата 22.10.2009
10. World Bank Expands Response to Food Price Crisis – <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/NEWS/0,,contentMDK:22150918~pagePK:64257043~piPK:437376~theSitePK:4607,00.html> – дата 14.11.2009

ФИНАНСЫ В РАЗВИТИИ РЕГИОНА

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ БЮДЖЕТОМ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Н.В. Кузнецова, И.О. Бушманова

Доходы бюджета Приморского края за 2002–2008 гг. имели стабильную тенденцию роста, и фактическое исполнение доходов бюджета превышало плановые показатели. Исключение составил 2003 г., когда процент исполнения к плану составил 98,5%, что вызвано снижением поступлений по статьям «Неналоговые доходы» и «Безвозмездные перечисления».

Основным источником доходов бюджета являлись налоговые поступления, в которых преобладали налоги на прибыль, рис. 1. В 2008 г. прирост поступлений к уровню 2003 г. по налогу на прибыль составил 15810,1 млн руб., поступления по налогу на имущество 3087,8 млн руб. и 577,1 млн руб. соответственно. На 01.01.2009 г. консолидированный бюджет Приморского края сформировался в объеме 65704,2 млн руб.

Помимо налоговых доходов бюджета, источником дополнительных средств в первую очередь является федеральный бюджет. За счет финансовой помощи, прямых территориальных расходов и в форме финансирования федеральных целевых программ Приморский край формирует до 50% консолидированного бюджета, рис. 2, что свидетельствует о дотационности края.

Динамика темпов прироста ВРП 2004–2008 гг. (рис. 3) резко отличается от темпов прироста по доходам и расходам. Если в 2003–2005 гг. мы наблюда-

Структура доходов краевого бюджета

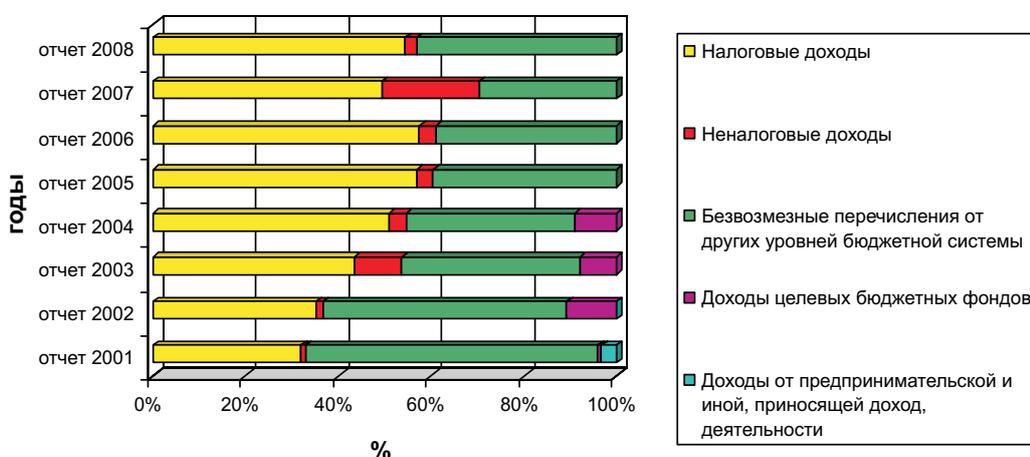

Рис. 1. Структура доходов бюджета Приморского края

* *Кузнецова Наталья Викторовна* — доктор экономических наук, профессор Института менеджмента и бизнеса ДВГУ, г. Владивосток; e-mail: nvk@raf.dvgu.ru.

Бушманова И.О. — аспирантка Института менеджмента и бизнеса ДВГУ, г. Владивосток, e-mail: crystal1981@mail.ru.

Рис. 2. Динамика доходов бюджета Приморского края [1]

даем увеличение ВРП, то в последующие годы динамика отрицательна. Прирост по доходам и расходам имеет более устойчивую положительную динамику.

В части расходов консолидированного бюджета Приморского края следует отметить рост средств на капитальные вложения в 2008 г., и планируемый их рост в 2010–2011 гг., что связано с финансированием подпрограммы «Развитие г. Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе» в составе Федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года», а также реализацией на территории края других приоритетных национальных проектов, типа – «Доступное и комфортное жилье – гражданам России».

К числу положительных итогов анализируемого периода следует отнести снижение государственного внутреннего долга Приморского края путём проведения реструктуризации задолженности бюджета региона перед федеральным бюджетом, задолженности местных бюджетов перед краевым бюджетом и оптимизации расходов на обслуживание государственного долга.

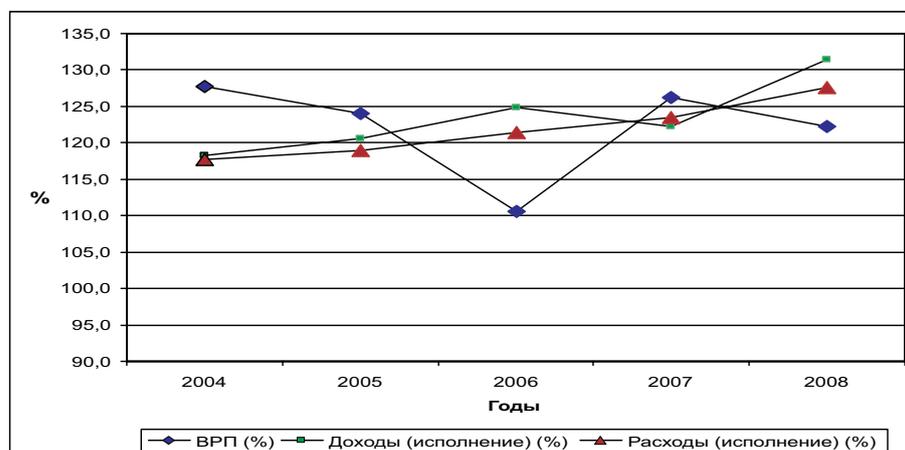

Рис. 3. Темпы прироста ВРП, доходов и расходов бюджета Приморского края

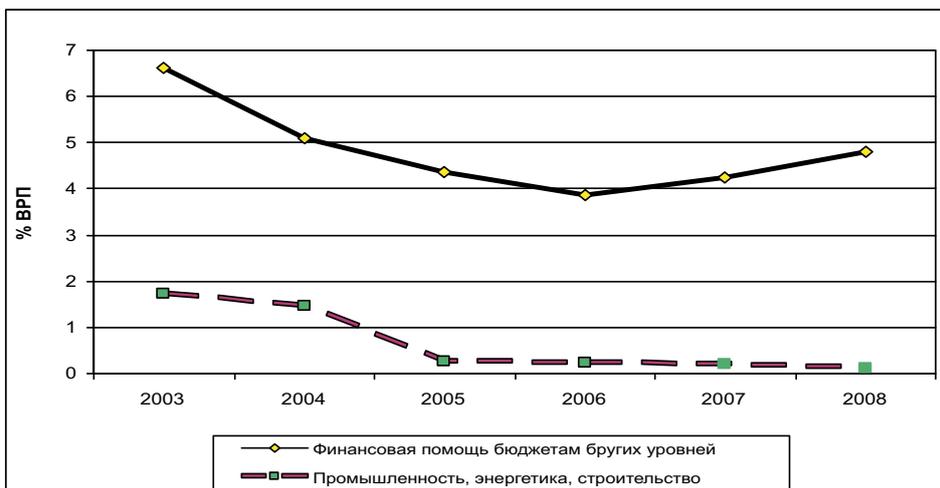

Рис. 4. Динамика расходов бюджета Приморского края по отдельным статьям, % ВРП

Анализ отдельных разделов расходов по группам показывает, что стабильно сокращались расходы только по разделу «Промышленность, энергетика и строительство», по которому сумма расходов снизилась с 1,7% до 0,11%, рис. 4. Также ежегодно сокращались расходы по разделу «Финансовая помощь бюджетам других уровней». С 2007 г. обозначился рост расходов по этой группе, что связано с реализацией ряда социальных программ в регионе, финансируемых за счет средств федерального бюджета. Динамика расходов бюджета Приморского края по отдельным направлениям хозяйственной деятельности отражена на рис. 5, из которого следует резкое снижение финансирования после 2007 г.

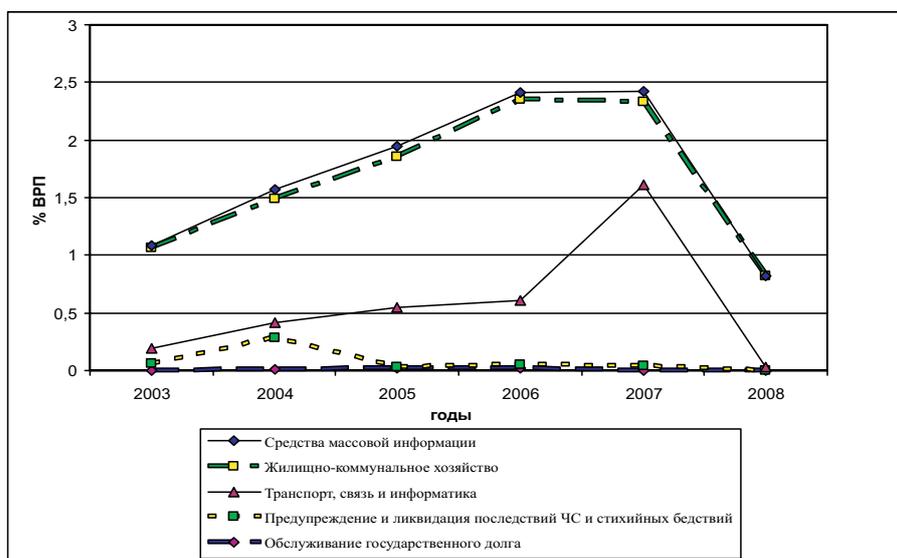

Рис. 5. Динамика расходов бюджета Приморского края по направлениям хозяйственной деятельности, % ВРП

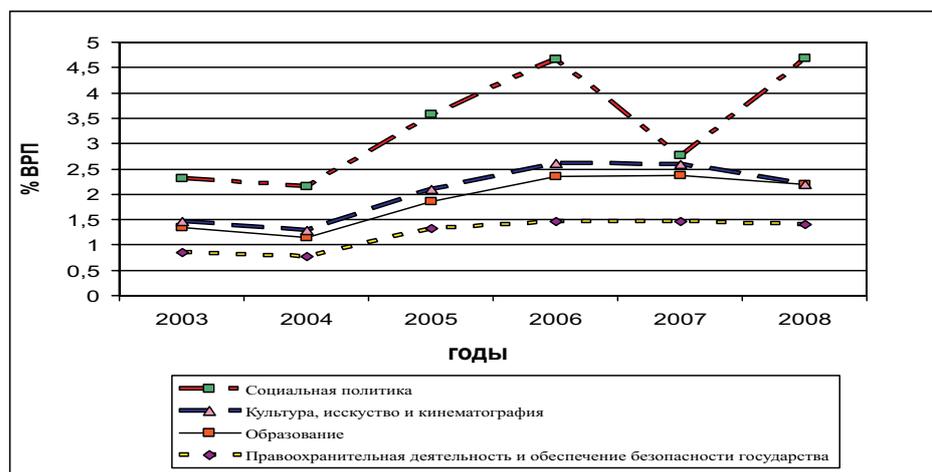

Рис. 6. Динамика расходов бюджета Приморского края по направлениям непроизводственной сферы, % ВРП

На этом фоне следует выделить группу преимущественно возрастающих разделов: «Социальная политика», «Культура, искусство и кинематография» и «Правоохранительная деятельность и обеспечение безопасности государства», рис. 6. Совокупный прирост расходов по этой группе составил 1,64% ВРП. В том числе: по разделу «Социальная политика» он составил 2,3% к уровню 2003 г.; минимальный прирост отмечен по разделу «Образование» – 0,3% ВРП. Значительно выросли также расходы по статье «Правоохранительная деятельность и обеспечение безопасности государства».

Анализ структуры расходов выявил в 2003–2007 гг. увеличение доли социальных, хозяйственных и управленческих расходов за счёт сокращения доли прочих расходов, рис. 7. Максимальное увеличение с 3,2% ВРП до 5,4% ВРП отмечено по группе социальных расходов; по группе управленческих расходов увеличение за период составило 1,9% ВРП при их затем снижении в 2008 г.

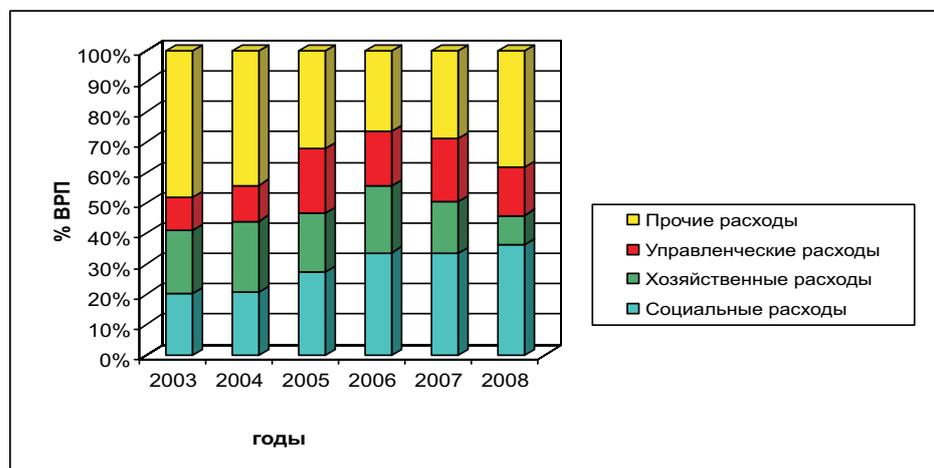

Рис. 7. Структура расходов бюджета Приморского края

на 1,4%. Минимальный рост наблюдался по группе хозяйственных расходов, что, на наш взгляд, оказал отрицательное влияние на динамику ВРП.

В процессе исследования выявлены следующие особенности регионального управления на территории Приморского края:

- основными экономическими факторами, влияющими на доходность краевого бюджета, являются уровень доходов населения, доходность малого и среднего бизнеса;

- обширная сеть социально-коммунальных учреждений, исходя из численности населения и высокого качества жизни, требует ежегодного увеличения затрат на их содержание в связи с инфляцией и ростом потребностей отдельных категорий жителей (потребность молодых семей в детских садах; «бюджетников» в получении доступного жилья; большинства жителей в услугах общественного транспорта и т.д.);

- органы исполнительной власти в процессе фактического исполнения бюджета вносят в проект многочисленные поправки, как правило, увеличивающие доходы бюджета, что говорит о наличии дополнительных финансовых резервов и фактическом профиците исполнения, однако это не позволяет в большем объеме профинансировать дополнительные расходные обязательства социального характера;

- бюджет края получает до 50% всех трансфертов из федерального бюджета в виде субсидий на условиях софинансирования социальных расходов и субвенций на развитие общественной инфраструктуры, реализацию национальных проектов в сфере здравоохранения, образования и т.п.

Анализ сложившейся практики бюджетного управления в крае позволил выявить ряд существенных недостатков, сужающих возможности Приморского края:

1. *Невозможность установления приоритетов текущих расходов.* Формирование бюджета от сети и по нормативам выступает как прямое ограничение возможностей руководства края определять приоритеты и направления расходования средств бюджета. Очевидно, что способ формирования бюджета снизу позволяет ставить вопрос о приоритетах лишь по факту распределения ассигнований между отраслями бюджета. Одним из следствий невозможности задать приоритеты расходования бюджета становится и невозможность альтернативного сопоставления отраслевых бюджетов между собой.

2. *Отсутствие в бюджетном процессе механизма «выбраковки» неэффективных решений.* Решения, связанные с планированием и использованием бюджетных средств, должны рассматриваться в призме оценки их эффективности. Кажущаяся арифметическая обоснованность расходов не позволяют оценить их с позиции эффективности. Это объясняется несколькими причинами:

- во-первых, поскольку расходы считаются от сети и нормативов, в каждом случае они одинаково «нормативно» эффективны. Сама природа нормативного планирования подразумевает, что расходы, определенные с его помощью, являются в достаточной мере целесообразными и эффективными;

- во-вторых, на сегодняшний день эффективность измерить и оценить невозможно, поскольку отсутствует необходимая статистика: о количестве и качестве оказываемых бюджетных услуг, их себестоимости, об удовлетворенности жителей края этими услугами и т.д. Иначе говоря, существующие спосо-

бы описания государственного сектора абсолютно не приспособлены под измерение эффективности и результативности.

Как следствие, в модели бюджетного управления отсутствует возможность увидеть и распознать неэффективные расходы. Отсутствие процессуальной возможности отбраковать неэффективные решения ведет к перераспределению на эти решения ограниченных бюджетных средств за счет более эффективных вариантов.

3. *Отсутствие тесной связи между планированием и исполнением краевого бюджета.* Многочисленные передвижки по статьям экономической классификации в течение года создают ситуацию, когда бюджет исполняемый и бюджет планируемый имеют разное содержание и наполнение. Причем проблема не в самом инструменте формирования бюджетной росписи или передвижках — при планировании «сверху» они не вступают в противоречие с другими стадиями бюджетного процесса. В случае же составления бюджета снизу, когда именно плановые сметы учреждений были обоснованием для принятия и утверждения бюджета, их пересмотр и изменение в течение года фактически говорят о том, что исполняется совсем не тот бюджет, который принимался.

4. *Невозможность оценить эффективность деятельности руководителей и учреждений.* Отсутствие возможности оценки в бюджете эффективных и неэффективных расходов напрямую означает и невозможность оценить эффективность или неэффективность того, как работают исполнительные органы и учреждения. В модели управления затратами эффективна та деятельность, которая не приводит к нарушению целевого характера использования средств.

Кроме того, сегодня руководители исполнительных органов и учреждений не могут отвечать за эффективность своей деятельности, поскольку:

- обладают очень ограниченными возможностями по управлению издержками и изменению технологий своей деятельности (численность работников и система оплаты труда задаются свыше, коммунальные расходы и капитальное строительство администрируются сторонними организациями, прочие текущие расходы также регламентируются и т.д.);

- результат деятельности не только не определен, но и не подкреплен соответствующим бюджетом. Даже при сформулированных задачах и планах деятельности реальная ответственность за их исполнение может возникнуть только при выделении их адекватности задачам бюджета;

- отсутствуют формализованные механизмы санкций и поощрений руководителей за эффективность деятельности учреждений и исполнительных органов;

- существующая статистика, характеризующая положение дел в отраслях социальной сферы (заболеваемость, успеваемость, число правонарушений и т.д.), не применима к оценке деятельности исполнительных органов. Как правило, учитываемые показатели определяются множеством факторов, из которых лишь часть зависит от деятельности той или иной отрасли.

Невозможность оценить эффективность деятельности руководителей не позволяет внедрить мотивационные механизмы, направленные на повышение производительности бюджетного сектора. Отсутствие мотивации, в свою очередь, ведет к тому, что руководители учреждений и исполнительных органов при распоряжении бюджетными средствами ставят и достигают некие иные цели, отличные от повышения качества и количества предоставляемых муниципальных услуг.

5. *Отсутствие стимулов к экономии бюджетных ресурсов.* Сложившаяся практика изъятия полученной на конец года экономии выступает одним из наиболее сильных факторов, сдерживающих повышение эффективности расходов на уровне отдельных распорядителей и получателей бюджетных средств.

Знание о безальтернативности изъятия экономии определяет стратегии распорядителей и получателей в отношении политики расходов в течение бюджетного года. В общих чертах она может формулироваться как «все запланированные расходы должны быть осуществлены к концу года». Такая нацеленность стратегии не только противодействует получению экономии, снижению стоимости оказываемых услуг, но и ориентирует получателей в первую очередь на освоение средств. Дестимулирование экономии в конечном счете приводит к росту непроизводительных бюджетных трат, несвоевременному осуществлению закупок товаров и услуг. И следовательно – к потерям в эффективности бюджетного управления.

Следствием перечисленных недостатков в модели бюджетного управления Приморским краем стало (рис. 8):

1. Низкая производительность бюджетного сектора края. Сложившаяся модель бюджетного управления не стимулирует распорядителей и получателей бюджетных средств к повышению эффективности своей деятельности. Более того, в отдельных случаях она подталкивает их к наращиванию сети и штатов, нерациональному использованию выделенных ресурсов. Отсутствие конкуренции и альтернативного сопоставления различных видов и направлений расходов по умолчанию ведет к потере в эффективности.

2. Бюджет не выступает инструментом политического управления. При формировании бюджета «снизу», от сети, через нормативный пересчет расходов на ее содержание, бюджет перестает выступать средством постановки и реализации задач политического руководства. Текущий бюджетный процесс основан на воспроизводстве ситуации, при которой расходы сети через бюджет формируют приоритеты для руководства, а не руководство через бюджет определяет цели расходования средств.

3. Высокие и неэффективные административные издержки бюджетного процесса. Максимально детализированная калькуляция расходов, помноженная на многократную балансировку доходов и расходов, объективно обуславливает высокие трудозатраты в органах управления. Тем самым способ подготовки бюджета сам продуцирует рост численности занятых его подготовкой, конкурируя с предметной деятельностью отраслевых департаментов. При том, что длительное и затратное калькулирование расходов при утверждении бюджета перечеркивается передвижками при его исполнении.

4. Слабая реакция бюджета и бюджетной сети на меняющиеся потребности потребителей края. Сложившаяся практика бюджетного процесса, при которой бюджет обслуживает сеть, а сеть выступает обоснованием бюджета, делает затруднительным и не целесообразным со стороны распорядителей поиск изменений в ожиданиях потребителей.

Проект краевого бюджета составляется с учётом необходимости достижения минимальных государственных стандартов на основе нормативов финансовых затрат на предоставление государственных услуг, а также в соответствии с другими нормами (нормативами), установленными действующим законодательством.

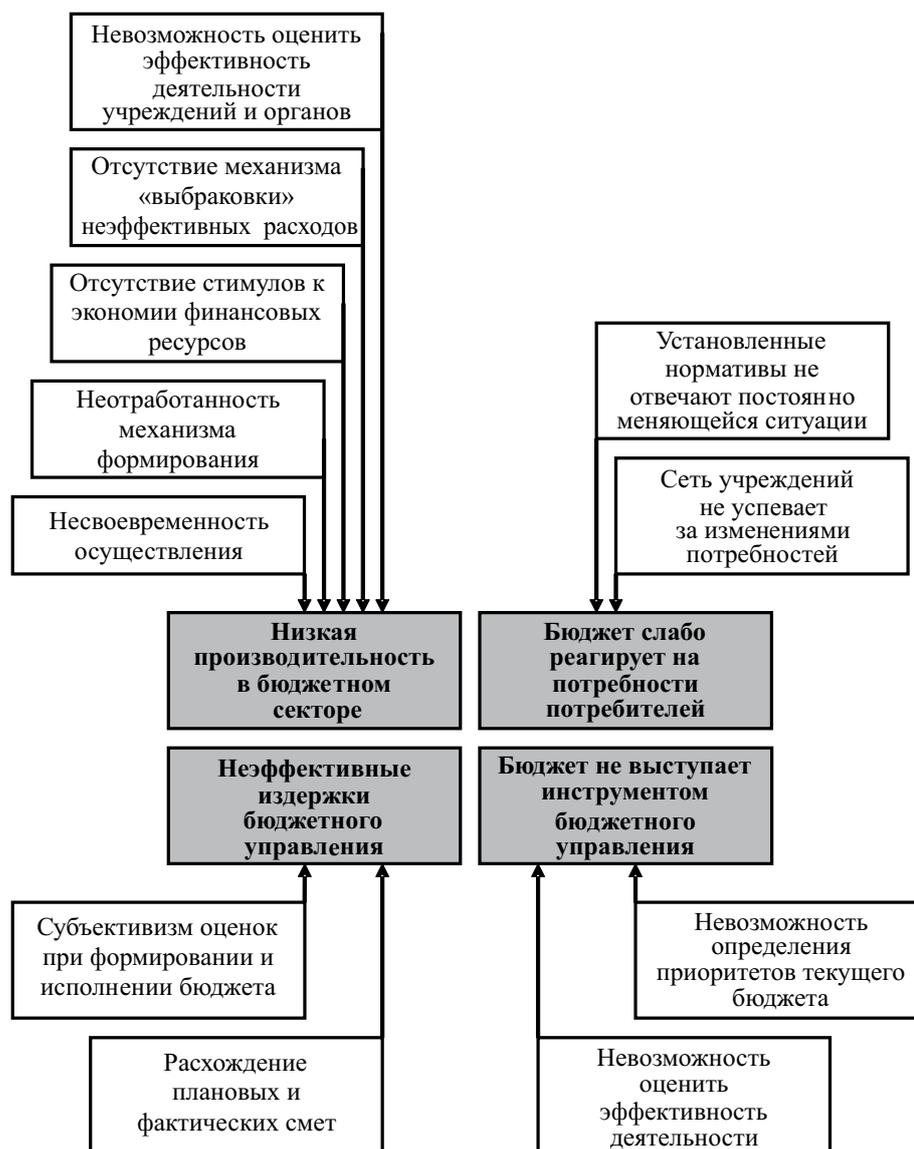

Рис. 8. Негативные последствия сложившейся модели бюджетного управления [2]

Дотационность краевого бюджета означает недостаточность средств и, как следствие, предопределяет: во-первых, проведение регионом политики покрытия недостатка средств; во-вторых, жёсткую зависимость края от федерального центра в проведении самостоятельной социально-экономической политики на территории; в-третьих, это бюджетное финансирование отраслей хозяйственного комплекса края, которое не оказывает никаких позитивных эффектов.

Оценка текущего состояния модели бюджетного управления показывает нам, что в экономике края имеется множество проблем, которые требуют решения. Несовершенство регионального планирования социально-экономического

развития главная причина низкой эффективности региональной экономической политики Приморского края.

Межрегиональная хозяйственная интеграция сменяется дезинтеграцией. Растет дифференциация по уровню жизни населения России и Приморья, кроме того усиливается неравномерность развития между муниципальными образованиями края.

В данной ситуации ключевой задачей становится повышение эффективности модели бюджетного управления – сохранение, рост уровня качества государственных услуг при меньшем объеме финансовых ресурсов.

Модель бюджетного управления, ориентированная на результат (БОР) позволит, на наш взгляд, ликвидировать существующие недостатки бюджетного процесса и дать адекватные ответы на стоящие перед краем угрозы, поскольку вся система бюджетного процесса по БОР буквально пронизана идеей повышения эффективности.

Специфика выявленных недостатков и проблем состоит в том, что их возникновение обусловлено правовыми нормами и устоявшейся практикой администрирования бюджетом. В этом смысле изменения в бюджетном управлении могут произойти только посредством разработки и принятия новой нормативно-правовой базы. Каркас модели БОР должны заложить решение о бюджетном процессе, показателях и результатах деятельности исполнительных органов. Ряд других нормативно-правовых актов должны обеспечить целостность всей конструкции результативного бюджетирования.

Необходимыми условиями внедрения результативного бюджетирования являются четко описанный результат (муниципальная услуга) и разграниченная персонифицированная ответственность за достижение данного результата. Это означает, что в обязательном порядке должна быть проведена работа по описанию услуг, предоставляемых краем его жителям (реестр государственных услуг), а также четкое разграничение функций и услуг между исполнительными органами власти Приморского края.

На основании проведенного анализа бюджетного процесса Приморского края нами сформулированы основные направления реформирования модели бюджетного управления, которая сможет дать адекватные ответы на проблемы и угрозы, выявленные в Приморском крае. Модель БОР в полной мере отвечает этому требованию, рис. 9. Кроме того, на наш взгляд, важнейшим из условий выхода из финансового кризиса является пересмотр системы бюджетного планирования и исполнения краевого бюджета.

Выделим некоторые приемы, позволяющие совершенствовать практику бюджетного управления:

- в условиях реформы краевой бюджет, несмотря на сокращение полномочий по использованию налоговой базы территории, должен увеличивать доходы из всех источников. При этом край должен сохранять не только социально-экономическую направленность затрат, но и объем капиталовложений (11–20% от всех расходов);

- следует активно использовать программно-целевой метод социально-экономического развития территории: ежегодно в проекте бюджета необходимо принимать целевых программ на общую сумму до 10–15% от объема расходов бюджета;

- необходимо внедрять новые формы предпринимательства по использованию краевого и муниципального имущества и привлекать дополнительные

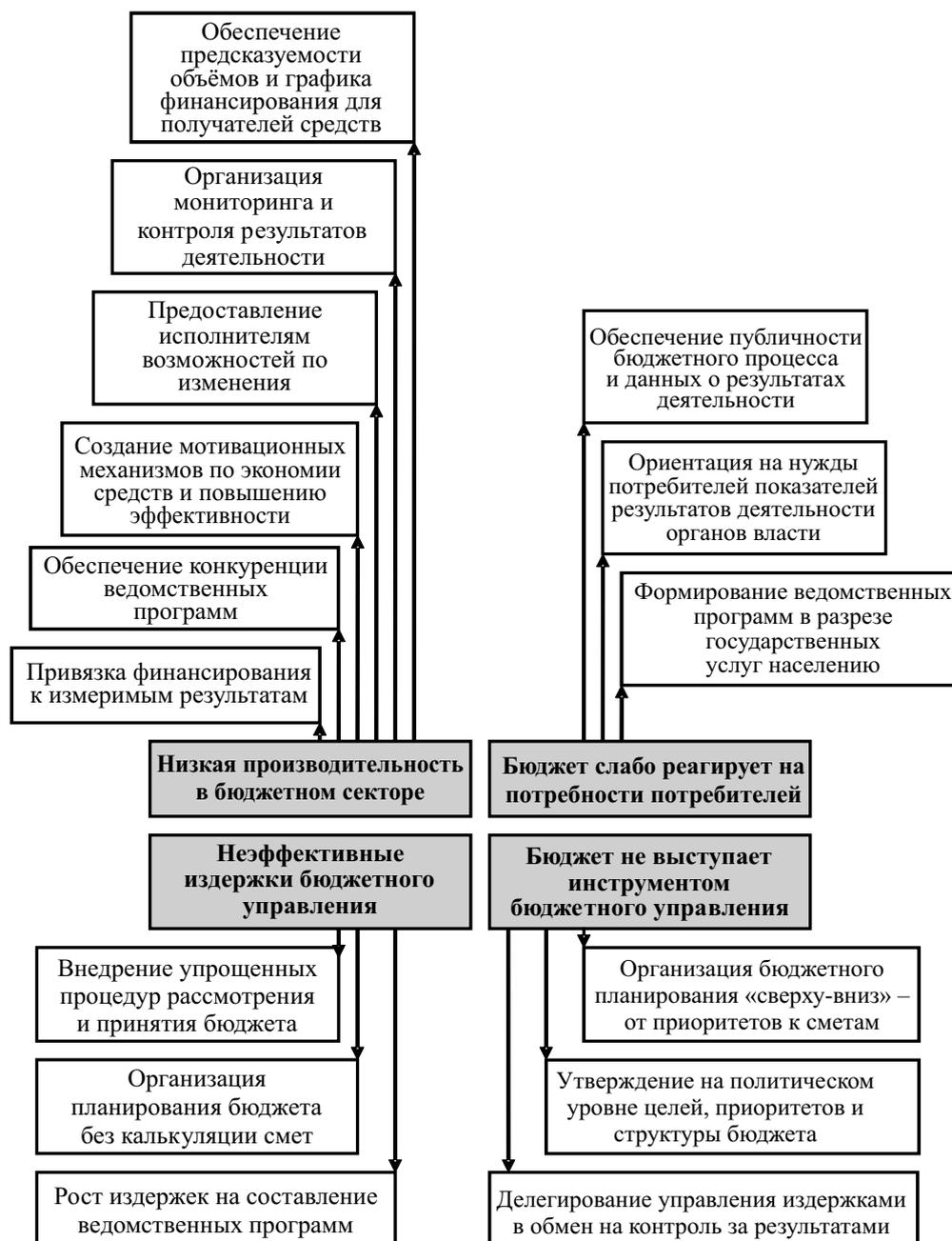

Рис. 9. Направления преодоления негативных последствий [3]

источники финансирования бюджетных учреждений: создавать автономные некоммерческие организации и автономные учреждения; увеличивать объём платных услуг для населения; привлекать спонсорскую помощь; увеличивать доходы от сдачи в аренду имущества;

- больше внимания уделять сокращению своих расходных обязательств по содержанию краевых объектов инфраструктуры при снижающихся источни-

ках доходов, но наращивать действия по развитию инвестиционной привлекательности края;

- в составе краевого бюджета следует формировать целевые фонды, предназначенные для привлечения средств предприятий, организаций и граждан на реализацию целевых программ (улучшение жилищных условий социально незащищенных граждан; развитие инженерной и социальной инфраструктуры) и т.д.

Кроме того, во-первых, решение проблемы утери бюджетом статуса активного инструмента политического управления в модели БОР достигается через планирование расходов бюджета «сверху-вниз», исходя из ясного понимания доходных возможностей и определенных краем приоритетов. При такой постановке задачи на политическом уровне определяются взаимосвязанные цели и политика их достижения, что находит свое отражение в структуре расходов бюджета. Наряду с этим ответственность за управление собственными издержками делегируется вниз – на уровень распорядителей и получателей бюджетных средств. Это позволяет сконцентрироваться на определении того, что считается результатом управления этими издержками и обеспечивает действенный контроль в достижении поставленных результатов. Нет смысла контролировать издержки, если не контролируешь результат: в противном случае все издержки по определению не эффективны.

Во-вторых, повышение производительности бюджетного сектора достигается в первую очередь посредством формирования бюджета на основе ведомственных программ, увязывающих объем бюджета с результатами его использования. В ведомственных программах ставятся задачи по повышению отдачи от деятельности бюджетного сектора, предоставляя широкую свободу исполнителям в выборе способа достижения этой цели. При этом программы конкурируют друг с другом, что позволяет выбирать наиболее эффективные и значимые из них. Руководители департаментов (распорядителей бюджетных средств) мотивируются к достижению программных целей через результативный служебный контракт, что обеспечивает их персональную ответственность и заинтересованность.

В-третьих, усиление ориентации бюджетной сферы края на потребности населения осуществляется с помощью обеспечения публичности бюджетного процесса, установленных показателей и достигнутых результатов. Кроме того, сами показатели результатов могут быть сфокусированы именно на удовлетворение текущих потребностей. В частности, ведомственные программы могут формулироваться в показателях удовлетворенности жителей соответствующими муниципальными услугами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Администрация Приморского края. Доклад первого вице-губернатора А.И. Костенко О проекте закона Приморского края «О краевом бюджете на 2007 год» (первое чтение) и об основных характеристиках краевого бюджета на 2007 год – [Электронный ресурс] /– Электрон. Дан. – Режим доступа: <http://www.primorsky.ru>
2. Бюджетирование муниципального сектора г. Сургута: от затратного к результативному управлению. Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа.

ЭФФЕКТИВНАЯ СИСТЕМА ВАЛЮТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

*Е.С. Сазонова, И.С. Безруков**

Либерализация валютного законодательства позволила создать нормативные условия для беспрепятственного привлечения иностранного капитала в российскую экономику. Тем не менее в настоящее время инновационная активность России значительно отстает от развитых стран по доли как инновационной продукции в промышленном производстве (5,5% в 2007 г.), экспорте (7,9%), так и инновационно-активных предприятий (менее 11% против 50% в Германии, Франции, Австралии, Бельгии).

В частности, анализ привлечения частного иностранного капитала в экономику Приморского края показал низкую эффективность вложения средств иностранных инвесторов с точки зрения инновационного развития основных отраслей народного хозяйства. Во-первых, средства вкладываются в отрасли, имеющие короткий цикл обращения капитала и минимальный уровень издержек. Во-вторых, сферы вложения иностранного капитала затрагивали сырьевые отрасли исключительно на уровне добычи сырья в большинстве случаев с целью его продажи по демпинговым ценам на внешних рынках. В-третьих, в общем объеме иностранных инвестиций преобладает доля заемных средств, Табл. 1.

Учитывая доминирование кредитов и займов в общем объеме иностранных инвестиций, надо понимать, что пришедшие заемные средства уйдут в полном объеме, увеличившись на сумму процентов за пользование кредитами. Кроме

Таблица 1

**Структура инвестиций, привлеченных в иностранной валюте в экономику
Приморского края*, млн долл. США**

Наименование показателя	2005	2006	2007	2008
Поступило инвестиций, всего	27,6	14,1	19,4	181,8
в т. ч. прямые инвестиции	7,7	5,6	7,3	14,2
- их удельный вес в общем объеме инвестиций, %	27	39	37	8
Портфельные инвестиции	0	0	0	0
Кредиты и займы	16,4	5,4	12,1	167,6
- их удельный вес в общем объеме инвестиций, %	73	61	63	92

* Составлено по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю.

* *Сазонова Елена Сергеевна* – аспирантка Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС);

Безруков Иван Сергеевич – доктор экономических наук, профессор Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС), e-mail: Bezrukov@ext. dvgu.ru.

того, отсутствие инструментов законодательного регулирования капитальных валютных операций может стать реальной угрозой устойчивости рубля и финансовой системы в долгосрочном периоде за счет дополнительного притока средств из-за рубежа, поскольку размер внутреннего финансового рынка относительно небольшой, Табл. 2.

Таблица 2

**Динамика притока и оттока иностранных инвестиций
в экономику Приморского края, тыс. долл. США**

Наименование показателя	2005	2006	2007	2008
Поступило иностранных инвестиций, всего	29753	22936,3	31309,3	804147,8
Возвращено иностранных инвестиций, всего	18339	27838,5	17724	106692,3

Приведенная статистика свидетельствует о 30-кратном росте привлеченных от нерезидентов в 2008 г. средств. Хронология предыдущих периодов показывает пропорциональное соотношение привлеченных и возвратных средств. Однако краткосрочный характер иностранных инвестиций, вывод значительного объема привлеченных средств с регионального финансового рынка может оказать негативное влияние как на банковский сектор, так и на экономику в целом.

Нельзя отрицать принцип платности в кредитовании экономических субъектов, в том числе со стороны иностранных инвесторов. Важным условием при этом является эффективность использования данных средств. Если результат использования привлеченных инвестиций проявляется в развитии той или иной отрасли, можно говорить о положительном результате, даже если объем выводимых средств кратно превышает их первоначальный размер. Наряду с этим в условиях либерализации потоков капитала серьезным источником уязвимости внутренней финансовой системы является значительный накопленный объем краткосрочных обязательств банков и финансовых организаций, что повышает угрозу высокой волатильности движения капиталов, резкого падения стоимости финансовых активов, спекулятивных атак на валютные курсы.

Краткосрочный характер заимствований средств выступил катализатором развития финансового кризиса 1998 г.; аналогичная ситуация повторилась и в 2008 г. Причина в том, что российские банки активно занимали средства по более низким ставкам с учетом роста курса рубля относительно мировых валют, что в значительной мере усиливало зависимость устойчивости российской банковской системы от качества ее кредитного портфеля и волатильности обменного курса рубля.

Для того чтобы оценить, как работали иностранные инвестиции в экономике Приморского края, рассмотрим их структуру в разрезе отраслей и направлений экономической деятельности, Табл. 3.

Представленная статистика свидетельствует, что основной удельный вес в поступивших средствах пришелся на инвестиции в лесодобывающую отрасль,

**Структура размещения иностранных инвестиций
в экономику Приморского края, тыс. долл. США**

Наименование показателя	2005		2007		2008	
	приток	отток	приток	отток	приток	отток
Иностранные инвестиции, всего	29753	18339	31309,3	17724	804147,8	106692,3
В том числе по отраслям промышленности						
1.Сельское и лесное хозяйство В т.ч. лесозаготовка	13782,8	4661,3	12096,1	4635,6	148362,9 144318,3	14274,7 13981,5
2.Рыболовство и рыбодоводство	0,2	1000,1	0	130,2	10973,9	33205,4
3.Добыча полезных ископаемых	0	0	653,5	606,5	0	0
4.Обрабатывающая промышленность	2854,4	5155	3774,1	3842	18169,5	9734,5
Из них						
производство текстильной продукции	556,9	799,7	20,4	1766,5	0	0
производство пищевых продуктов	0	0	1982,4	5,9	0	2573,8
производство обуви	0	0	0	0	221,8	215,7
обработка древесины	2294,4	3154,4	1771,3	869,6	7947,7	5835,8
производство пластмассовых изделий	0	1200	0	0	10000	0
производство металлических изделий	0	0	0	1200	0	0
производство транспорта и оборудования	0	0	0	0	0	1109,2
Прочие	2,6	0,9	0	0	0	0
5.Строительство	159,7	12	75,4	7,8	474,1	407,7
6. Оптовая и розничная торговля	10775	1673,2	4269,5	3218,9	6405,9	8630,6
7. Гостиницы и рестораны	0,9	0	501,6	27,2	353,2	20,0
8. Образование	0	0	0	0	0	35,2
9. Финансовая деятельность	0	0	0	0	0	40,3
10 Аренда недвижимого имущества	80	0	275,3	1,2	2615	6595,5
11.Транспорт и связь	2733	6294	662	5057	616793	33748

транспорт и связь, оптовую и розничную торговлю. В добычу леса было вложено более 170 млн долл. США, в то время как в лесопереработку – в 30 раз меньше (около 13 млн долл.). При этом возврат инвестиций из лесоперерабатывающей отрасли на 23% превысил объем вложений (15,7 против 12,7 млн долл.).

Хотя анализ состояния и перспектив развития лесоперерабатывающей отрасли не является предметом данной статьи, тем не менее отметим, что с 2005 г. состояние отрасли по переработке древесины на территории Приморского края не претерпело существенных изменений: экспорт непереработанной (самой дешевой) древесины продолжает оставаться одним из ведущих направлений в структуре регионального экспорта.

Аналогичная ситуация складывается и в сфере добычи и переработки продукции рыбного промысла. В исследуемом периоде средства поступали только в 2008 г., при этом объем вложений в сферу рыболовства и рыбоводства составил около 11 млн долл., а возврат средств в этот же период – более 33 млн долл.

Рыбная промышленность из-за отсутствия современного оборудования и новейших технологий не в состоянии выступать на Азиатско-Тихоокеанском рынке в качестве равноправного партнера, ее экспортные возможности ограничиваются поставками сырья и мороженых полуфабрикатов по соответствующим ценам. Кроме того, зависимость рыбодобывающих компаний от иностранных кредиторов обуславливает создание последними условий, при которых продукция рыбного промысла реализуется на экспорт по стоимости, значительно ниже рыночной.

Опыт создания компаний со смешанным российско-иностранным капиталом показал, что иностранные фирмы не заинтересованы в передаче российской стороне передовых технологий и новой техники. Их усилия, в первую очередь, направлены на приобретение сырья, и они практически не вкладывают средства в развитие промышленной инфраструктуры Приморского края.

В то же время на территории сопредельного Китая ярко прослеживается противоположная тенденция, характеризующая рост объемов строительства рыбоперерабатывающих предприятий вдоль всей береговой линии КНР, а также лесоперерабатывающих заводов, на которых обрабатывается приобретенный по бросовым ценам российский лес, а мебель из этого леса экспортируется в Россию на несколько порядков дороже по стоимости.

Таким образом ведущие отрасли экономики Приморья в настоящее время находятся в условиях низкого технологического и финансового обеспечения, что обуславливает неконкурентоспособность производимой ими продукции.

Что касается оптовой и розничной торговли, то данная отрасль является наиболее привлекательной для иностранных инвесторов с точки зрения скорости оборота капитала и минимальных затрат. Приток иностранных инвестиций за 2005-2008 гг. в сферу торговли практически эквивалентен их оттоку (27,6 и 26,7 млн долл., соответственно).

Следует отметить, что значительная часть розничной да и оптовой торговли осуществляется на территории Приморского края физическими лицами – как иностранцами (в основном гражданами КНР), так и резидентами.

Свободный порядок открытия валютных счетов и осуществления трансграничных валютных операций обусловил возможность бесконтрольного вывода физическими лицами значительных сумм денежных средств за рубеж. Иностранцы, в основном граждане КНР, переводят в Китай миллионы долларов,

полученных после конверсии рублевой выручки от реализации товаров народного потребления на вещевых рынках края. Большая часть китайских торговцев не стоит на учете в налоговых органах, что также исключает факт вычета с данной категории лиц обязательных налоговых отчислений.

Сферы обращения иностранного капитала в экономике страны реципиента условно можно разделить на два сектора – финансовый и производственный, что позволяет рассмотреть две схемы эффективного регулирования трансграничного перемещения капитала. При разработке механизма валютного регулирования в финансовом секторе необходимы меры сдерживания негативного эффекта – в виде резервов компенсирования последствий оттока капитала. Созданный Правительством Стабилизационный фонд выполняет функцию кредитования финансового сектора в случае нехватки ликвидности на финансовом рынке.

С точки зрения пруденциального надзора Банком России разработаны обязательные к выполнению кредитными организациями нормативов мгновенной, текущей и долгосрочной ликвидности, которыми установлены предельно допустимые соотношения требований и обязательств банка в зависимости от сроков их возникновения и погашения. Вместе с тем нормативы ликвидности рассчитываются исходя из совокупных объемов требований и обязательств, что не позволяет оценивать ликвидность кредитных организаций с точки зрения удельного веса обязательств банка (с различными сроками погашения) в иностранной валюте перед кредиторами-нерезидентами.

В целях предотвращения резких колебаний в динамике трансграничного перемещения капитала в финансовой сфере необходимо регулировать уровень притока иностранных инвестиций – как долгосрочных, так и с более коротким сроком возврата. В этой связи в рамках существующих нормативов ликвидности кредитных организаций необходимо рассчитывать активы и обязательства кредитных организаций в иностранной валюте в зависимости от сроков их возникновения и погашения.

Оценка ликвидности кредитной организации в иностранной валюте позволит предотвратить номинальное обесценение рублевых активов, которые в случае дестабилизации валютного рынка и девальвации национальной валюты будут направляться на приобретение иностранной валюты для погашения задолженности перед нерезидентами в объеме, увеличивающемся пропорционально росту курса валюты обязательств.

В целях регулирования трансграничного перемещения частного капитала в производственной сфере важно выделить приоритетные отрасли-потребители иностранных инвестиций. В условиях низкой инновационной активности экономики региона недопустимо давать на откуп интересов иностранных инвесторов выбор сфер вложений капитала.

Во-первых, необходимо нормативно закрепить перечень сфер и отраслей народного хозяйства для иностранных инвесторов. Прежде всего это высокотехнологичные отрасли (производство машин и оборудования, нефтехимия, переработка древесины и т. п.)

Во-вторых, желание иностранных компаний создать предприятия со своим капиталом должно сопровождаться вложениями в уставный капитал создаваемого предприятия средств, эквивалентных по стоимости установленному законодательством минимуму.

В-третьих, средства, поступающие на счета частных инвесторов, последние вправе использовать исключительно в соответствии с установленным режимом данных счетов. Средства должны использоваться для целей оплаты приобретаемых на территории России товаров, работ, услуг, результатов интеллектуальной деятельности, предоставления займов.

На основании имеющегося иностранного опыта и в целях сдерживания краткосрочных заимствований частного сектора необходимо определить основные отрасли экономики Приморья, приоритетные для вложений с точки зрения благоприятного воздействия на развитие региона. По итогам 2008 г. структура экономики региона отражена диаграммой 1.

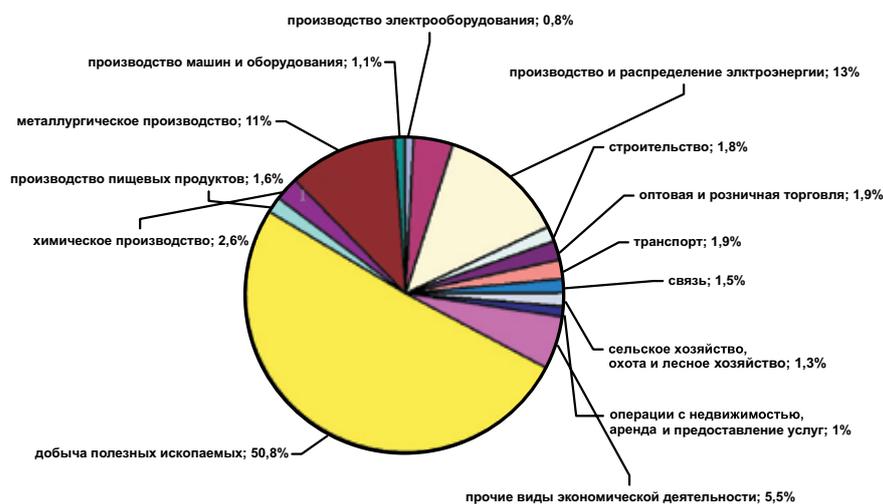

Диаграмма 1. Отраслевая структура экономики Приморского края в 2008 г.

Согласно представленной схеме доля основных отраслей перерабатывающей промышленности (химического производства и металлургии, сельского и лесного хозяйства (включая рыбопереработку и обработку древесины) и т.д.), в 2008 г. составила около 17%. Поэтому в рамках системы валютного регулирования перечисленные отрасли должны быть определены в качестве исчерпывающего перечня отраслей, доступных для иностранных инвестиций. В целях учета и мониторинга валютных операций, связанных с операциями движения капитала, по данному перечню отраслей должны быть введены отдельные балансовые счета, режимом которых и могут определяться источники средств и сферы использования поступлений. Отрасли, приоритетные для иностранных инвестиций, могут различаться в силу отраслевой, географической либо иной специфики в экономике конкретного региона и определяются субъектами РФ в ходе планирования экономического развития региона.

Средства иностранных инвесторов необходимо привлекать, во-первых, — на долгосрочной основе, и во вторых, — в передовые технологии, в дополнение к внутренним капиталовложениям, а также на финансирование инновационных проектов на основе международных научных исследований.

Таким образом рациональное привлечение иностранных инвестиций во многом зависит от эффективности системы валютного регулирования, в ко-

торой должны существовать правила обращения иностранного капитала на российском рынке.

Регулирование операций движения капиталов, во-первых, не означает запрещения этих движений, а во-вторых, распространяется не только на исходящие потоки, но и на контроль входящих, которые (если носят массовый и спекулятивный характер) могут быть столь же дестабилизирующими, как и утечка капиталов.

Не означая возврата к административной экономике, регулирование является необходимым инструментом, который обеспечивает эффективное перерастание экономики переходного периода в полноценную рыночную экономику. В связи с этим можно выделить основные задачи, стоящие перед системой валютного регулирования и валютного контроля.

1. Проведение мониторинга с целью выявления криминальных и некриминальных потоков.

Если к некриминальным потокам необходимо применять экономические стимулы, делающие привлекательными вложения в производственный сектор экономики, то к криминальным потокам необходимо применение внеэкономических мер. Основным принципом регулирования должно стать комбинирование значительного повышения стоимости некоторых операций (через прямое и косвенное воздействие) с предоставлением новых возможностей в области операций, которые необходимо развивать. Такая двойная структура должна быть относительно стабильной, четкой и прогнозируемой, чтобы оказывать влияние на выбор частных агентов, подводя их к принятию желаемых решений.

2. Прогнозирование экономической ситуации в сфере обращения капитала через систему индикаторов, показывающих динамику инвестиционных операций в краткосрочном периоде, степень стабильности и прозрачности банковской системы, уровень платежной дисциплины агентов, осуществляющих операции с зарубежными партнерами.

3. Обеспечение контроля валютных операций движения капиталов.

Международная практика свидетельствует о преимуществе свободного движения капитала. Вместе с тем отмена законодательного регулирования капитальных валютных операций может стать реальной угрозой устойчивости рубля и российской финансовой системы в долгосрочном периоде за счет дополнительного притока средств из-за рубежа.

Реальной стабилизации на валютном рынке, как и во всей денежно-кредитной системе, невозможно достичь без решения ключевых вопросов макроэкономического развития. Поэтому регулирование валютного рынка должно осуществляться в тесной координации с Правительством РФ и его программами – в первую очередь структурными и инвестиционными. Либерализация валютного регулирования должна рассматриваться не в качестве самоцели политики, а как один из инструментов в системе сбалансированных приоритетов участия государственных органов на финансовых рынках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инструкция ЦБ РФ от 16.01.2004 № 110-И «Об обязательных нормативах банков»
2. Ерпылева Н.Ю. Структурный механизм валютного регулирования в Российской Федерации (правовые основы) // Банковское право, 2006. – № 2. – С. 46–50.

3. Смыслов Д.В. Тернистый путь валютной либерализации в России / Д.В. Смыслов // Банковское дело, 2005. – № 3. – С. 30–36.
4. Материалы конференции. Валютный фактор инновационного развития экономики России // М. Финансы и кредит. № 8(344), 2009. С. 4.

СТРАХОВОЙ РЫНОК РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Л.К. Васюкова

Страховой рынок стал одним из первых, среагировавшим на финансово-экономический кризис, что обуславливает особый интерес к анализу состояния страхового бизнеса в России, ее регионах и оценке перспектив его развития.

Состояние российского страхового рынка в докризисный период (на 01.01.2008 г.) по объемам страховых услуг и среднегодовым темпом роста вызывало определенный оптимизм, учитывая, что объем собираемых им взносов составил 763,6 млрд руб. (31,1 млрд долл.). Темпы прироста страховых премий (за исключением премий по страхованию жизни) опережали среднегодовой уровень (20,5% против 5% в мире) и уровень развивающихся стран (6,9% за 2007 г.). В 2008 г. и за прошедшие отчетные периоды 2009 г. динамика страховых премий была также положительна. Аналогичные тенденции наблюдались и на страховом рынке Дальневосточного федерального округа (ДФО), рис. 1.

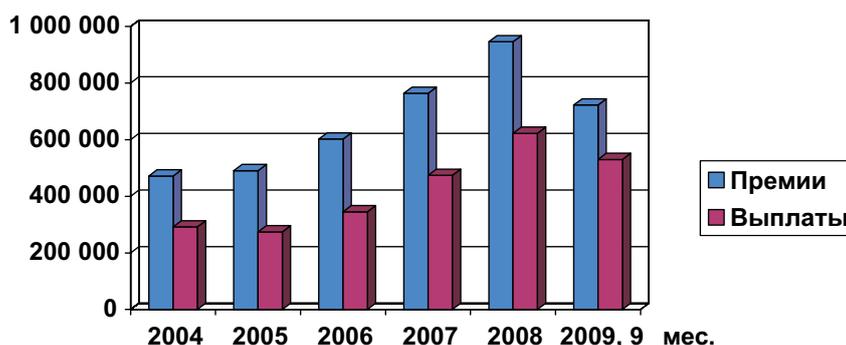

Рис. 1. Динамика совокупных взносов и выплат по ДВФО, млн руб.

Согласно реестру Федеральной службы страхового надзора (ФССН) по состоянию на 01.07.2009 г. в ДВФО осуществляют страховую деятельность 35 региональных страховщиков и 267 филиалов, зарегистрированных в других округах, в основном с центральными офисами в Москве. По его данным территориальное распределение страховых премий в процентах к общему объему начисленных взносов представлено в Табл. 1.

Анализ видовой структуры совокупного страхового портфеля показал, что рост страховых премий на рынке, начиная с 2007 г., обеспечивался увеличением взносов по обязательным видам страхования, прежде всего медицин-

* *Васюкова Людмила Константиновна* – генеральный директор ЗАО «Тихоокеанская страховая компания» г. Владивосток, e-mail: prinse@rambler.ru

Территориальное распределение страховых премий (на 01.01.2009 г.), %

Наименование федерального округа	Добровольное страхование	Обязательное страхование (кроме ОМС)	Итого (кроме ОМС)	Обязательное медицинское страхование
ЦФО	51,51	43,05	50,17	31,81
СЗФО	11,49	11,46	11,49	9,66
ЮФО	5,58	8,86	6,10	12,07
ПФО	13,76	14,84	13,93	18,41
УФО	9,03	7,83	8,84	9,89
СФО	6,71	9,95	7,22	12,45
ДВФО	1,86	4,02	2,20	5,68

Источник: Доклад о состоянии и развитии российского рынка страхования за 2009 год, www.fssn.ru

ского страхования и страхования автогражданской ответственности. Структура страхового портфеля по видам страхования отражена в Табл. 2 и в ДВФО больше склоняется в сторону обязательных видов страхования в сравнении с российскими показателями

Страховой рынок ДВФО в премиях, собранных в целом на российском рынке страховых услуг, занимает менее 3%, в выплатах – около 4%. Его характерная черта, в отличие от российского, – преобладание обязательного страхования над добровольным. В результате сокращения объемов реального страхования в 2009 г. по итогам работы за 9 месяцев структура дальневосточного страхового портфеля ещё более «качнулась» в сторону обязательных видов страхования. В целом по региону доля обязательных видов, прежде всего ОМС и ОСАГО, увеличилась до 78%, а добровольных видов упала до 20,7%.

Еще сложнее обстоит дело с выплатами, которые в сравнении с аналогичным периодом 2008 г. выросли на 25,4% (Табл. 3), что объясняется как ухуд-

Таблица 2

Структура страхового портфеля в 2007–2009 гг., %

	2007		2008		2009	
	Россия	ДВФО	Россия	ДВФО	Россия	ДВФО
ОМС	37,20	60,65	41,70	64,50	45,80	65,20
ОСАГО	9,20	10,40	8,40	10,26	8,70	12,80
Страхование жизни	2,95	1,70	1,97	1,00	1,46	1,20
Страх. имущества	35,40	14,10	33,30	15,20	28,80	13,30
Личное страхование, кроме стр. жизни	11,67	8,90	11,37	7,40	11,53	6,20
Страхование ответственности	2,63	1,87	2,38	1,30	2,72	1,10
Другие виды страх.	0,95	0,30	0,88	0,34	0,99	0,20

Таблица 3

**Территориальное распределение страховых выплат по состоянию, %
(на 01.01.2009 г.)**

Наименование федерального округа	Добровольное страхование	Обязательное страхование (кроме ОМС)	Итого (кроме ОМС)	Обязательное медицинское страхование
ЦФО	47,17	39,02	45,41	31,89
СЗФО	13,36	10,38	12,72	9,88
ЮФО	5,65	8,87	6,35	12,32
ПФО	14,45	17,45	15,11	18,15
УФО	10,61	9,50	10,37	9,91
СФО	7,47	10,74	8,18	12,29

шением качества рисков, так и андеррайтинговой политики на рынке.

Анализ динамики структуры усредненных активов страховщиков по всем страховым компаниям и по региональному рынку показывает, что:

- в инвестиционной деятельности участвует менее 50% активов страховщиков;

- у региональных страховых организаций процентное отношение активов, участвующих в инвестициях, снижается, в то время как усредненная доля денежных средств в активах – растет, Табл. 4.

Выявленная устойчивость страховых компаний к кризисным колебаниям, по сравнению с другими финансовыми институтами, объясняется жесткой системой государственного регулирования инвестиционной деятельности страховых организаций. Система распределения долей активов в структуре страхового портфеля законодательно закреплена в «Правилах размещения страховщиками страховых резервов» и является неким антикризисным буфером. Таким образом государственное регулирование, с одной стороны, помогает страховщику сохранять финансовую устойчивость в кризисных ситуациях, с дру-

Таблица 4

Динамика структуры активов страховщиков в Российской Федерации (в %)

	01.01.2006	01.01.2007	01.01.2008	01.01.2009	01.10.2009
1. инвестиции:					
- по всем компаниям	49,5	47,95	46,86	48	45,12
- по региональным компаниям	50,05	42,75	44,01	48,32	44,16
2. дебиторская задолженность					
- по всем компаниям	14,3	16,34	17,33	19,9	18,91
- по региональным компаниям	14,58	13,59	13,44	15,55	7,3
3. денежные средства					
- по всем компаниям	17,24	18,32	19,05	6,1	3,53
- по региональным компаниям	16,86	26,63	26,1	14	15

гой стороны, для потребителя страховой услуги является гарантом платежеспособности страховой организации. Стабилизируя данный процесс, ФССН в 2010 г. планирует проводить проверку правильности размещения резервов не только по состоянию на 1 января и 1 июля текущего года, но и промежуточные даты, что позволит более раннее выявление нарушений в инвестиционной деятельности страховщиков.

На протяжении трех последних лет на российском рынке наблюдалось постепенное снижение рентабельности инвестиций страховых компаний (12,56% в 2006 г., 10,67% в 2006, 6,9% в 2007 г.). В 2008 г. она составила 3,21%, Табл. 5. Большие потери крупных универсальных компаний объясняются большим объемом вложений в девелоперские проекты и агрессивной стратегией на фондовом рынке.

Таблица 5

Основные показатели рентабельности российских страховых компаний

	Рентабельность инвестиций (ROI), %				Рентабельность активов (ROA), %			
	2006	2007	2008	2-е полуг. 2008	2006	2007	2008	2-е полуг. 2008
Рынок в целом	10,6	6,9	3,21	1,1	3,6	4	2,54	0,4
Крупные универсальные компании	12,5	7,5	1,6	1,2	1,5	1,9	1,42	0,38
Средние компании	3,2	4,2	3,7	1	1,1	2,4	1,9	0,69
Кэптивные страховые компании	12,9	8,1	4,2	0,8	14	10,9	6,3	0,29
Региональные страховые компании	10,2	9,1	4,8	1,3	5,8	5,8	1,7	0,3

Финансовый кризис привел к резкому замедлению динамики роста активов, инвестиций и собственных средств российских страховщиков. Если за 2007 г. усредненный темп прироста активов страховых компаний был равен +23,7%, то в 2008 г. – только +3%.

Приведенные данные свидетельствуют о незначительном участии страховых компаний в инвестициях. Начиная со второй половины 2008 г. наблюдается рост убытков российских страховщиков, что негативно сказалось на приросте активов страховых организаций, в том числе собственных средств (Табл. 6).

Высокие темпы прироста собственных средств в докризисном 2007 г. объяснялись необходимостью докапитализации компаний, особенно региональных, в связи с высокими темпами прироста страховых премий.

Оценка страховых премий населения показала (Табл. 7), что они имеют положительную динамику: 1918 руб. (54,8 долл.) на душу населения в 2001 г. и 6663 руб. (220 долл.) в 2008 г. Для сравнения, аналогичные показатели соста-

Таблица 6

**Динамика изменения размеров активов и собственных средств
российских страховщиков, %**

	Прирост активов			Прирост собствен- ных средств	
	2007	2008	9 мес. 2009	2007	2008
Всего по рынку	23,7	3		16,6	1,2
Крупные универсаль- ные компании	27,4	2,7	15,8	16,1	1,3
Средние страховые компании	22,8	5,9	-8,1	6,8	2
Кэптивные страховые компании	13,7	-0,2		7,8	0,8
Региональные страхо- вые компании	25,3	1,9	-17,8	35,1	1,6

вили: в Бразилии и Индии 80 долл. и 5 долл. соответственно; в 35 раз меньше, чем в Швейцарии, 25 р. чем в США и в 2 раза меньше чем в среднем по Восточной Европе.

Показатели страховой премии на душу населения в ДВФО ниже, чем в среднем по России, что является отражением низких темпов экономического развития как региона в целом, так и отдельных районов в составе ДВФО. Особо выделяется Республика Саха (Якутия), где традиционно большие расходы, выделяемые из бюджета республики на медицинское страхование населения с самым большим в стране подушевым нормативом.

Важным показателем развития национального страхового рынка является отношение совокупных страховых взносов к ВВП, Табл. 8., валовому внутреннему продукту.

Таблица 7

Динамика страховой премии на душу населения по РФ и ее регионам рублей

	2004	2005	2006	2007	2008
Российская Феде- рация	3288	3418	4238	5369	6663
ДВФО	1713	1837	2334	1444	3088
Амурская область	2412	3110	2958	3460	4332
Еврейская АО	318	2087	2740	2914	3450
Камчатский край	н.д.			5480	2028
Приморский край	2222	2888	3567	2936	5467
Республика Саха (Якутия)	3214	1532	3634	5012	6432
Сахалинская об- ласть	3214	1532	3634	5012	6432
Хабаровский край	1319	1604	3316	3842	5925
Чукотский АО	716	546	481	784	842

Динамика доли страховых премий в ВВП и ВРП по субъектам ВФО, %

	2004	2005	2006	2007	2008
Российская Федерация	2,80	2,30	2,26	2,31	2,34
ДВФО	1,64	1,44	1,51	1,23	1,55
Амурская область	3,25	3,50	2,69	2,62	2,80
Еврейская АО	0,53	2,73	2,83	2,20	2,59
Камчатский край	н.д.			2,78	1,12
Приморский край	2,90	3,08	3,29	2,22	2,80
Республика Саха (Якутия)	2,29	2,27	2,23	2,06	2,45
Сахалинская область	1,81	0,66	1,13	1,16	1,48
Хабаровский край	1,39	1,40	2,40	2,32	2,46
Чукотский АО	0,29	0,22	0,16	0,19	0,20

С 1999 г. по 2008 г. этот показатель в среднем по России находится в пределах 2,1–2,3%. Исключением явился 2003 г. – 3,3% (первый год действия закона об ОСАГО). Среднемировое значение доли страховых взносов в ВВП около 7,5%, а для развитых рынков 9–12%.

Федеральная программа развития Дальнего Востока и Забайкалья предусматривает достижение доли страхования в ВРП до 5% к 2012 г. Хотя на фоне нынешних показателей планы амбициозные, но по оценкам экспертов [1] вполне достижимые.

Анализ выплат по различным регионам деятельности страховщиков (Табл. 9) показал, что количество страховых случаев, заявленных и урегулированных в страховых организациях, с 2004 г. по 2007 г. выросло вдвое (891 тыс. заявлений в 2004 г., 1685 тыс. случаев в 2007 г.). В 2008 г. в страховые

Коэффициент страховых выплат, %

	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Российская Федерация	61,8	55,9	57,3	62,1	65,8	73,3
ДВФО	65,9	66,9	74,3	74,4	73,1	79,6
Амурская область	80,4	74,2	90,0	78,8	85,4	69,8
Еврейская АО	37,3	88,9	86,8	86,5	79,0	90,6
Камчатский край	н.д.			87,7	55,9	87,7
Приморский край	56,9	68,3	66,5	68,3	68,9	75,0
Республика Саха (Якутия)	83,8	78,8	82,0	80,1	82,4	81,2
Сахалинская область	58,2	34,8	63,1	61,8	55,0	78,0
Хабаровский край	41,3	37,9	72,6	71,0	73,8	85,5
Чукотский АО	65,7	18,5	13,0	7,9	4,9	10,5
Магаданская область	75,9	78,4	77,1	87,6	83,5	82,3

компаниями обратилось на 30% больше страхователей с заявлением об убытке, а фактически производственных выплат больше на 16,8% в сравнении с 2007 г.

Вырос размер средней страховой выплаты с 20806 руб. в 2003 г. до 23340 руб. в 2008 г., коэффициент выплат по имущественным видам страхования (кроме ответственности) по итогам 9 месяцев 2009 г. составил 53,19% против 34,66% за аналогичный период 2008 г. и т.д.

Рост убыточности практически по всем видам страхования обусловлен тем, что среди клиентов страховых компаний преобладают лица, страхующиеся в силу закона, либо лица, склонные к риску. Желанный для любых страховщиков страхователь, не склонный или нейтральный к риску, как правило, является представителем среднего класса, а он в России еще только формируется. Негативное влияние оказывает рост числа техногенных аварий и других проявлений.

Одним из показателей, определяющих роль страхового рынка в экономике России, является его налоговая составляющая в консолидированном бюджете, Табл. 10.

Таблица 10

Финансовые результаты деятельности страховых организаций, млрд рублей

	2005	2006	2007	2008
Прибыль прибыльных организаций	29,7	34,5	29,3	23,5
Прибыль страховых организаций ДВФО	0,71	1,1	0,61	0,52
Доля прибыльных организаций в общем количестве страховых организаций, %	84,9	83,2	86,7	80,2
Убыток убыточных организаций	0,9	4	3	11,8
Доля убыточных организаций в общем количестве страховых организаций, %	15,1	16,8	13,3	19,8
Дебиторская задолженность (на конец периода)	108	118,4	144,6	183,2
из нее просроченная	0,7	1,4	1,2	1
Кредиторская задолженность (на конец периода)	71,5	75,5	103,4	112,6
из нее просроченная	0,5	0,7	0,3	0,3

После 2004 г. страховые компании сократили практику снижения налоговой нагрузки посредством различных схем минимизации налогов и стали заинтересованы в росте показателей прибыли в связи с участием в конкурсах на оказание страховых услуг.

Кроме того, совокупные страховые резервы в 2007 «докризисном» году достигли размера 700 млрд руб., что при соотношении объемных показателей: поступление страховых премий – 763,6 млрд руб., выплат – 473,8 млрд руб., привело к минимальному с 1998 г. изменению налогооблагаемой базы в связи с изменением страховых резервов. Тем не менее доля налога на прибыль страховщиков в общих поступлениях налога на прибыль в консолидирован-

ный бюджет не составляет и 1% (с 2002 г. по 2008 г. доля поступлений колебалась от 0,47% до 0,58%).

С 2004 г. в ДВФО наблюдается тенденция сокращения численности региональных участников страхового рынка и уже в 2008 г. в округе работало 38 региональных компании [2]. Процесс ухода региональных страховщиков продолжится и в 2010 г., так как планы по увеличению уставных капиталов страховых организаций в 2,5 раза приведут к их сокращению, в первую очередь за счет регионов.

Страховой рынок России достаточно молод и только входит в период завершения первого этапа своего существования. Причины, сдерживающие его развития, можно классифицировать по следующим направлениям. Во-первых, особенности климатического характера препятствуют созданию универсального страхового продукта, отвечающего интересам всех регионов в равной степени. Подверженность тем или иным рискам, их возможные комбинации, актуальность страховой услуги в рамках определенной территории – все это далеко не полный перечень вопросов и проблем, с ними связанных, предполагающих неотъемлемое использование грамотной географической андеррайтинговой политики.

Во-вторых, уровень доверия россиян к национальным финансовым услугам, в том числе страховым, является недостаточно высоким. Отношение среднего класса и субъектов малого бизнеса к страхованию как к дополнительному финансовому бремени усиливается общим негативным восприятием россиянами существующей системы страхования, расцениваемой ими не в качестве защиты имущественных интересов, а скорее в качестве навязанной услуги. Ситуация в настоящий момент усугубляется тем, что в результате кризисных явлений резко падает платежеспособность населения и соответственно интерес к страховым продуктам.

Важнейшей функцией страхования является его предупредительная функция, оказывающая мотивационное воздействие на всех участников рынка страхования. Она помогает предотвратить или уменьшить ущерб, снижает убыточность и, соответственно, улучшает финансовые показатели страховщика. Но в российском страховании резервы предупредительных мероприятий по своей природе и экономической сути не являются страховыми резервами, т.е. не имеют отношения к страховым обязательствам страховщика.

Практическими последствиями такого подхода явилась процедура повсеместного выведения резерва предупредительных мероприятий за рамки страховых резервов. Все это не замедлило сказаться на росте убыточности по всем видам страхования, особенно страхования от огня несчастных случаев и болезней, страхования автотранспорта.

Бесспорно, что роль страхования на конкретном этапе общественного развития определяется теми задачами, которые ставит перед ним рынок. Был период, когда рынком была востребована от страхования способность минимизации налогообложения, но очевидным становится то, что наступает момент, когда страхование станет важнейшим механизмом управления рисками, саморегулируемой системой защиты экономики, мощным внутренним инвестиционным источником, регулятором денежной системы страны.

В настоящее время сложившаяся модель российского страхового рынка лишь частично выполняет возложенные на нее функции. Ограничивающими ее факторами являются следующие.

1) Недострахование имущественных интересов граждан способствует поддержанию социальной нестабильности в обществе и сдерживает формирование среднего класса.

2) Недострахование российского бизнеса приводит к тому, что при наступлении чрезвычайных событий финансовое положение пострадавших предприятий значительно ухудшается и повышается вероятность их банкротства. В целом ряде случаев государство вынуждено нести незапланированные расходы и возмещать убытки от техногенных аварий и стихийных бедствий. Пример страхования Саяно-Шушинской ГЭС, когда страховая сумма по договору составила 200 млн долл. США, а предполагаемые затраты на восстановление станции – многократно больше. Подобная неопределенность и нестабильность приводит к созданию дополнительной нагрузки на бюджеты всех уровней и замедлению темпов развития российской экономики.

3) Кэптивное страхование, непрозрачная процедура проведения тендеров и аккредитации, а также демпинг существенно снижают эффективность операций страхования, ограничивают уровень конкуренции на российском страховом рынке, снижают надежность всего страхового рынка.

4) Низкий уровень капитализации приводит к тому, что значительная часть крупных рисков посредством механизма перестрахования, или даже фронтингования передается за рубеж. В результате резервы, сформированные под эти риски, размещаются на зарубежных фондовых рынках, а налоги от данных операций не поступают в бюджет РФ, увеличивая зависимость государства от крупных международных финансовых центров. Нельзя не согласиться с тем, что существенный рост иностранных инвестиций в российский страховой рынок, превышающий темпы роста его капитализации, приведут к «деградации национальной страховой системы в ходе роста её капитализации за счет иностранных инвестиций, вплоть до её полной ликвидации» [3].

5) Низкий уровень развития инфраструктуры российского страхового рынка, нехватка профессиональных кадров и несовершенство нормативно-правового регулирования страховой отрасли приводят к падению эффективности всего страхового рынка и ухудшению качества предоставляемых услуг. Все это ведет к кризису взаимоотношений страховщика и страхователей, недострахованию, процветанию страхового мошенничества.

6) Практически полное отсутствие рынка долгосрочного страхования жизни, например, пенсионного, сдерживает развитие всей национальной финансовой системы. Фактически существующий разрыв между возможностями страхового рынка и существующей системой налогообложения операций по страхованию жизни, не дает возможности для развития данной отрасли страхования. Таким образом, страховой рынок не является источником «длинных» денег в экономике, а население лишено такого ресурса сбережения денег. Отсутствие возможности эффективного накопления денег в российских страховых компаниях с лихвой компенсируется суррогатными продуктами иностранных компаний, зачастую не имеющих в России даже филиалов. Так, по оценкам экспертов, только за период с 2005 г. по 2008 г. российские граждане внесли в качестве взносов так называемым финансовым консультантам – брокерской компании «Сейф-инвест» – более 500 млн долл. Распространители этих страховых продуктов действуют во всех субъектах РФ, в том числе на Дальнем Востоке [3].

7) Неэффективность системы обязательного медицинского страхования приводит к усилению социальной напряженности в обществе, снижает уровень здравоохранения в стране, и без того не слишком высокий.

8) Существующая система налогообложения финансирования страховщиками мероприятий по предупреждению страховых случаев и уменьшению размеров ущербов, делают фактически невозможной реализацию предупредительной функции страхования.

Кроме того, на наш взгляд, в рамках имеющейся модели российского страхового рынка формируются все предпосылки для дальнейшего развития кризиса на данном рынке, что, в свою очередь, может отразиться на всей финансовой системе России.

Что делать и куда должен двигаться в своем развитии российский страховой рынок, и в том числе неотъемлемая его часть – рынок в ДВФО?

В соответствии с опытом стран с развитым рынком страхования, он должен выполнять следующие экономические функции:

- обеспечение непрерывности процесса производства и возмещения убытков за счет средств страховых организаций без экстренного выделения ресурсов из бюджетов всех уровней и внебюджетных фондов;
- формирование инвестиционного потенциала государства;
- предупреждение наступления страховых случаев и снижение вероятного ущерба;
- обеспечение социально-экономической стабильности в обществе через создание взаимовыгодных отношений «страховщик – страхователь»;
- обеспечение эффективности функционирования системы социального обеспечения и государственной поддержки населения через ОМС и другие виды социального страхования.

К 2015 г. национальная система страхования должна достигнуть уровня развития, позволяющего ей эффективно выполнять все перечисленные выше функции страхования. По количественным и качественным показателям (Табл. 11) рынок должен приблизиться к уровню развитых стран. Отечественные страховые организации должны быть способны эффективно конкурировать с крупными иностранными страховщиками не только на российском, но и на мировых страховых рынках.

Построение системы риск – менеджмента, увеличение уровня доходов предприятий и населения, повышение страховой грамотности должны способствовать формированию качественного спроса на услуги российского страхового рынка. Система страхования должна быть включена в качестве стимулирующей меры в планы по реализации приоритетных национальных проектов. Реформирование ОМС, поддержка развития ДМС должны быть эффективной мерой стимулирования реализации национального проекта «Здоровье»; формирование единой системы сельскохозяйственного страхования – проекта «Развитие агропромышленного комплекса», устранение законодательных противоречий, касающихся ипотечного страхования, – проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России».

Возрастание роли страхования как необходимое условие нормального функционирования российской экономики должно сопровождаться повышением требований к собственному капиталу страховщиков. Рост капитализации и ужесточение требований к уровню надежности страховых организаций

**Сводная таблица целевых показателей
Стратегии развития страхового рынка РФ, млрд рублей**

	2007	2015
Взносы по видам иным, чем страхование жизни	740	1850.
Доля взносов по видам иным, чем страхование жизни, в ВВП, %	2,30	3,50
Взносы по страхованию жизни	22,5.	1000
Доля взносов по страхованию жизни в ВВП, %	0,07	2,00
Взносы по входящему перестрахованию	63,4	400
Активы	675	2000 (non-life) + 6000 (life)
Уставный капитал	171	750
Доля обязательных видов страхования, %	47,00	25,00

неизбежно будут способствовать сокращению числа страховщиков, работающих на рынке.

Географическое положение Дальневосточного региона таково, что транзит грузов из Европы в активно развивающиеся страны АТР осуществляется через порты и приграничные территории Приморья, Камчатки, Сахалина. В этой связи страхование транзитных грузов, морское страхование, страхование опасных производственных объектов – важнейшие направления развития дальневосточного страхового рынка. Пока же дальневосточный флот страхуется за рубежом или в федеральных компаниях, у которых зачастую на Дальнем Востоке нет даже филиалов. Законы об обязательном и вменном страховании опасных производственных объектов, собственников жилья, медицинском страховании не приняты. Региональный страховой рынок работает в условиях жесточайшей конкуренции с крупными федеральными страховыми компаниями, обладающими огромным финансовым и административным ресурсом. На Дальневосточный рынок с большим интересом смотрят иностранные инвесторы, в первую очередь китайские. Работа по освоению природных ресурсов Дальнего Востока, которая будет осуществляться в соответствии с межправительственными договоренностями, конечно, будет сопровождаться крупными страховыми контрактами. Сделать так, чтобы эти страховые контракты заключали российские страховщики, знающие и умеющие работать на Дальнем Востоке, в интересах российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проект стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока, Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области на период до 2025 года. <http://www.minregion.ru>
2. Федеральная служба страхового надзора, <http://www.fssn.ru>
3. Рейтинговое агентство «Эксперт РА», <http://www.raexpert.ru>

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВЕРТИКАЛЬНО-ИНТЕГРИРОВАННЫХ СТРУКТУР

(На примере цветной металлургии Приморского края)

*В.Е. Жариков**

Неэффективность в долгосрочной перспективе выборочной поддержки отдельных отраслей нашло отражение в современной промышленной политике, которая все более абстрагируется от отраслевой направленности. Инвестиции в этом процессе хотя и играют ключевую роль в адаптации и долговременном росте промышленности, тем не менее их структура претерпевает существенные изменения, поскольку возрастающее значение в эффективной деятельности фирм приобретают новые технологии, знания, профессиональная подготовка работающих и т.д.

Взамен концепции селективной поддержки отдельных предприятий, основное внимание в современной государственной промышленной политике уделяется формированию предпринимательской среды, повышающей возможности предприятий быть инновационными, гибкими и конкурентоспособными без жесткой привязки к отраслевым приоритетам при укреплении стратегического взаимодействия государства и бизнеса на условиях равноправного партнерства. В этом плане современный экономический кризис окончательно подтвердил роль государства во взаимодействии с частным сектором, особенно на стадии формирования новых отраслей и производств, нуждающихся на этом этапе в специальных условиях. В первую очередь это кредитно-финансовые условия, роль которых важна в период структурных преобразований промышленности, так как в этот период особенно остро ощущает дефицит внутриотраслевых ресурсов и требуется участие мощных кредитных институтов. И при этом управление инвестиционным процессом с помощью кредитных рычагов банковской системы достаточно удобный механизм обеспечения селективности государственной промышленной политики. Особенно это касается отраслей обрабатывающей промышленности, рост эффективности которых, при прочих равных условиях, невозможен без высоких технологий.

Государственный протекционизм необходим и крупному бизнесу, обладающему денежным ресурсом, из-за угрозы дефицита времени для развития того или иного направления, чтобы оно не исчезло под конкурентным давлением, обусловленным тем, что настоящее время характеризуется быстрым качественным обновлением ассортимента товаров.

С обозначенной выше тенденцией ухода от жестких отраслевых приоритетов тесно связана тенденция перехода к высокодиверсифицированной структуре бизнеса (политике формирования корпоративных структур). В частности, мировой опыт свидетельствует, что в цветной металлургии наиболее эф-

* *Жариков Виктор Евгеньевич* – аспирант Института менеджмента и бизнеса ДВГУ, г. Владивосток; e-mail: v.zharikov@mail.ru

эффективна интеграция по вертикальному технологическому принципу (комбинирование). Она позволяет соединить воедино технологический цикл на отдельных предприятиях: от добычи сырья и его переработки до производства продукции высоких переделов, чтобы повысить ее конкурентоспособность на мировых рынках.

В вертикально-интегрированной компании эффективность обеспечивается за счет снижения сквозных удельных затрат на производство конечной продукции (как правило, при формировании структур, объединяющих предприятия от добычи сырья до выпуска продукции третьего и четвертого переделов) и экономии издержек, связанных с использованием сторонних подрядчиков и посредников. Происходит снижение транзакционных издержек (управленческие расходы, потери от адаптации, затраты на поиск выгодного партнера и др.) и уменьшение косвенного налогообложения промежуточных продуктов производства, следовательно, себестоимость конечной продукции будет ниже, чем у самостоятельных предприятий-конкурентов, которые вынуждены покупать сырьё у поставщика не всегда по доступным ценам [3, 4].

Кроме того, эффективность вертикально-интегрированной компании обусловлена реализацией капиталоемких проектов, научно-технических программ (за счет консолидации финансовых ресурсов); оперативностью в перераспределении материальных и финансовых ресурсов между предприятиями; большей устойчивостью и меньшей зависимостью от негативных изменений конъюнктуры рынков. В настоящее время это обстоятельство является основным в принятии решений о слиянии и поглощении предприятий и фирм.

Чтобы успешно противостоять иностранным транснациональным корпорациям, российской промышленности необходимо создавать свои крупные корпорации, ориентированные на конъюнктуру мирового рынка металлов. Предпосылки для формирования интегрированных структур в нашей стране связаны и с тем, что после распада СССР были нарушены кооперационные и технологические связи между предприятиями, что дает возможность их интеграции на основе соответствующего современному мировому уровню промышленного развития.

Отраслевая, в основном горизонтальная структура организации промышленности, которая была присуща социалистической России, постоянно порождала проблему межведомственных диспропорций в развитии, разногласий в целях и путях их достижения, которые пытались решить сочетанием отраслевого и территориального развития. Одним из подходов к решению стала организация региональных (территориальных) Совнархозов. Однако приемлемого решения при отраслевой организации промышленности найти не удалось. Поэтому чрезвычайно важно, что в настоящее время предыдущая концепция организации структуры промышленности заменяется новой – вертикальной организацией производства с сильно обусловленными связями.

Таким образом стратегия организации производства по принципу вертикально-интегрированных связей становится доминирующей. В России уже существует несколько видов устойчивых национальных корпоративных образований, формирующих новые хозяйственные отношения. Среди них: Газпром, ЛУКОЙЛ, АФК «Система», Северсталь и другие, отрыв которых от остальных хозяйствующих субъектов по масштабам деятельности и влиянию на российскую экономику достаточно значителен [5].

Цветная металлургия, как многоплановая отрасль, в силу своей сырьевой ориентации, относится к передовой группе производств, ощутивших на себе рыночные преобразования в направлении создания вертикально-интегрированных корпоративных структур. Причина в том, что в начале перестройки экономики России формирования частной формы собственности, сырьевые предприятия (добывающие руды цветных металлов), плавильные предприятия (выплавляющие первичный металл: медь, цинк и т.д.) и предприятия, производящие высокотехнологичную продукцию (прокат и готовые изделия из цветных металлов) часто оказывались у разных владельцев. Однако уже на рубеже 1999–2002 г. стало понятно, что единственный возможный способ восстановить разрушенные технологические цепочки, это создание вертикально-интегрированных структур по подобию развитых индустриальных стран. А. Козицын* на втором металлургическом саммите в Москве в июне 2004 г. отмечал, что только путем создания вертикально-интегрированных структур можно повысить конъюнктурную устойчивость отдельных предприятий и холдингов в целом, а также перейти к выпуску продукции высокой степени готовности и, таким образом, укрепить конкурентные позиции отечественной металлургии на мировом рынке [6].

К настоящему времени в цветной металлургии сформировалось несколько структур, объединяющих добывающие, плавильные и перерабатывающие предприятия. К ним можно отнести компанию «Норильский никель», крупнейшего в мире производителя никеля, платины, меди и целого ряда сопутствующих металлов (кобальта, хрома, серебра, золота и т.д.). В частности, в России ей принадлежит первое место по производству меди и никеля. Основные виды деятельности предприятий компании — поиск, разведка, добыча, обогащение и металлургическая переработка полезных ископаемых, производство, маркетинг и реализация цветных и драгоценных металлов. Производственные подразделения находятся в 6 странах мира: России, Австралии, Ботсване, Финляндии, США и ЮАР. Основные российские производственные подразделения компании являются вертикально интегрированными и включают: Заполярный филиал на таймырском полуострове; ОАО «Кольская горно-металлургическая компания» (или Кольская ГМК).

Другой вертикально-интегрированный холдинг ОАО «Уральская горно-металлургическая компания» (УГМК). Он объединяет в одну технологическую цепочку предприятий горнодобывающего, металлургического, металлообрабатывающего комплекса, а также стройиндустрии, расположенных в России и в странах бывшего СНГ, второй по величине производитель меди в России.

Холдинг выпускает медный электролитический порошок, изделия из порошка, медную катанку, прокат цветных металлов, химическую продукцию, кабельную продукцию и т. д. На УГМК приходится 25% отечественного рынка проката цветных металлов, более 50% европейского рынка медных порошков, около 60–70% российского экспорта угля в страны Западной и Восточной Европы [8].

Таким образом в цветной металлургии России формирующиеся вертикально-интегрированные компании являются мощными структурами, объединяющими

* А. Козицын — в 2004 г. генеральный директор Уральской горно-металлургической компании (УГМК).

не только профильные производства, но и сопряженными с углубленной диверсификацией выпускаемой ими продукции. Безусловно, в настоящее время идет процесс совершенствования корпоративного развития и, в первую очередь (по мнению А. Козицина) инфраструктуры компаний за счет создания транспортных, строительных, юридических и научных подразделений.

Каждой отрасли соответствует свой оптимальный размер предприятия: в маломасштабных отраслях с широкой дифференциацией продукции преобладают небольшие по размерам предприятия; крупные корпорации характерны для крупномасштабных отраслей с малодифференцированной продукцией и т.д. Формирование крупных компаний проявляется в виде интеграции, диверсификации, комбинирования. Диверсификация как процесс распределения капитала между различными объектами вложения позволяет избежать части риска и застраховать себя на случай падения рынка основной продукции. Диверсификация синергическая связана с использованием преимуществ, которых добилась компания в традиционной для себя сфере, а диверсификация, как конгломератная, выражается в переходе компании в область, не связанную с текущим бизнесом фирмы, а к новым технологиям и потребностям рынка с целью получения большей прибыли и минимизации предпринимательских рисков*.

Очевидно, что рассмотренные направления развития повышают эффективность функционирования цветной металлургии. Они же являются предпосылками возникновения и развития в отрасли корпоративных форм хозяйствования.

Примеры эффективного взаимодействия предприятий можно наблюдать в большинстве отраслей производства, и в этой связи достаточно серьезной проблемой на сегодняшний день является наиболее точная оценка эффективности подобных объединений.

На этом пути возникает ряд естественных вопросов, в частности, — какие основные правила формирования эффективной системы организационно-финансового взаимодействия участников интегрированных субъектов хозяйствования, как измерить эффективность интеграционных процессов (синергическую и конгломератную диверсификацию) и т.д.?

В соответствии с И. Ансоффа, все виды синергических эффектов характеризуются четырьмя переменными: 1) увеличением прибыли (дохода); 2) снижением затрат; 3) уменьшением потребности в инвестициях; 4) уменьшение времени для достижения поставленной цели [1].

Следовательно, можно считать, что в процессе развития интеграционных систем прослеживаются, по крайней мере, два этапа. На первом этапе идет рост системы путем увеличения количества ее элементов; при этом эмерджентные эффекты появляются в основном за счет увеличения размера системы и

* Снижение риска обусловлено следующим. Пусть вероятность понести убытки предприятием из-за того, что не будет реализовываться выпускаемый им продукт A_1 , равна p . Для повышения надежности предприятие реализует программу диверсификации производства путем организации выпуска m равнозначных видов продукции A_1, A_2, \dots, A_m . В этом случае надежность получения дохода (т.е., что хотя бы один продукт всегда будет реализовываться) увеличивается в число раз, определяемое из выражения: $k = \frac{1-p^m}{1-p}$. Чем больше m (число выпускаемых видов продукции при прочих равных условиях), тем больше надежность ($0 \leq p \leq 1$).

количества элементов в ней. На втором этапе система развивается интенсивно за счет усложнения взаимосвязей между элементами и своей структуры; при этом эффективность системы возрастает в основном за счет ее усложнения, т. е. повышения уровня системности или эмерджентности*.

Чем более многоуровневая и разветвленная система, тем более значительно повышается уровень ее системности, что приводит к более выраженному системному эффекту эмерджентности, выражающемуся в том, что компания с иерархической структурой управления значительно более эффективно работает на рынке, чем компания с одноуровневой системой. Добавление в систему новых все более разветвленных иерархических уровней управления приводит к меньшему увеличению эмерджентности. Чем выше степень иерархичности системы управления, тем в меньшей степени ее нарушение изменяет уровень системности и тем более жизнеспособна система в целом в случае нарушения ее системы управления. Это можно объяснить наличием системообразующих факторов на различных уровнях организации системы.

Важным звеном при переходе к вертикально-интегрированным промышленным структурам, является задача оценки его эффективности, которая является ключом к принятию государством решения – стимулировать или нет то или иное производство.

Проблемы оценки эффективности производства достаточно изучены и доступны. Тем не менее имеется ряд дополнительных эффектов, менее всего учитываемых при практических расчетах, особенно в условиях формирования вертикально-интегрированных структур, которые и обуславливают их.

Как известно и уже отмечалось, взаимосвязь между объемом выпуска продукции и эффективностью использования ресурсов характеризует эффект масштаба. Зависимость между ними хорошо описывается производственной функцией вида:

$$Y = f(K, L).$$

где Y – результат производства, K – капитал (основные производственные фонды), L – затраты труда.

Практика развития производства показывает, что при небольших объемах производства действует возрастающий эффект масштаба, за которым при средних объемах выпуска следует более менее постоянный эффект масштаба, и наконец при больших объемах выпуска – убывающий эффект. Следовательно, если не меняется структура производства, но в его процессе срабатывает эффект масштаба, то он может формироваться только за счет полного использования мощностей при неизменности постоянных затрат. Они, в принципе, могут оставаться неизменными при хорошей организации производства (т.е. в пределах их объема за счет повышения квалификации работников управления высвобождаются менее квалифицированные, либо тот же самый процесс, но с применением оргтехники).

Если же меняется структура предприятия (кооперация, интеграция, применение более мощной техники и технологий и т.п.), то образуются эффекты от совместной деятельности за счет взаимной помощи, использования систе-

* Так, в зависимости от геометрии атома углерода различают графит, алмаз, карбин и т.д., имеющие различные уникальные свойства.

мы взаимозачетов, общей схемы оптимизации налогообложения, трансфертных цен и т.д.

В совокупности, как было показано, мы имеем две составляющие так называемого синергетического эффекта – агломерационного (за счет простого роста системы (производства) и эмерджентного (за счет целостности системы)).

Тогда как их измерить? Если исходить из того, что вертикально-интегрированная система (корпорация, компания и т.п.) оценивается через уровень интеграции, то предлагается ее уровень оценивать через показатель, отражающий долю добавленной стоимости в цене реализованного продукта. Другим способом измерения интеграции можно считать соотношение объема приобретаемых ресурсов с объемом ресурсов, производимых внутри предприятия, для каждой стадии производства продукции [9].

Современные интегрированные компании достаточно диверсифицированные. Для измерения диверсификации (степени диверсифицированности) компании используется индекс энтропии, рассчитываемый по формуле [9]:

$$E = \sum_i y_i \ln(1/y_i),$$

где i – рынки, на которых действует фирма ($i = 1, 2... n$); y_i – доля от реализации продукта на i -м рынке в общей выручке фирмы.

Индекс показывает среднюю долю фирм, действующих на рынке, взвешенную по натуральному логарифму обратной ей величины. Число наименований производимой продукции, оказывающее существенное воздействие на значение индекса, само по себе отражает уровень диверсификации.

Указанные выше методы измерения интеграции (например, как доли добавленной стоимости в цене реализованного продукта), по сути не решают проблемы в силу их некомплексности и односторонности.

Представляется, что более полное решение, отражающее системные изменения, может быть получено на основе использования модифицированной производственной функции Коба-Дугласа, несколько иначе ее интерпретировав.

Модифицированная динамическая функция Коба-Дугласа имеет вид:

$$Y(t) = a_0 L(t)^{\alpha_1} K(t)^{\alpha_2} e^{\lambda t}, \quad (1)$$

где $Y(t)$ – объем производства продукции; $L(t)$ – затраты труда; $K(t)$ – затраты капитала; e – основание натуральных логарифмов; λ – параметр; t – время; a_0, α_1, α_2 – коэффициенты.

Стандартно $e^{\lambda t}$ интерпретируют как выражение, характеризующее технологический прогресс [2]. Однако понимая, что технологический прогресс явление многогранное и сложное, и, что его нельзя отделять от изменения самих ресурсов производства (он во временном аспекте материализуется в самих ресурсах), при построении производственных функций стал применяться принцип отдельного выражения двух форм технологического прогресса – материализованного и автономного. Материализованный технологический прогресс вводится в функцию через ресурсы производства путем формирования их состава и объема с учетом качественных различий и изменений (оцениваются на практике косвенно, прямых методов расчета нет). Автономный технологический прогресс рассматривается при этом как тенденция, зависящая от времени и выражающая в производственной функции совместное действие таких

факторов роста, как совершенствование организации и управления производством, увеличение суммы накопленных научных знаний и т.п.

Учитывая, что в динамике затраты труда и капитала отражают в своей стоимостной оценке материализованный технологический прогресс, в функции Коба-Дугласа выделяют только автономный технологический прогресс. Таким образом предлагается оценивать только эффект, который не находит прямого отражения в показателях $L(t)$, $K(t)$, что вполне логично.

С учетом экскурса в производственную функцию Коба-Дугласа, предлагается $e^{\lambda t}$ (эффект от совершенствования управления и организации производства) интерпретировать как синергетический эффект, включающий агломерационный эффект (за счет присоединения и концентрации элементов) и эмерджентный эффект (за счет целостности системы). Такая интерпретация объективно вписывается в логику процесса «совершенствования и организации производства», уже заложенную предыдущими исследователями.

Значение $Y(t)$ в выражении (1) учитывает окончательный результат. Следовательно, в нем отражена и составляющая эмерджентного эффекта, которая может быть количественно определена. Для этого воспользуемся коэффициентами эмерджентности (за счет свойства целостности системы), рассчитываемые по формуле [7]:

$$\zeta = \frac{\log_2 \sum_{m=1}^M C_W^m}{\log_2 W}, \quad (2)$$

где C_W^m – число сочетаний W по m ; W – количество элементов в системе; m – сложность подсистемы (количество элементов в системе одного уровня иерархии).

Следует также отметить, что когда рассматриваются независимые производства, не имеющие общих интересов, то каждое из них имеет определенный уровень устойчивости, если же их действия взаимообусловлены, то границы устойчивости становятся шире¹.

¹ Для независимых производств, не имеющих общих интересов, выполняется условие:

$$D(A_1 + A_2) = D(A_1) + D(A_2),$$

где $D(A_1)$, $D(A_2)$, соответственно дисперсии (т.е. возможные уровни отклонения при всех равных прочих условиях от среднего (устойчивого) развития) независимых предприятий A_1 и A_2 . Если же присутствует условие «сцепленности» этих двух предприятий, то выполняется неравенство вида:

$$D(A_1 + A_2) < D(A_1) + D(A_2),$$

т.е. дисперсия объединенного предприятия (границы, допустимые вариации флуктуаций) при прочих равных условиях уменьшаются.

В общем случае, если некоторая совокупность S разбита на непересекающиеся группы S_1 , S_2 , ... S_i , то общая дисперсия σ^2 равна сумме средней групповых дисперсий $\overline{\sigma^2}$ и межгрупповой дисперсии δ^2 , т.е.

$$\sigma^2 = \overline{\sigma^2} + \delta^2$$

При объединении предприятий в одно, за счет их «сцепленности» разбросанность результатов всей совокупности вокруг среднего значения уменьшается, в том числе и из-за проявления системного (эмерджентного) эффекта: $\sigma^2 < \overline{\sigma^2} + \delta^2$.

Таким образом, формирование вертикально-интегрированных систем (холдингов, корпораций и т.п.) теоретически расширяет границы устойчивого их функционирования. Пределы таких границ должны определяться через анализ конкретных объединяющихся хозяйственных структур.

В Приморском крае потенциально возможна организация нескольких вертикально-интегрированных структур на базе Приморского ГОК, Ярославского ГОК, ОАО «Дальполиметалл» и др. Это следует из того, что Приморский край является монополистом в России по производству ряда концентратов. В крае производится более 92% плавикового шпата России, 64% вольфрамовых концентратов, 73,6% свинца в концентрате и 8,4% свинца рафинированного, добывается 18,2% олова России.

Что касается добываемого в крае цинка в концентрате, то при наличии ОАО «Челябинский цинковый завод» и завода «Электроцинк» с дальнейшим их расширением для переработки порядка 200 тыс. т в год (сырье в основном с Алтая и Челябинской области), варианты создания комбината в Приморском крае отсутствуют.

Значение Ярославского комбината с позиции создания многопрофильного перерабатывающего комбината также невысоко: во-первых, из-за широкого использования плавикового шпата в виде сырья в различных отраслях; во-вторых, значительную долю производства комбината составляет добыча цинкового концентрата.

Вольфрамовый рынок еще долго будет оставаться перенасыщенным, более 80% добычи вольфрама и производства из него продукции приходится на Китай. Выдержать конкуренцию с КНР возможно только за счет оживления внутреннего спроса с проведением соответствующей таможенной политики.

Таким образом, с реалистических позиций (т.е. с учетом достаточности сырьевой базы, условий реализации сложных технологических процессов, наличия трудовых ресурсов, необходимости рационального размещения производства и т.п.) наиболее вероятный вариант реализации такой структуры на базе ОАО «Дальполиметалл».

Нестабильность работы горнорудных предприятий края в перестроечный период объективно обусловила проблему диверсификации производства путем создания, в частности, на базе ГМГ «Дальполиметалл» холдинга. Реализация такого проекта, как показывает опыт ведущих зарубежных стран, несет неоспоримые выгоды. Внедряемая холдингом промышленная экономическая политика должна усилить роль рыночных инструментов. Основу новой промышленной политики составляют вертикально интегрированные структуры взаимосвязанных производств, образующие системную целостность, обуславливающую увеличение потенциала развития за счет системных эффектов.

Твердое намерение создания холдинга подтверждается уже тем, что в настоящее время ОАО ГМК «Дальполиметалл» приобрел лицензии на ряд месторождений, связанных с добычей золота, серебра (в 2007 г. серебра добыто 36,2 т) и планирует заниматься другими твердыми полезными ископаемыми — титаном, оловом, цены на которые в последнее время значительно выросли.

Проведенные расчеты подтверждают эффективность политики формирования вертикально интегрированных структур в цветной металлургии Приморского края. Учитывая период начала активизации интеграционной политики в цветной металлургии Приморского края и достаточную устойчивость происхо-

дящих процессов, для проведения расчетов был выбран период 1999–2004 гг. В это время еще не начались спекулятивные операции в отрасли, обусловленные вложением капитала в цветные металлы, и цены достаточно объективно отражали экономические реальности.

Системные эффекты, получаемые в цветной металлургии Приморского края, формирующиеся в результате перехода к новой промышленной политике в отрасли, изучались с помощью модифицированной динамической функции Коба-Дугласа.

Расчетная функция в рассматриваемом временном периоде в явном виде имеет следующие количественные параметры:

$$Y = 130,679K^{0,00296}L^{0,23516}e^{0,03393t}, \quad (3)$$

Статистический анализ расчетной функции (1) показывает, что она хорошо описывает зависимость между факторами, R-квадрат, характеризующий долю вариации зависимой переменной равен 0,917; коэффициент, характеризующий статистическую надежность – R = 0,96.

Экономический анализ показывает, что отрасль цветной металлургии в рассматриваемый промежуток времени развивалась незначительными темпами, в режиме «пульсации», относительно среднего достигнутого уровня. На это указывает достаточно весомое значение коэффициента $a_0 = 130,679$ и относительно небольшие значения показателей степеней при факторах K и L .

Коэффициент $\lambda = 0,03393$ отражает темп зависимости выпуска продукции от синергетического фактора (действия агломерационного и эмерджентного эффектов) и, скорее всего, от других факторов, которые трудно отдельно оценить в данном периоде в силу переходного характера экономики отрасли, региона и страны в целом.

Согласно расчетам в среднем влияние синергетического эффекта в 1999–2005 гг. на конечный результат цветной металлургии Приморского края варьировалось от 2,0 до 2,5%. Учитывая, что проблема создания вертикально интегрированного производства в отрасли только начала решаться, можно считать данную оценку вполне отражающей происходящие процессы, т.е. вполне достоверной.

Выделим в синергетическом эффекте влияние эмерджентного эффекта, рассчитываемого по формуле (2). Будем считать, что один из вариантов формирования производственной структуры корпорации может включать корпоративный центр и зависимые предприятия, которых может быть три – рудник, обогатительная фабрика и выплавка металлов или 4, если включить предприятие по обработке металлов. Наиболее приемлемый первый вариант, т.к. предприятия по обработке металлов тяготеют к потребителям. Тогда по формуле (2) имеем, что максимальный коэффициент эмерджентности $\varphi = \log_2 8 / \log_2 4 = 1,5$. Если же все-таки организовать и производство по обработке металлов, то коэффициент максимальной эмерджентности снизится до 1,43; если оставить только добычу и обогащение, то получим 1,63. Таким образом, чем меньше элементов образуют систему, тем сильнее связи внутри нее (коэффициент эмерджентности больше), справедливо и наоборот (коэффициент эмерджентности меньше).

Если те же процессы рассматривать с позиции агломерационного эффекта, то в определенных пределах (границ территории) получим противоположные

результаты, т.е. чем больше предприятий входит в корпорацию на ограниченной территории, тем больший эффект (при условии не нарушения принципа оптимального размера корпорации). Следовательно, общая величина синергетического эффекта будет всегда результирующей и ее надо определять по фактическому экономическому анализу.

С определенной погрешностью можно считать, что эмерджентный эффект включает и агломерационный эффект, особенно на первом этапе формирования вертикально интегрированных структур. В этом случае можно ожидать, что организация цветной металлургии Приморского края, создания по принципу вертикально интегрированной структуры, может повысить долю выпуска продукции до 3,75% только за счет эмерджентного эффекта.

Таким образом, в проведении политики вертикальной интеграции в цветной металлургии Приморского края с диверсификацией производства и строительством металлургических заводов видится, с учетом опыта ведущих зарубежных стран, основа устойчивого развития горнорудной промышленности региона.

Приоритетность такой политики важна и ввиду того, что в перспективе, согласно разработанной Стратегии развития российской металлургии до 2015 г., цветная металлургия останется одним из доминирующих поставщиков конструкционных материалов для экономики России. По-прежнему вклад металлургической промышленности в экономику России также будет определяться в значительной степени не только поставками металлопродукции на внутренний рынок, но и экспортными продажами. В 2015 г. ожидается, что на экспорт будет отгружаться около 70% основных цветных металлов (за исключением меди и цинка).

Конкретизация параметров рассмотренной выше Стратегии развития цветной металлургии Приморского края должна отражаться в Программе «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Забайкалья». Однако в этом документе она достойно не представлена. Проблема в том, что нет четких ориентиров, достаточно надежно определяющих параметры развития отрасли. Практически все уже принятые документы по развитию металлургии России, включая и Стратегию, не определяют развитие отрасли как единого целого в рамках государства. А это побуждает регионы самостоятельно принимать решения по развитию цветной металлургии в рамках собственной компетенции. В итоге это приводит к ненужной конкуренции, обуславливающей потери доходов из-за несогласованности производителей продукции при выходе их на рынки, особенно внешние.

Отсюда следует необходимость четкой координации развития цветной металлургии с учетом не только сиюминутных выгод, но и значения каждого ГОК для конкретной территории (как градообразующего предприятия); вариантов возможных решений с позиции долгосрочных выгод (минимизации потерь) и т.д. Что касается настоящего времени, то цветная металлургия Приморского края должна развиваться с учетом всех эффективных внутренних форм ее преобразования и совершенствования, с ориентацией ее на внешний рынок. Такая стратегия определена до 2015 г., с одной стороны, нормативными документами, с другой — реальностью бытия.

Развитие цветной металлургии должно активно осуществляться в направлении максимального достижения эффектов агломерации — как внутриотраслевой, так и межотраслевой. Пути достижения внутриотраслевых эффектов были

рассмотрены выше. Образование межотраслевых эффектов связано с объединением отдельных подотраслей цветной металлургии Приморского края в единый комплекс так, чтобы это название полностью отвечало названию «цветная металлургия» региона.

Здесь можно предложить два направления получения реального агломерационного эффекта за счет межотраслевых взаимодействий. *Первое направление* связано с выделением проблем, характерных для всех подотраслей (по крайней мере, не меньше двух) и их решением на интеграционной основе для использования полученных результатов во всех подотраслях, что обусловит дополнительную экономию.

Второе направление связано с использованием продукции (отходов) одних отраслей для производства продукции других. Так образующиеся сернистые газы при производстве тяжелых цветных металлов (свинец, цинк, олово, медь) могут быть использованы ОАО «Бор» (оба предприятия дислоцируются в Дальнегорске) для получения серной кислоты, необходимой для получения продуктов бора. Это важно, так как ОАО «Бор» постоянно испытывает потребность в сере, используемой затем для получения серной кислоты.

Такой подход может быть достаточно рентабельным при определенных условиях, что позволит решить ряд проблем: снизить зависимость от дефицитного сырья (серы); отчасти решить проблему охраны окружающей среды; получить каждым предприятием межотраслевую экономию (дополнительный доход). Согласно имеющейся практике ориентировочно из 1 т сернистого газа можно получить 2,5 т. серной кислоты. По расчетам, в балансе производства ОАО «Бор» серной кислоты это составит около 6,0% в настоящее время.

Также для устойчивого развития цветной металлургии Дальнего Востока необходимо совершенствовать действующую систему налогообложения и осуществлять более оперативное и «тонкое» регулирование ввозных и вывозных таможенных пошлин на оловянные, вольфрамовые, цинковые, медные, свинцовые концентраты путем проведения протекционистской политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. С.-Петербург: Питер, 1999.
2. Терехов Л.Л. Производственные функции. М. : Статистика, 1974. – 128 с.
3. Балацкий Е. Фискальные эффекты в вертикально-интегрированных хозяйственных структурах // Международная экономика и международные отношения. – 2004. – № 2. – С. 31–41.
4. Грицина Н.М. Максимизация рынка стоимости, как основной критерий эффективности вертикальной интеграции // Менеджмент в России и за рубежом. – 2002. № 6.
5. Государственная стратегия развития и рационального использования Минерально-сырьевой базы // [http: www. дума. ru/](http://www.duma.ru/).
6. А. Козицин // по материалам www.metalinfo.ru].
7. Луценко Е.В. Количественные возрастания эмерджентности в процессе эволюции систем. – <http://1c.kubagro.ru/aidos/eidos.htm>.
8. Уральская горно-металлургическая компания. – <http://ru.wikipedia.org/wiki>.
9. Юркова Т.И. Экономика цветной металлургии. Тексты лекций: http://yurkovs.narod.ru/Es_otr/ch31.htm.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЕКРЕАЦИОННО-ТУРИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРИМОРСКОГО КРАЯ

*А.И. Тодоров**

Достаточно разнообразный рекреационно-туристический потенциал России реализуется через наиболее распространенные функции: туристическую, санаторно-курортную и другие, которые относительно условно поделены между медицинскими и туристическими организациями. В этой совокупности на современном этапе, с учетом мировых тенденций, туризм рассматривается как один из основных элементов рекреационных услуг.

Важнейшими направлениями охраны здоровья населения являются: создание и развитие рекреационно-туристических комплексов (РТК), увеличение емкости рекреационных предприятий и учреждений на основе рационального использования ресурсов региона. Реализации этих направлений усиливается в свете повышения уровня благосостояния населения (несмотря на большие перепады и нестабильность данного процесса во временном отношении), увеличения внерабочего времени занятых в производстве (концентрация праздничных дней и введение новых знаменательных дат), а также усиливающаяся урбанизация, отрывающая человека от природы и т.д.

Указанные проблемы постоянно являлись приоритетными и находили свое решение по мере развития и укрепления экономики как государства в целом, так и его субъектов, в том числе – Приморского края. Статистические данные развития санаториев и учреждений отдыха в Приморье приведены в Табл. 1. Особое внимание уделялось увеличению мест для детей в санаториях круглосуточного пребывания и в пансионатах с лечением (детских санаториях).

1992 г. внес существенные изменения в деятельность рекреационных учреждений, относительная стагнация деятельности которых продолжалась вплоть до начала оживления развития экономики в регионе в 2001–2003 гг. Начавшиеся процессы инфляции, гиперинфляции, дефолт 1998 г., невыплаты заработной платы с ее резким снижением по покупательной способности негативно сказались на работе рекреационно-туристической отрасли края. Это нашло отражение в сокращении мест для отдыха и лечения в санаториях и пансионатах, а также – в санаториях-профилакториях, рис. 1.

Современный рекреационный комплекс края, после спада активности в 90-х годах XX в. заметно оживил свою деятельность с начала XXI в., что подтверждается статистическими данными, Табл. 2, согласно которым:

- 1) наблюдается существенный рост общей потребности в услугах рекреационного комплекса;
- 2) сохраняется устойчивый спрос на услуги санаториев;
- 3) потеряли свои позиции дома и пансионаты отдыха (в 2000 г. их было 5 единиц и они предоставляли около 1100 мест);
- 4) резко укрепили свои позиции базы отдыха по числу обслуживания лиц (в 1990–2000 гг. их число составляло в среднем около 40 ед.);
- 5) сдают позиции туристические базы, в основном за счет оттока клиентов в базы отдыха, предоставляющие, в том числе, и туристические услуги.

* *Тодоров Аркадий Иванович* – аспирант Института менеджмента и бизнеса ДВГУ, г. Владивосток, e-mail: <kmm2008@bk.ru>

Динамика развития рекреационных учреждений в Приморском крае до перехода к рыночным отношениям [2,3]

№		1939	1965	1970	1980	1985	1990
1	Число санаториев круглосуточного пребывания и пансионатов с лечением (для взрослых и детей), ед. В них коек, ед. Из них – детские санатории В них коек	5 412 - -	10 1783 6 400	10 2336 5 425	10 3299 5 390	11 4109 6 1175	16 6114 7 1629
2	Число санаториев-профилакториев В них коек	- -	- -	7 790	21 2007	36 3492	49 4537
3	Число домов и пансионатов отдыха (без одно-двухдневных) В них коек	11 1155	4 1620	3 1307	3 1228	3 1087	6 1278
4	Число санаториев и учреждений отдыха (без одно-двухдневных) В них коек (мест)					107 14550	132 19345
5	Число баз отдыха В них мест					53 4044	55 5134
6	Число туристических баз В них мест					4 1818	6 2282
7	Итого – число мест*	1567	3403	4433	6534	8688	11929

* – итоговые суммы для 1985 г. и 1990 г. рассчитаны без учета данных строк: 4,5,6 для сопоставимости, так как статистика по этим строкам для предыдущих лет отсутствует.

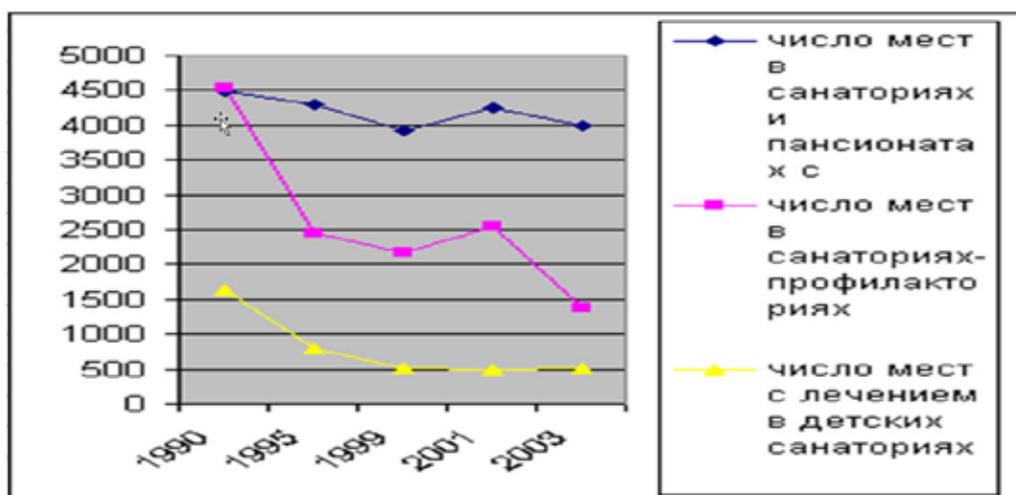

Рис. 1. Динамика сокращения мест для отдыха и лечения в рекреационных учреждениях Приморского края в кризисные годы перестройки [4].

Таблица 2

**Показатели деятельности санаторно-курортных организаций
и организаций отдыха в Приморском крае**

	2004	2005	2006	2007	2008
Число санаторно-курортных организаций и организ. отдыха, шт	62	61	68	71	49
Обслужено лиц, тыс. чел.	120,5	120,3	132,4	143,3	226,6
В том числе:					
Санатории, шт	15	16	16	15	16
Обслужено лиц, тыс. чел.	67,3	72,0	59,5	58,6	73,3
Санатории-профилактории, шт	14	12	9	8	7
Обслужено лиц, тыс. чел.	14,5	16,2	10,1	9,9	10,6
Дома и пансионаты отдыха, шт	1	-	-	-	-
Обслужено лиц, тыс. чел.	7,1	-	-	-	-
Базы отдыха и др., шт	30	31	39	45	25
Обслужено лиц, тыс. чел.	29,3	30,0	60,4	73,0	141,9
Туристические базы, шт	2	2	4	3	1
Обслужено лиц, тыс. чел.	2,3	2,1	2,4	1,8	0,9

Составлено на основе данных источника: Приморский край: социально-экономические показатели (статистический ежегодник). Владивосток: Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю, 2009. – 318 с.

На фоне погони за максимизацией прибыли учреждениями рекреационного комплекса Приморья негативная тенденция за тот же период складывается с функционированием летних оздоровительных учреждений для детей. Анализ Табл. 3 показывает, что:

1) идет целенаправленное сокращение числа детских оздоровительных учреждений всех типов;

Таблица 3

Функционирование детских оздоровительных учреждений

	2004	2005	2006	2007	2008
Число детских оздоровительных учреждений, шт.	831	714	685	671	661
Отдохнувших детей за лето, тыс. чел.	103,5	95,4	86,0	83,9	72,3
В том числе:					
Загородные учреждения, ед.	49	45	40	41	34
Отдохнувших детей, тыс. чел.	28,0	23,8	20,5	20,9	15,3
Санаторного типа, ед.	19	15	16	12	14
Отдохнувших детей, тыс. чел.	14,4	10,8	11,5	9,3	9,0
Профильные, оборонно-спортивные, оздоровительно-спортивного, ед.	150	91	111	88	71
Отдохнувших детей, тыс. чел.	10,8	7,6	7,0	6,2	4,8
Труда и отдыха, ед.	71	50	45	38	64
Отдохнувших детей, тыс. чел.	2,1	2,7	2,0	1,0	2,0

2) в 2008 г. по сравнению с 2004 г. численность детей, отдохнувших за лето, снизилась на 31, 2 тыс. человек; а по сравнению с 2000 г. (не самым удачным с позиции экономического развития) – на 62,2 тыс. человек;

3) организация детей в лагерях труда и отдыха стабильна с конца XX в., но резко уменьшилась по сравнению с 1990 г. (19,5 тыс. человек), но тогда сельское хозяйство только начинало преобразования и больше привлекался труд старших школьников.

Разнообразие форм и видов рекреационного обслуживания в Приморском крае отражает функциональное назначение рекреационных ресурсов, используемых в различных объектах рекреационного комплекса:

- в санаториях и профилакториях для целей лечения и профилактики;
- в домах отдыха и пансионатах с лечением;
- в домах отдыха, базах отдыха в целях оздоровления и отдыха;
- в туристических учреждениях для оздоровления.

В РТК региона туристическая отрасль Приморского края, в настоящее время располагающая определенной инфраструктурой, представлена предприятиями, в том числе и давно работающими на рынке услуг. Но большинство из них, особенно вновь образованные, обладают крайне низким материальным и рабочим потенциалом, Табл. 4.

Ввиду затянувшегося периода формирования туристическая отрасль края оказывает пока слабое влияние на развитие экономики Приморья, Табл. 4, 5. Ее доля в формировании ВРП края, представленная стоимостью реализованных путевок, составляет менее 0,5%, что значительно меньше мировых показателей.

Специфической особенностью рекреационно-туристического потенциала края является наличие в нем значительных пространственных разрывов между районами локализации основных рекреационно-туристических ресурсов, что снижает спрос на маршрутные туры и организованный отдых в отдельных его районах. Территории для организации отдыха осваивались в основном вблизи

Таблица 4

Характеристика туристических фирм Приморского края

	2002	2004	2006	2007	2008
Число туристических фирм (на конец года), шт.	118	113	128	136	132
Из них занимающихся деятельностью:	44	39	51	55	53
туроператорской	46	38	54	59	62
турагентской	926	832	1089	1273	1341
Средняя численность работников, чел.					
Число реализованных населению туристических путевок – всего, тыс. шт.	5,748	346,3	501,8	647,1	810,3
в том числе:					
гражданам России:					
по территории России	1,979	3,9	17,1	4,3	6,2
по зарубежным странам	0,023	288,6	452,8	623,0	778,2
иностранцам	3,746	53,8	31,9	19,8	25,9
по территории РФ					

Туризм в экономике Приморского края (в ценах 2002 г.)

	2002	2005	2006	2007
Стоимость реализованных населению путевок, млн рублей	29,7	224,2	511,8	763,4
% к ВРП Приморского края	0,03	0,17	0,36	0,48
Средняя численность работников туристических фирм, тыс. человек	0,926	1,050	1,089	1,273
% к числу занятых в экономике края	0,095	0,107	0,111	0,130

береговой полосы, но без особенного учета мест с наиболее благоприятными рекреационными и санитарно-гигиеническими условиями, не подверженных шуму и загрязнению воздуха, воды и почвы. Хозяйственное освоение региона отразилось на развитии системы приморского расселения и, в конечном итоге, на формировании вблизи населенных пунктов комплексов учреждений для кратковременного и повседневного отдыха. Так, во Владивостоке осваивались территории, расположенные в 1–2 часовой доступности от основного жилья с учетом возможностей их интенсивного посещения в выходные дни. Отдых в этих зонах носил и носит спортивно-оздоровительный характер: купание, принятие воздушных и солнечных ванн, водноспортивные развлечения. Сформированные, особенно до перестройки, рекреационные зоны располагались непосредственно у акваторий. Однако они недостаточно обеспечены объектами социальной инфраструктуры: стационарными объектами общественного питания, лодочными станциями, стоянками для автомашин и т.д., что снижает уровень обслуживания и, следовательно, их привлекательность.

Анализ опыта освоения приморских территорий показывает, что организация длительного отдыха в Приморском крае ограничена особенностями структуры расселения и приближена к местам с наличием минеральных источников и (или) залежей морской (целебной) иловой грязи. Это определило формирование относительно автономных рекреационных комплексов (Шмаковка, Садгород и т.п.) с устоявшейся годовой пропускной способностью 20–30 тыс. человек.

В итоге, Приморье, обладая большим туристическим потенциалом, в настоящее время имеет сравнительно неразвитую туристическую инфраструктуру [1]. Материальная база туризма нуждается в существенной модернизации. Пока туризм в регионе азвывается как коммерческий с уклоном торгового придатка экономики. Причины такой тенденции заключаются в том, что туризм в целом еще не становится познавательным, спортивным, интеллектуальным видом жизнедеятельности общества. Практически не имеют возможности заниматься туризмом такие социальные группы, как молодежь, большинство школьников и студентов, люди пожилого возраста, малообеспеченные семьи. Слаборазвитая инфраструктура туризма не позволяет существенно увеличить развитие иностранного туризма и привлечение туристов в Приморский край из других регионов России, Табл. 6.

Поэтому, если, в системе мирового хозяйства к концу XX в., индустрия туризма стала приоритетным направлением развития экономик развитых и развивающихся стран, то в Приморском крае, как и в России в целом, основные

**Динамика отправления (приема) туристов турфирмами
Приморского края, тыс. человек**

	Отправлено, граждане РФ			Принято, иностранцы		
	2002	2006	2008	2002	2006	2008
Всего	319,744	517,517	897,663	89,938	27,242	34,813
Россия	17,294	12,688	8,617			
Великобритания	0,042	0,034	0,019	0,300	-	0,699
Германия	0,010	0,031	0,031	0,210	0,054	0,021
Испания	0,066	0,226	0,403	0,013	-	0,038
Китай	295,146	492,493	869,925	83,129	23,579	29,714
США	0,047	0,047	0,612	1,568	0,031	2,236
Турция	0,184	0,573	1,772	-	-	-
Франция	0,045	0,368	0,533	0,012	0,003	0,019
Таиланд	-	1,609	1,740	-	0,014	0,004
Япония	-	5,258	6,228	-	3,446	1,768

показатели уровня развития туризма составляют 1,5–2% (в 3–5 раз ниже общемировых).

Показатели развития туризма Приморского края, и фактически равного ему по социально-экономическому и природному потенциалу Хабаровского края (по крайней мере, до перестройки 90-х годов XX в.), приведены в Табл. 7. Приморский край лидирует практически по всем основным позициям, характеризующим развитие туризма в регионах, за исключением одной позиции – внутренний туризм. Такое большое различие, возможно, связано с разной интерпретацией статистических органов регионов понятия «внутренний туризм».

Таблица 7

Показатели развития туризма в южных регионах ДВФО*

		2007	2008	2008 к 2007, %
Въезд иностранных туристов в РФ по линии туроператоров, тыс. человек	Приморский край	32,4	34,8	107,4
	Хабаровский край	19,2	20,4	106,3
Выезд российских туристов за рубеж, тыс. человек	Приморский край	709,8	897,7	126,5
	Хабаровский край	190,5	238,2	125,0
Внутренний туризм, тыс. человек	Приморский край	8,2	8,6	104,9
	Хабаровский край	333,7	471,5	141,3
Объем туристических услуг, млн рублей	Приморский край	1260,0	1777,3**	141,0
	Хабаровский край	351,7	407,3**	115,8

** – в ценах 2007 г.

* Приморский край: социально-экономические показатели (статистический ежегодник). Владивосток: Территориальный орган государственной статистики по Приморскому краю, 2009. Туризм в Хабаровском крае//<http://www.khv.ru/invest2.nsf/Tourism/>

Также наблюдается большой разрыв по позиции «выезд российских граждан за рубеж», особенно с позиции географии поездок российских граждан, приобретших путевки в Приморском и Хабаровском краях, Табл. 8. Успехи выездного туризма Приморского края связаны в основном с Китаем и затем – с Японией. Объяснение здесь единственное – мощные туристические потоки в Китай через Приморский край обусловлены, в основном, торговой деятельностью (так называемыми «челноками»). При этом и части жителей Хабаровского края (южных районов) удобнее посещать КНДР через пункты перехода Приморья.

Таблица 8

Выезд российских туристов за рубеж по основным странам, тыс. человек

	2007	2008	2008 к 2007, %
Всего	709,8/190,5	897,7/238,2	126,5/125,0
в том числе в:			
Китай	680,2/171,6	869,9/218,7	127,9/127,4
Японию	9,9/2,8	6,2/2,2	62,6/78,6
Страны ЮВА	2,2/8,5	1,7/9,5	77,3/111,8

Примечание: в числителе – данные по Приморскому краю, в знаменателе – Хабаровскому краю.

Второе место по въездам в страну граждан России занимает Япония, что также является следствием торговой деятельности – поездки за подержанными автомобилями. Если исключить из общих потоков поездки в Китай и Японию, то доля туристических посещений всех других стран составит:

- в Приморском крае в 2007 г. – 2,8%, в 2008 г. – 2,4%;
- в Хабаровском крае в 2007 г. – 8,5%, в 2008 г. – 7,3%.

Полученные данные свидетельствуют о более разнообразном и, следовательно, более качественном туризме жителей Хабаровского края. В Хабаровском крае более продуктивно развит и внутренний туризм. Во многом он объясняется стремлением жителей региона провести летние отпуска за пределами края и, в частности, в Приморском крае. Поэтому в летние месяцы большие потоки жителей Хабаровского края, особенно Севера региона, устремляются на морские побережья Приморья.

Следует отметить, что в настоящее время, в связи с финансовыми трудностями основного населения как жителей России в целом, так и жителей ДВФО, сменились ценностные критерии рекреационного спроса населения. В регионе стал активно развиваться нерегулируемый туризм по личным предпочтениям, так называемым индивидуальным маршрутам.

К сожалению, теряют интерес к районам российского Дальнего Востока иностранные туристы. Если в 90-х годах соотношение выездного туризма к выездному составляло 1 к 5 и это расценивалось как неприятный и весомый дисбаланс, то в 2007–2008 гг. данное соотношение составило: для Приморского края 1 к 24; для Хабаровского края – 1 к 11. Причины таких резких различий лежат в плоскости ранее данных объяснений, т.е. они связаны,

в основном, с челночной деятельностью граждан Приморья и южных территорий Хабаровского края.

С целью реабилитации РТК в крае неоднократно разрабатывался ряд программ развития туризма в регионе, в том числе: муниципальная программа развития туризма в г. Владивостоке на 2005–2007 годы; развитие туризма в Приморском крае на период до 2010 года; другие программные документы. Основные направления программных документов базируются на положениях Концепции развития туризма в РФ и Концепции развития туризма в Дальневосточном регионе России.

Целевые установки Программы развития РТК Приморского края на 2004–2005 гг. и до 2010 г. [6] отражают необходимость создания в Приморском крае современного высокоэффективного туристического комплекса:

- для удовлетворения потребностей российских и иностранных граждан в туристических услугах (до 1 млн человек в год);
- обеспечить значительные (до 15%) налоговые поступления в бюджет, приток иностранной валюты, прирост рабочих мест;
- сохранение и рациональное использование природно-культурного наследия края.

Программы предполагается осуществлять с учетом активного привлечения кредитов банков на льготных условиях, государственных гарантий под крупные инвестиционные проекты, целевых дотаций или субсидий, совместной деятельности государственного и частного капитала, помощи эффективно работающим туристическим компаниям.

Относительная аморфность программ, недостаточный анализ ситуации в РТК Приморского края, его связи с социально-экономическим положением основного населения, проживающего в регионе, надежда на федеральную помощь и т.д., безусловно, не могла дать и прогнозируемых результатов [7]. Более того, она базировалась на муниципальных подпрограммах, в которых из-за отсутствия опыта формирования программ и их реализации, особенно в условиях недостаточного финансирования из федерального бюджета, чаще желаемое выдавалось за действительное. Так, например, прогнозировалось к 2005 г. увеличить число рабочих мест в отрасли на 3 тыс. человек, фактически же на 01.01.2006 г. средняя численность работников, включая внешних совместителей и работников несписочного состава, составила 1050 человек [5, с. 140].

Дальнейшее развитие отрасли в крае будет осуществляться в рамках действующей федеральной целевой программ «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы и до 2013 года» по разделу «Развитие туристско-рекреационного комплекса». Однако структура инвестирования программы по источникам (федеральный бюджет – 3,6%, региональные бюджет – 12,5%, муниципальные – 3,9%, внебюджетные поступления – 79,1%) не позволяют надеяться на ее полноценное выполнение, так как ежегодные государственные вложения России в сравнении с зарубежными странами на порядок (а то и два) ниже.

Рассмотрев потенциальные возможности наличия рекреационно-туристического потенциала в Приморском крае и его относительную конкурентоспособность по сравнению с другими регионами, включая сопредельные страны АТР (Китай, Таиланд и др.), можно констатировать, что Приморский край [7]:

- 1) не обладает уникальными туристическими продуктами;

- 2) не является достаточно привлекательным для иностранных туристов своей флорой и фауной, в силу наличия таковой в сопредельных странах;
- 3) имеет ограниченные лечебные ресурсы;
- 4) имеет фактически непродолжительный купальный сезон, особенно с позиции законопослушности иностранных туристов из стран АТР, в которых, как правило, купальный сезон заканчивается 1 августа;
- 5) лесной туризм опасен энцефалитом и т.д.

С другой стороны относительная бедность дальневосточного российского жителя и недорогая транспортная доступность пляжных берегов Приморья (вполне достаточно личного автотранспорта) является важным стимулирующим фактором формирования существенного **внутреннего** природного туризма в регионе.

Необходимо также учитывать, что в связи с потерей Россией своих некогда основных рекреационных зон (Крым и т.д.) население вынуждено изыскивать другие возможности проведения времени летних отпусков, в том числе и в своем регионе. И в этом плане прибрежные зоны Приморья с продолжительным для русского населения купальным сезоном, числом санаториев с лечебными процедурами, домов отдыха с реабилитационными услугами – уже обеспечили региону имидж «региональной зоны отдыха» для всего российского Дальнего Востока (РДВ).

Рекреационно-хозяйственная инфраструктура такой зоны должна будет обеспечивать ежегодный длительный отдых, санаторное лечение и всевозможные виды туризма. Данная тенденция подтверждается репрезентативной, статистической выборкой. С 2003 по 2008 гг. (отчетный год) наблюдалась постоянно возрастающая тенденция обслуженных лиц в санаторно-курортных организациях и организациях отдыха. По сравнению с 2003 г. число обслуженных лиц в 2008 г. увеличилось в 2,17 раз.

Ранее была выявлена и другая тенденция, а именно достаточно емкое снижение численности детей, отдохнувших в оздоровительных учреждениях в течение лета. В 2008 г. число отдохнувших детей в оздоровительных учреждениях разных видов сократилось по сравнению с 2003 г. почти на 30,0%..

Таким образом, в совокупности проведенный анализ показал необходимость углубленного рассмотрения тенденций и факторов, оказывающих влияние на освоение и использование рекреационных ресурсов, определения путей формирования экономически эффективных приморских рекреационных сетей, совершенствования управления деятельностью рекреационного комплекса в составе Приморского края.

По совокупности рассмотренных факторов Приморский край, по крайней мере в среднесрочном периоде может рассматриваться как территория с относительно разнообразным рекреационно-туристическим потенциалом, спрос на который должен в большей степени формироваться жителями Восточной Сибири и районов РДВ. И проблема здесь не только в формировании соответствующей рекреационно-туристической инфраструктуры, но и в необходимости формирования экономического инструментария, стимулирующего эффективность создания оздоровительных учреждений для различных слоев общества, особо включая детей.

Проблема детского оздоровительного отдыха, это не рядовая проблема. Она должна стать составляющей реализации общенациональной программы

вложения в «человеческий капитал», практически ее первым этапом. Дело в том, что параллельно со снижением доступа детей к оздоровительным учреждениям, сокращаются мероприятия по их профилактическим осмотрам. В 2008 г. осмотр детей в возрасте до 14 лет снизился к 2004 г. на 10,7 тыс. человек. Доля выявленных дефектов у детей практически не изменяется; а число зарегистрированных больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, увеличилось в рассматриваемом периоде на 30,6 тыс. человек (на 4,8%).

Присовокупим к вышеотмеченному то, что число содержащихся в местах лишения свободы (в воспитательных колониях для несовершеннолетних) увеличилось в 2008 г. по сравнению с 2004 г. на 37 человек (при тенденции постоянного роста). Тогда естественен вопрос, – кому в отдаленной перспективе нужны некоторые успехи в повышении эффективности, в общем-то однобоко формирующегося в настоящий момент РТК? Российский Дальний Восток (РДВ), в том числе Приморский край, не такой уж бедный регион, чтобы выживать только за счет эффективного развития РТК. Хотя возможно и в том числе, но для этого должны быть пересмотрены социально-экономические приоритеты развития, обеспеченные соответствующей правовой базой.

Поэтому, прогнозируя развитие и размещение рекреационно-туристических районов баз отдыха необходимо, в первую очередь, учитывать потребности населения выделенных выше российских регионов:

- в отдыхе и лечении детей;
- в массовых видах отдыха;
- в семейных видах отдыха;
- в плановом туризме и т.д.

Учитывая относительно неординарные природно-климатические условия большинства районов РДВ необходимо дальнейшее совершенствование морских видов и форм рекреации.

Лечебно-оздоровительный комплекс Приморского края должен формироваться во взаимосвязи с развитием производительных сил, способствуя в том числе и решению проблем реабилитации с учетом основных профессий региона, благосостояния и культурного уровня жизни людей. Факторы, определяющие структуру и темпы ее развития можно условно разделить на две группы. Первая группа – факторы, влияющие на уровень и структуру потребностей населения в рекреационном обслуживании. Это связано с тем, что по оценкам экспертов, рост потребностей людей в услугах учреждений организованного отдыха формируется под воздействием ряда социально-экономических факторов, среди которых преобладающую роль играют растущий уровень урбанизации, рост материального благосостояния и культуры населения, увеличение фонда свободного времени и т.д. Вторая группа – это лимитирующие факторы:

- 1) наличные ресурсы (природные, экономические, социально-демографические), определяющие «приемный» рекреационно-туристический потенциал Приморского края;
- 2) экологические ограничения, увязывающие использование экологической емкости территории с ее экологической устойчивостью.

Таким образом оптимальная структура РТК в каждом конкретном районе края должна формироваться на основе системной логической увязки потребностей населения в рекреационном обслуживании с имеющимися ресурсами

и экологическими ограничениями территории. К выделенным ранее особенностям, которые необходимо учитывать, следует также отнести:

- суровые климатические условия на большей части территории РДВ;
- высокий удельный вес городского населения (в среднем, в последние года, – 77,0%), подверженного повышенным стрессовым нагрузкам;
- высокий удельный вес молодежи, экономически активного населения, в том числе в северных районах. Удельный вес населения моложе трудоспособного и трудоспособного составляет около 80,0%; в фазе активного возраста от 10 до 39 лет – более 45,0%;
- наличие длительных отпусков у работников морехозяйственного комплекса за счет присоединения к отпускам отгулов, длительных новогодних праздничных каникул для населения в целом и т.д.

По статистике в районах северной части региона количество отпускников, отдыхающих за пределами своих мест жительства, составляет до 80,0%. А учитывая, что их основу составляют люди в активной фазе жизни и только формирующимся достатком, то это и определяет рост потребности в базах отдыха.

Опасность туризма, связанного с посещением лесных массивов (энцефалит), обуславливает повышенную привлекательность рекреационных ресурсов приморских районов. Многолетние статистические наблюдения показывают, что ежегодно удельный вес проводящих отпуск на морском побережье увеличивается. Если в 1975 г. он составлял 38,0%, 1988 г. – 54,0%, в настоящее время – более 75,0%.

Хотя ресурсы приморских районов позволяют развивать широкий спектр видов рекреации, однако расширение сети рекреационных учреждений в них связано с определенными трудностями, преодоление которых требует больших материальных и финансовых средств. Ограниченность трудовых ресурсов, слабая строительная база, недостаточно развитая социальная инфраструктура представляют сложное препятствие на пути превращения приморских районов РДВ, включая Приморье, в Центр оздоровления населения Восточной части России. Так, в транспортной инфраструктуре нет проблемы с достаточной обеспеченностью только водными путями. Хотя и здесь не исключены проблемы комфорта передвижения.

Остры экологические проблемы в формирующихся и сложившихся системах прибрежного расселения, что объясняется как характером производства, так и природными особенностями региона, потенциалами ассимиляционной емкости атмосферы, воды и почвы. Наиболее высока загрязненность атмосферы и водоемов в городских поселениях, но именно в пригородных зонах сосредоточена большая часть оздоровительных учреждений. На 01.01.2009 г. в Приморском крае сброс загрязненных сточных вод в общем объеме составляет около 85,0%, в атмосферу выбрасывается свыше 49,0% загрязняющих веществ без очистки. В настоящее время идет массовое освоение новых прибрежных территорий, особенно в летний период. Резко повышаются экологические нагрузки в виде биогенного загрязнения, мусора и т.д. Идет постепенное обезлесение прибрежных зон. Как правило, все эти мероприятия практически не регламентируются (или плохо регламентируются) даже в крупных муниципалитетах ввиду сложившейся политики вседозволенности. Неучет экологического фактора ведет к снижению спроса на рекреационно-туристические учреждения в зонах повышенного экологического риска.

Ухудшаются условия использования населением рекреационных функций леса. Если для сельских территорий такая проблема относительно повседневна (т.е. решается практически автоматически за счет наличия в окружении большого количества различных насаждений, включая рядом расположенные лесные массивы), то для городских территорий в связи со стремительной урбанизацией полезное влияние оздоровительных свойств леса со временем сокращается, что пытаются выполнить за счет озеленения городов и сохранения вокруг них санитарных зон. Однако, плохо управляемые процессы перестройки, начавшиеся с 1992 г., привели и продолжают приводить к сокращению территорий санитарных зон за счет выделения их земель под застройки коттеджей (наглядный пример, санитарная лесная зона г. Владивостока).

Такая политика идет в разрез с опытом ведущих стран мира, в которых выделяются специальные лесные территории, находящиеся в собственности государства и используемые для отдыха населения. В Приморском крае и в частности в пригороде Владивостока такие территории сформировались в виде «облюбованных мест» горожан, посещаемых для отдыха практически круглый год. Здесь проблема лишь в том, чтобы не навредить, т.е. не занять их под какие-либо нужды и не заорганизовать.

Одним из серьезных недочетов предыдущего развития рекреационных зон было игнорирование учета зональной планировки при организации курортов в зависимости от функциональной направленности использования рекреационных ресурсов; зон спортивно-оздоровительной рекреации, зеленых зон отдыха, резервных территорий и т.д. В настоящее время это препятствует дальнейшему оптимальному развитию санаторно-курортного лечения в крае.

Следует также иметь в виду, что организация отдыха в прибрежной полосе определяется характером берегов, дна, течениями в заливах и др. особенностями, требующими учета совместимости использования акваторий для различных видов отдыха. Так, рыбная ловля нежелательна в районе пляжей и на участках, используемых для водно-моторного спорта; в местах массового купания недопустимо катание на моторных лодках и т.д.

При совершенствовании организации РТК Приморского края необходимо учитывать не только направления видов рекреационного обслуживания, но и временной регламентный режим. Рекреационные ресурсы в этом плане могут использоваться в различные промежутки времени: от одного-двух — до нескольких дней; кратковременный отдых в дни каникул, включая лечебно-оздоровительный отдых; длительный отдых, включая в том числе и туризм. Как правило, наиболее массовым является кратковременный отдых, для организации которого более востребованы загородные базы отдыха, прилегающие к местам расселения. При организации и строительстве рекреационно-туристической инфраструктуры необходимо исходить из расчета перспективной численности населения и его склонностей к различным по продолжительности видам отдыха. Обычно считается, что только 20,0% населения предпочитает отдыхать в учреждениях длительного отдыха, расположенных в местах проживания.

Транспортные и климатические факторы обуславливают еще ряд особенностей — сезонность отдыха, длительность пути к месту назначения; разли-

чия в часовых поясах по отношению к другим регионам, специфичность климатических условий – необходимость акклиматизации.

Необходимо учитывать и особенности обеспечения рекреационными услугами сельское население. Детский отдых целесообразнее сосредотачивать вблизи крупных городов, имеющих более высокий уровень культурных ценностей по сравнению с районами, что с более низкими затратами позволит им приблизиться к культурным ценностям. Взрослое сельское население ввиду специфики труда отдыхает преимущественно зимой и в межсезонье. Для этих целей целесообразно использовать рекреационную сеть, созданную для горожан, которые (до 90,0%) обычно отдыхают в летний период.

Формирующиеся тенденции спроса рекреационно-туристических услуг в совокупности с выявленными региональными особенностями, показывают, что в развитии комплекса в первую очередь должны преобладать санаторно-оздоровительные учреждения массового отдыха, главным образом для обслуживания местного населения.

Таким образом, в рамках разделения труда в Дальневосточном экономическом районе Приморский край объективно олицетворяет собой региональную зону отдыха. По оценкам органов управления рекреационно-туристической деятельностью в Приморском крае, создаваемая рекреационно-хозяйственная инфраструктура такой зоны должна будет обеспечивать ежегодный длительный отдых, санаторное лечение и всевозможные виды туризма – от так называемого пляжного до маршрутного. Учитывая, что общая площадь, необходимая для организации длительного и кратковременного отдыха – 58,7 тыс. га, необходимо будет благоустроить 230–250 га морских и примерно столько же речных и приозерных пляжей. Общая потребность в санаторно-курортных учреждениях составляет 7,2 тыс. мест, из них не менее 1,9 тыс. мест – детские. Поскольку ресурсы для организации курортно-санаторного отдыха в крае очень велики – это перспективная ветвь развития экономики края.

В перспективе всестороннее развитие инфраструктуры региона с учетом его особенностей, решение проблем транспортной доступности, повышения культуры предоставления услуг, экологической благоприятности, создание и (или) открытие уникальных туристических продуктов будет стимулировать приток туристов как из западных регионов России, так и из-за рубежа. Пока же в рамках разделения труда в Дальневосточном экономическом районе Приморский край объективно олицетворяет собой региональную зону отдыха с наличием большого спектра проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гатауллина С.Ю. Повышение инвестиционной привлекательности регионального туристического комплекса как фактор усиления интеграционных процессов Приморского края в АТР. Материалы междунар. научно-практич. конф. «Формирование образа России в Азиатско-Тихоокеанском экономическом сотрудничестве». Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – С. 96–100.
2. Народное хозяйство Приморского края в 1982 году (статистический ежегодник). Владивосток: Статистическое управление Приморского края, 1983. – 214 с.
3. Народное хозяйство Приморского края в 1991 году (статистический ежегодник). Владивосток: Статистическое управление Приморского края, 1992. – 234 с.

4. Приморский край (статистический ежегодник). Владивосток: Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю, 2004. – 286 с.
5. Приморский край: социально-экономические показатели (статистический ежегодник). Владивосток: Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю, 2009. – 318 с.
6. Проект «программа развития рекреационно-туристического комплекса Приморского края на 2004–2005 годы и до 2010 года» // fdi.narod.ru/.../programma2/karta-08.htm.
7. Тодоров А.И. Рекреационно-туристический комплекс Приморского края в экономике региона // Формирование образа России в Азиатско-Тихоокеанском экономическом сотрудничестве. Материалы междунар. научно-практич. конф Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – С. 100–105.

ВЫСШАЯ ШКОЛА В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

ИСТОЧНИКИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА

А.И. Фисенко, М.В. Заводовская

Успех деятельности по применению образовательных новаций в отраслевом вузе в значительной степени определяется выбором оптимальных подходов к ее финансовому обеспечению. Современная ситуация в области финансирования отечественного высшего профессионального образования характеризуется тем, что прежних методов финансирования (бюджетного) уже недостаточно для обеспечения постоянно расширяющегося «производства» кадров высшей квалификации, тем более – с применением различных образовательных новаций (включая дорогостоящие образовательные технологии). Это ставит перед вузами задачу повышения эффективности использования государственных финансовых ресурсов и привлечения средств из других, главным образом внебюджетных источников. В отраслевом секторе эти проблемы обостряются ввиду присущих ему особенностей организации образовательного процесса (для транспортных вузов: это подготовка в учебных заведениях специальной формы; обязательное использование разнообразных тренажеров; потребность в быстрой адаптации учебных программ в связи со стремительным развитием современных технологий транспортных отраслей и др.).

Вопросы финансового обеспечения инновационной образовательной деятельности (ИОД), как представляется, должны рассматриваться в контексте разработки новых механизмов и подходов к финансированию отечественного высшего профессионального образования (ВПО) в целом, поскольку возможности того или иного вуза по формированию фонда финансовой поддержки образовательных новаций напрямую зависят от эффективности применения в нем указанных подходов. С другой стороны, необходимо принимать во внимание и рекомендуемые для эффективного осуществления инновационной деятельности инструменты и источники финансирования (например, венчурный капитал), оценивая возможность их применения.

Концепцией модернизации российского образования на период до 2010 г. [3] (далее – Концепция) предусмотрено создание в системе ВПО нового организационно-экономического механизма, предполагающего диверсификацию источников ее финансирования. В основу этого подхода положена теория человеческого капитала, согласно которой в формировании последнего заинтересованы как сам индивидуум, так и государство в целом. Он подразумевает участие в финансировании (точнее – инвестировании) высшего обра-

* *Фисенко Андрей Иванович* – доктор экономических наук., профессор, зав. кафедрой финансов МГУ им. Г.И. Невельского, Владивосток.

Заводовская Мария Владимировна – аспирант кафедры финансов МГУ им. Г.И. Невельского, Владивосток.

зования государства, предприятий и отдельных граждан (то есть всех сторон, заинтересованных в качественном образовании) в соответствии с получаемыми ими от этих вложений выгодами.

В Концепции фактически нашли отражение (и получили формальное «закрепление») существенные изменения в финансировании деятельности учреждений ВПО, произошедшие еще до ее принятия, когда место одного, гарантированного госбюджетного источника финансирования заняли разные, дополняющие друг друга источники. Эти источники, составляющие, помимо прочего, основу финансового обеспечения образовательных новаций, принято делить на бюджетные и внебюджетные. К бюджетным средствам относятся те, что поступают от учредителя-собственника образовательного учреждения (государство, муниципальное образование либо частное лицо) на безвозмездной основе. Внебюджетные поступления вуза, согласно С.А. Белякову, могут быть классифицированы следующим образом [4].

1. Доходы от основной деятельности
 - 1.1. Платные образовательные услуги
 - 1.2. Научная (научно-техническая) деятельность
 - 1.3. Деятельность учебного заведения по обеспечению образовательного и научно-исследовательского процессов
2. Доходы от прочей деятельности и иные поступления
 - 2.1. Работы (услуги), выполняемые с использованием ресурсов образовательного учреждения (территорий, помещений и др.)
 - 2.2. Внереализационные доходы (долевое участие в деятельности других учреждений и организаций, приобретение ценных бумаг и получение доходов по ним, предоставление ресурсов образовательного учреждения в аренду и др.)
 - 2.3. Иные поступления (взносы юридических и физических лиц, включая попечительские, целевые спонсорские взносы и др.)

Все вышеперечисленные источники целесообразно использовать для финансового обеспечения образовательных новаций. Для этого Н.Л. Пономарев и Б.М. Смирнов рекомендуют формирование специального фонда поддержки ИОД либо особой (инновационной) статьи использования общего фонда развития вуза. В качестве возможных источников данных фондов учеными рассматриваются:

- госбюджетные средства (для государственных вузов), предусматриваемые или в форме субсидий, или в составе затрат на подготовку специалистов и формируемые в рамках метода двойного бюджета вуза – текущего (85–90% средств) и инновационно-стратегического (10–15% средств);

- внебюджетные средства, поступающие в фонд образовательных новаций или в соответствующий раздел фонда развития вуза по определенному нормативу. При этом в составе фонда средств на ИОД предлагается образовывать три субфонда: первый из которых должен идти на финансирование крупных проектов образовательных новаций (до 85% средств), второй – на мобильную поддержку малых инициативных образовательных новаций (до 10-15% средств), третий (резервный – до 5%) – на поддержку важных для вуза внеплановых проектов образовательных новаций. Распределять финансовые средства на конкретные проекты (в том числе предусматривающие обновление материально-технической базы учебного процесса, образовательных технологий и методов обучения) целесообразно на конкурсной основе.

Приведенная в работе [2] ретроспектива апробированных в высшей школе за последние пять лет механизмов финансирования (в рамках реализации принципа диверсификации его источников) включает все перечисленные элементы (подходы), а также некоторые из источников, упомянутых нами ранее (благотворительные пожертвования, доходы от аренды). Особо отметим, что в последние годы была подготовлена законодательная основа для изменения организационно-правовых форм существующих образовательных бюджетных организаций, что позволяет повысить их привлекательность для частных инвестиций, рассматриваемых большинством учёных как один из наиболее перспективных источников получения дополнительного финансирования, прежде всего на реализацию образовательных новаций

В инновационном менеджменте эффективная организация финансирования инновационной деятельности также предполагает множественность его источников. Обычно при этом специалисты выделяют следующие источники: государственные инвестиционные ресурсы, ресурсы коллективных инвесторов (в т.ч. страховых компаний, инвестиционных фондов, негосударственных пенсионных фондов), кредитные ресурсы коммерческих банков и прочих кредитных организаций; собственные средства предприятий, физических лиц и т.д.

Важным источником различных форм инновационной деятельности являются бюджетные ассигнования, за счет которых выполняются целевые комплексные программы, государственные приоритетные проекты. Так, еще Концепцией научной, научно-технической и инновационной политики в системе образования РФ на 2001–2005 гг. определена приоритетность концентрации выделяемых федеральных бюджетных средств на решении *важнейших задач* развития образования. Там же отмечена необходимость привлечения к финансированию высокотехнологичных инновационных и социальных проектов различных внебюджетных источников, включая внебюджетные средства самих вузов [2], которые были рассмотрены ранее. Заметим, что в отраслевых вузах весьма существенными могут быть финансовые ресурсы, поступающие от отраслевых и региональных структур. Возможности привлечения к финансированию инновационной деятельности высшей школы коллективных инвесторов исследовались В.Л. Васильевым, З.Г. Шигаповым и др. учеными, заключившими, что они в большинстве своем ограничены (законодательно и экономической средой) в своих действиях и практически не могут участвовать в инновационном процессе. Исключение составляют инвестиционные фонды как наиболее приемлемые финансовые посредники в деле привлечения частных инвестиций для обеспечения инновационной деятельности высших учебных заведений [5]. Заметим также, что преимущество учреждений отраслевого сектора ВПО в получении дополнительных бюджетных средств на цели стратегического развития состоит в возможностях получения ими инвестиций в рамках федеральных целевых программ развития соответствующих отраслей. Так, к примеру, выделение значительных средств на обновление тренажерной, научно-производственной базы и т.п. в морских вузах предусмотрено подпрограммой «Морской транспорт» ФЦП «Развитие транспортной системы России (2010–2015 годы)» [1].

По оценкам экспертов источники инвестиционных ресурсов для образовательных новаций следующим образом распределяются по *степени привлекательности* (интегральный показатель, формируемый на основе оценки крите-

риев их емкости, доступности и риска): высокая – инвестиции государства и бизнес-структур; средняя – инвестиции некоммерческих фондов, частные инвестиции, реинвестиции вуза (внутренний источник); низкая – прочие внешние источники. Указанные источники могут использоваться для финансового обеспечения различных образовательных новаций в соответствии с предлагаемой Т.Н. Роденковой схемой [9], в основу которой положена разработанная ею типология образовательных новаций. Очевидно, что указанные в таблице типы новаций (кроме последнего) в основном так или иначе связаны с применением инновационных образовательных технологий, разница между ними – лишь в уровне применения этих технологий (от образовательной системы в целом до отдельных компонентов учебного процесса). Следовательно можно сделать вывод, что все перечисленные источники подходят для финансирования инновационных образовательных технологий как таковых.

В завершение рассмотрим подходы к финансированию особой категории образовательных технологий, основанных на принципах открытого образования, – *дистанционных образовательных технологий*. В качестве источников финансовых ресурсов [5, 9] для них указаны «все виды инвестиций». М.М. Забелина и С.В. Лобовикова, изучавшие механизмы финансирования деятельности ведущих западноевропейских университетов, работающих в области открытого и дистанционного обучения, отмечают общую особенность: источниками финансирования, как правило, выступают федеральное и региональное правительства, министерства труда, Европейские программы развития, и лишь часть бюджета поступает от коммерциализации мультимедийных продуктов. Исключение составляют те институты, основным направлением деятельности которых является подготовка специалистов определенных профессий, – они ориентированы на сотрудничество с предприятиями. В целом доля государства в финансировании организаций дистанционного обучения колеблется от 50% до 98%, а доля средств, получаемых непосредственно от оплаты обучения, составляет в среднем только 25–40% от всего объема бюджета [7].

Наибольших финансовых вложений требуют начальные этапы подготовки и развертывания системы открытого дистанционного обучения, после чего, как показывает отечественная практика [8 и др.], использующие их учебные заведения вполне способны к самофинансированию за счет оплаты образовательных услуг учащимися. Ректор современной гуманитарной академии (одного из ведущих российских вузов в области дистанционного обучения) М.П. Карпенко указывает в этой связи на необходимость развития упомянутых ранее механизмов государственной финансовой поддержки обучающихся, доступного кредитования, а также льготного налогообложения образовательных учреждений, вкладывающих финансовые средства в развитие дистанционного обучения [8].

М.В. Герасименко была обоснована возможность использования венчурного капитала для инвестирования в разработку дистанционно-образовательных технологий в российском высшем образовании. Венчурное инвестирование в общих чертах представляет собой сопряженное с большим коммерческим риском инвестирование в акционерный капитал предприятия с одновременным участием в управлении им. По мнению М.В. Герасименко, информационные образовательные технологии являются типичной областью венчурного финансирования. Но так как свободные финансовые ресурсы вузов обычно весь-

ма незначительны, необходим, как правило, поиск внешних источников финансирования. Ученый отмечает, что в настоящее время внешнее финансирование более доступно в ряде отраслевых вузов, имея в виду поддержку предприятий отрасли. В качестве одного из привлекательных вариантов венчурного финансирования (для разных категорий вузов) им предлагается открытие представительства ведущего вуза в регионе, где имеется крупное предприятие, заинтересованное в постоянном повышении квалификации своих работников и привлечении готовых кадров на новые позиции в процессе расширения своей деятельности [6].

Расширить возможности отраслевых вузов в части формирования фондов поддержки ИОД позволяет реализация разных подходов, механизмов и инструментов, нацеленных на формирование эффективных экономических отношений в образовании. При разработке Концепции, в частности, для этого были предусмотрены: создание системы государственного образовательного кредитования и субсидирования граждан (эти механизмы позволяют отчасти решить проблему привлечения частных ресурсов в образование); расширение на базе образовательных учреждений дополнительных платных образовательных услуг как внутреннего ресурса их финансирования и стимулирования инновационных образовательных процессов; увеличение разнообразия организационно-правовых форм образовательных учреждений (что позволит повысить их привлекательность для частных инвесторов); реализация принципа экономической автономии вузов при введении казначейской системы учета их внебюджетных средств и др. [3].

В инновационном менеджменте эффективная организация финансирования инновационной деятельности также предполагает множественность его источников:

- государственные инвестиционные ресурсы;
- ресурсы коллективных инвесторов (в т.ч. страховых компаний, инвестиционных фондов, негосударственных пенсионных фондов);
- кредитные ресурсы коммерческих банков и прочих кредитных организаций;
- собственные средства предприятий, физических лиц и т.д. [2].

Возможности привлечения к финансированию инновационной деятельности высшей школы коллективных инвесторов исследовались авторами работы [5], заключившими, что они в большинстве своем ограничены (законодательно и экономической средой) в своих действиях и практически не могут участвовать в инновационном процессе. Исключение составляют инвестиционные фонды как наиболее приемлемые финансовые посредники в деле привлечения частных инвестиций для обеспечения инновационной деятельности высших учебных заведений. Заметим, что учреждения отраслевого сектора ВПО имеют, на наш взгляд, некоторые преимущества в привлечении дополнительных бюджетных средств на цели стратегического развития за счет возможности получения ими инвестиций в рамках федеральных целевых программ развития соответствующих отраслей. Весьма существенными в этих вузах также могут быть размеры средств, поступающих от отраслевых и региональных структур.

В целом источники инвестиционных ресурсов для образовательных новаций следующим образом распределяются по степени привлекательности (инте-

гральный показатель, формируемый на основе оценки критериев их емкости, доступности и риска): 1) высокая – инвестиции государства и бизнес-структур; 2) средняя – инвестиции некоммерческих фондов, частные инвестиции, ре-инвестиции вуза (внутренний источник); 3) низкая – прочие внешние источники [9].

Указанные источники могут использоваться для финансового обеспечения различных образовательных новаций, включая и их, пожалуй, наиболее ресурсоемкий тип – инновационные образовательные технологии. При этом, на наш взгляд, следует соблюдать приоритет: государственных вложений в технологии т.н. общепедагогического уровня; частных – в инновационные образовательные технологии частнопредметного и локального уровней (за исключением технологий контроля знаний, умений и навыков); а инвестиций бизнес-структур – в образовательные технологии, связанные с развитием профессиональных компетенций обучаемых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральная целевая программа «Развитие транспортной системы России (2010–2015 годы)»: утверждена Постановлением Правительства РФ от 5 декабря 2001 г. № 848 (в ред. Постановления Правительства РФ от 20 мая 2008 г. № 377). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mintrans.ru/> (официальный сайт Министерства транспорта РФ, раздел «Транспортная стратегия» / 06.09.2008 г.
2. Об утверждении «Порядка и критериев конкурсного отбора образовательных учреждений высшего профессионального образования, внедряющих инновационные образовательные программы: приказ Минобрнауки РФ от 02.03.2006 г. № 44 (в ред. от 30.01.2007 г.) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – № 12. – 20.03.2006 г.
3. О концепции модернизации российского образования на период до 2010 года [Электронный ресурс]: приказ Минобрнауки России № 393 от 11 февраля 2002 г. – Режим доступа: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_02/393.html (Федеральный образовательный портал «Российское образование» / Нормативные документы) / 10.12.2007 г.
4. Беляков С.А. Организационно-экономический механизм устойчивого развития системы высшего профессионального образования в условиях формирования национальных университетов, системообразующих и инновационных вузов. – М.: МАКС Пресс, 2007. – 135 с.
5. Васильев В.Л., Шигапов З.Г., Бакаев А.В., Хабибуллин И.Ф., Гайфуллин Р.Н. Организационно-экономические механизмы финансирования инновационной деятельности высшей школы // Инновации. – 2007. – № 5. – С. 5–12.
6. Герасименко М.В. Социально-экономические аспекты применения новых дистанционно-образовательных технологий в высшем образовании России: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.05 / Герасименко Максим Владимирович; [Место защиты: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова]. – М., 2004. – 25 с.
7. Забелина М.М., Лобовикова С.М. Особенности организации и менеджмента учреждений, занимающихся ОДО – зарубежный опыт // Университетское управление: практика и анализ. – 2000. – № 1(12). – С. 76–80.
8. Карпенко М.П. Дистанционное образование: опыт становления и развития // Социологические исследования. – 2007. – №3. – С. 63–68.
9. Роденкова Т.Н., Слепов В.А. Эффективность финансирования образовательных новаций и её экспертная оценка в высшей школе. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 448 с.

РЫНОК УСЛУГ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РАЗВИТИИ РЕГИОНА

О.А.Пастухова

В условиях повышения роли регионов в территориальном развитии особое значение приобретает утверждение на федеральном уровне высшей школы и вузовской науки как важнейших государственных ресурсов регионального развития с возложением на них функций, призванных активизировать процессы преобразований в России. Вопросы региональной составляющей государственной образовательной и научно-технической политики приобретают всё большее значение не только в России, но и во многих развитых странах мира. Данная тенденция вызвана в первую очередь особенностями и различным уровнем социально-экономического развития регионов, что часто является причиной экономических, социальных, а порой и политических противоречий как внутри регионов, так и между ними.

Государственная политика в сфере высшего образования на современном этапе, определённая законом «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», предполагает разработку и осуществление таких механизмов и форм управления вузами, которые бы учитывали территориальные потребности в объёмах, структуре, разнообразии образовательных услуг и занятости населения. Регионализация высшего профессионального образования (ВПО) повлекла за собой изменение сложившихся методов и приёмов управления вузами: меняются цели, задачи, условия и требования функционирования вузов. Вузы, располагаясь на конкретных территориях, вынуждены учитывать складывающиеся в регионах условия, способствовать развитию местных экономик и обеспечивать качество жизни населения региона. Различный уровень социально-экономического развития регионов предопределяет и разные возможности развития системы высшего образования, в том числе и предпринимательской деятельности вузов.

В России функционирует ограниченный рынок образовательных услуг (РОУ), поскольку государственный сектор в образовании, по нашему мнению, сохраняет свою главную роль. В качестве товара выступают образовательные услуги, оказываемые учебными заведениями различных форм собственности и физическими лицами. На этом рынке можно выделить несколько сегментов. В зависимости от уровня общего или профессионального образования можно выделить следующие сегменты: РОУ общего образования, РОУ учебных заведений начального профессионального образования, РОУ учебных заведений среднего специального образования, рынок образовательных услуг высших учебных заведений.

Особое место среди них занимает РОУ высших учебных заведений, который в настоящее время характеризуется наибольшей развитостью и сложностью. Этот рынок представляет собой единую, иерархическую систему с прочными взаимосвязями и определенными пропорциями между его секторами, при этом он сам является составной частью рынка услуг, который, в свою очередь, входит в структуру товарного рынка. Единство образовательных сфер

* *Пастухова Ольга Александровна* – аспирантка Института менеджмента и бизнеса ДВГУ, г. Владивосток, e-mail: hrustalik2004@mail.ru

различных стран, имеющих общие принципы и правила функционирования, формирует образовательное пространство [1].

К особенностям такого рынка услуг можно отнести, Табл. 1:

- высокую динамичность спроса на услуги и их предложения;
- территориальную сегментацию и локальный характер;
- высокую скорость оборота капитала, являющуюся следствием более короткого производственного цикла;
- высокую чувствительность к изменениям рыночной конъюнктуры;
- высокую степень дифференциации услуг, связанную с появлением новых, нестандартных услуг.

Таблица 1

Особенности рынка образовательных услуг [2]

Характеристика	Особенности
Товар	Профессионально-образовательная услуга
Время	Высокая длительность оказания
Границы рынка	Территориально-отраслевые
Результат	Повышение производительности труда
Стоимость товара	Высокая
Проявление результата услуги	Отсроченный
Вид оплаты потребителем	Различные формы
Роль государства	Высокая

РОУ высшего образования носит территориально-отраслевой характер, что определяется сложившейся системой образовательных учреждений региона. Поэтому в рамках единого российского РОУ функционирует ряд региональных образовательных рынков. Региональные системы высшего образования различаются по количеству вузов, типам, разнообразием образовательных программ, численностью обучающихся и т.д.

Государственные вузы располагаются по регионам России неравномерно (рис. 1). Треть всех вузов находится в Центральном и Северо-Западном экономических районах, из которых 87 вузов – в Москве, 42 вуза – в Санкт-Петербурге.

Потребителями образовательных услуг являются не только отдельные личности, но и предприятия и организации, определяющие конъюнктуру спроса на рынке услуг высшего образования данного типа. Поэтому спрос и предложение высококвалифицированных специалистов формирует территориальный рынок труда, сохраняющий баланс между их производством и потреблением.

В общем РОУ в регионе формируется под влиянием:

1. текущей и перспективной потребностью отраслей производственной и непроизводственной сфер в специалистах;
2. возможности трудоустройства в регионе его потребителя;
3. информации о рынке труда, доходах, зарплате и занятости по отдельным отраслям;

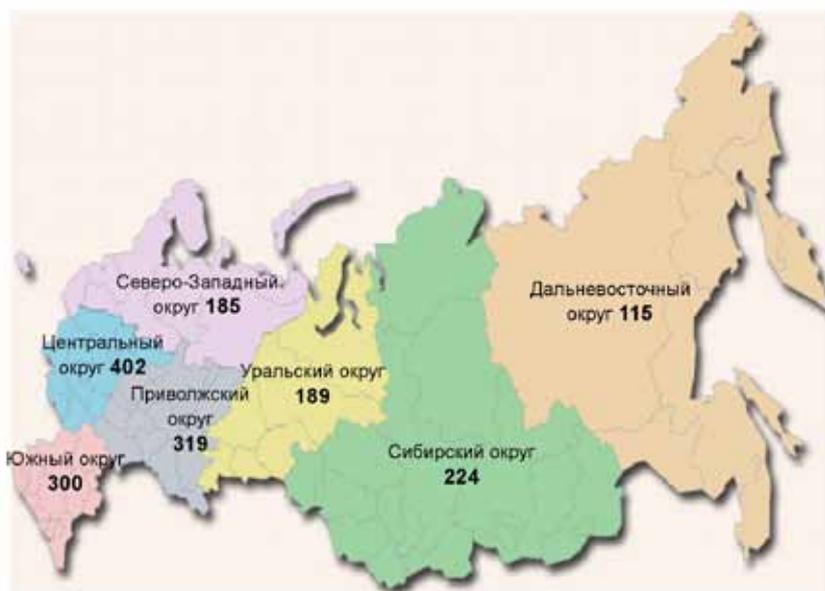

Рис. 1. Число государственных высших учебных заведений по регионам России на 01.01.2006 года

4. предложений ВУЗов о расширении услуг (дополнительное образование, дистанционное обучение и т.д.);
5. качества образовательных услуг.

Учитывая, что рыночные отношения в сфере образовательных услуг имеют ограниченные возможности, то для эффективного функционирования РОУ, безусловно, должны быть созданы соответствующие экономико-правовые и социальные условия. Дело в том, что с началом рыночных реформ в системе высшего образования практически была утрачена регулирующая функция государства. Это привело к резкому сокращению финансирования, разрушению механизма государственного заказа на специалистов, их распределения и т.д. В результате государство и общество лишились возможности активного воздействия на структуру подготовки квалифицированных специалистов, а также на процесс формирования потребностей и спроса на образовательные услуги различных уровней, что привело к ряду негативных последствий.

Мировой опыт показывает, что для решения выше обозначенных проблем, сочетание государственного планового регулирования и рыночных механизмов не только возможно, но и объективно неизбежно. Именно на региональный, местный уровень перенесено решение проблем реформирования социальной сферы, ведутся дискуссии о регионализации высшего образования. Естественно, что планирование на современном этапе исключает директивные методы и представляет собой процесс, основанный на партнёрских отношениях властных структур, в том числе органов регионального и муниципального управления, с отдельными субъектами хозяйствования на территории.

Важнейшим фактором, влияющим на формирование РОУ, является демографический, т.е. движущая сила данного рынка в конкретном регионе. Основные его составляющие:

- численность населения региона, сальдо миграции, доля молодежи, потенциальных покупателей услуг в области высшего профессионального образования;

- уровень доходов населения региона, перспективы его развития;

- наличие законодательных нормативных документов, обеспечивающих достаточно разнообразное, удовлетворяющее потребностям нормальное функционирование РОУ.

Таким образом, источниками изменений на рынке высшего образования могут служить следующие факторы: государственное регулирование, демографические изменения, конъюнктура рынка труда, развитие инноваций, форма и интенсивность конкуренции на рынке. В частности, демографический фактор для Приморского края является одним из определяющих из-за:

- значительных масштабов сокращения населения;

- увеличения числа пенсионеров и проблем пенсионного обеспечения;

- низкой продолжительности жизни населения, большой смертности мужчин;

- интенсивного миграционного оттока населения, – в первую очередь высококвалифицированных кадров;

- уменьшения численности населения за счёт естественной убыли и т.п.

С 2004 г. число выпускников школ Приморья стало неумолимо сокращаться – по прогнозу департамента образования и науки Администрации края, их количество к 2009 г. уменьшилось на 46% относительно 2004 г. Данный процесс обусловлен снижением рождаемости, начавшейся с конца 80-х годов XX в.

Сокращение контингента обучающихся в течение нескольких ближайших лет вызовет цепную реакцию приведет к спектру совершенно очевидных проблем: сокращению преподавателей; бесконкурсному приему абитуриентов; сокращению сети негосударственных высших учебных заведений; обострению конкуренции за каждого абитуриента.

Другой аспект рассматриваемой проблемы – это дефицит квалифицированных специалистов, обусловленный в последнее время изменениями требований работодателей к выпускникам ВУЗов. Современное производство и бизнес требуют, чтобы учебные заведения были ориентированы в большей степени на практическую подготовку будущих специалистов. При этом работодатели считают, что без практического опыта и стажировки эффективным профессиональное образование быть не может. Однако государственные образовательные стандарты второго поколения, как правило, имеют сокращённые объёмы практик. Не способствует качественной подготовке специалистов и устаревшая материально-техническая база учебных заведений, которая не соответствует современному уровню оснащения производства. Многочисленные социологические исследования состояния системы высшего профессионального образования показали, что образовательные учреждения с задачей подготовки специалистов, отвечающих требованиям сегодняшнего дня, не справляются.

В настоящее время во «взаимоотношениях вуз-работодатель» не решён важный вопрос: кто же должен выступать инициатором взаимодействия системы профессионального образования и работодателей – работодатель, вуз или государство? Какие шаги необходимо предпринять, чтобы направить ситуацию в русло интенсивного развития?

Именно при решении проблем взаимодействия двух рынков – рынка труда и рынка образовательных услуг – большую роль может сыграть координи-

Влияние высшей школы на развитие региона

Влияние	Выражается
Политическое	Изменение политической структуры населения, его активизация к политической жизни, лучшая организация политических процессов
Демографическая	Привлечение молодежи из других регионов, оседание специалистов, влияние на половозрастную структуру населения, миграцию, и, в конечном итоге, на региональный рынок труда.
Экономическое	Организация ВУЗов влияет на развитие инфраструктуры территории, сопряженных отраслей, увеличение негосударственных вузов и, следовательно, на финансовые потоки.
Культурное	Развитие библиотек, музеев, самодеятельных, музыкальных и пр. коллективов; формирование культурной среды.
Технологическое или инновационное	Внедрение современных технологий, формирование на базе ВУЗов технопарков и т.д., подготовка высококвалифицированных кадров.
Социальное	Решение проблем занятости. Однако, перепроизводство кадров по отдельным специальностям может обострить проблему занятости.

рующая и регулирующая деятельность со стороны региональных и местных органов власти. Для региона это может быть не менее важным, чем для образовательной сферы, поскольку регулирование происходящих в региональной образовательной сфере процессов – это один из путей достижения социальной стабильности в перспективе.

Начиная с 80-х годов XX в. новые технологии и инновации в значительной степени стали играть на рынке образования решающую роль, что расширяет потенциал учебного заведения. Однако традиционное образование в ВУЗах ещё преобладает над инновационным, и рассматриваемая отрасль остаётся во многом консервативной. Одна из причин такой ситуации – недостаточное финансирование сферы образования; другая – внедрение инноваций в большинстве вузов находится на начальном этапе.

И наконец, следующий важный вопрос: что же дает региону качественное развитие РОУ? Обобщения, полученные в процессе исследования по данному вопросу, отражены Табл. 2.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова М.А. Формирование рынка образовательных услуг // Экономика образования № 2, 2007. С. 141.
2. Павлова Н.Г. Организационно-экономический механизм управления системой высшего профессионального образования региона. Дисс. канд. эк. наук. Н. Новгород., 2003. 172 с.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

*А.М. Кузнецов**

Вступление мира в новый период радикальных преобразований, проявившееся с конца 60-х гг. прошлого века, получило различные оценки и определения. В наиболее общем виде произошедшие перемены принято рассматривать как завершение эпохи модерна и переход к новой стадии развития, получившей предварительное определение как эпоха постмодерна. Одним из наглядных свидетельств важности происходящих изменений принято считать процессы глобализации, оказавшие существенное влияние, в том числе и на существующую социально-политическую организацию [10]. Практически все авторы, обращавшиеся к обозначенному аспекту проблемы, солидарны в том, что в новых условиях основной политической институт – государство также претерпело серьезные изменения. Наиболее характерным видом общественно-политического устройства эпохи модерна было принято считать нацию-государство. Поэтому общим местом работ многих специалистов в области международных отношений, политической науки и других дисциплин стали рассуждения об утрате именно этим видом политики своего значения. Изучение основного массива литературы по данной теме может создать впечатление, что столь длительное существование и предыдущее широкое признание, позволило снять все вопросы с определением данной формы общественно-политической организации. Ведь когда читаешь «отчеканенное» определение, например: «**модель нации-государства предполагает в качестве своей предпосылки наличие общественно признаваемых суверенного иммунитета, национальной идентичности и гражданства**» – можно поневоле заразиться уверенностью автора [22, с. 29]. Но все впечатление портят попытки применить существующие формулы к конкретной реальности. Так, оценивая важные перемены в политической жизни Великобритании, М. Фалбрук пришлось задуматься над вопросом: «Что такое нация-государство? Мы все предполагаем, что знаем, **о чем идет речь до тех пор, пока не попытаемся определить это явление более строго...** (Здесь и далее выделено мною – А.К.) Британское правительство может твердить о своем **национальном суверенитете**, до тех пор, пока шотландцы не начинают обращаться через голову «**национального правительства**» к Европейскому союзу, отстаивая собственные «**национальные интересы**» [21, с. 3]. Можно привести и другие примеры «неудобных вопросов», возникающих к сложившимся трактовкам рассматриваемого концепта.

Одну из причин возникающих противоречий в ситуациях подобного рода еще в конце 1970-х гг. зафиксировал известный канадский политический философ У. Коннор: «К сожалению, [термином] **нация-государство** стали опре-

* *Кузнецов Анатолий Михайлович* – доктор исторических наук, профессор Владивостокского института международных отношений ДВГУ, г. Владивосток; e-mail: kuznecov@ext.dvgu.ru.

делять **без разбора все государства** [19, с. 39]. Я полагаю, что мы еще должны учитывать сохраняющуюся проблематичность трактовки концепта **нация**, присутствующего в рассматриваемом термине. Здесь достаточно будет напомнить о различиях английского (англосаксонского), немецкого и французского вариантов понимания нации. В результате подавляющая часть специалистов при обсуждении проблем политической организации постоянно сводят их либо к выяснению вопросов функционирования властных институтов и управления, механизма принятия решений, либо к участию в них различных общественных групп и страт. Не удивительно, что в такой ситуации и сам термин **нация-государство**, и составляющие его слова стали восприниматься просто как синонимы. Приведенная интерпретация может быть принята в конкретном случае, зафиксированным в середине прошлого века К. Дейчем: «**Нация — это народ, овладевший государством и сделавший его орудием реализации своих общественных и, в этом смысле, национальных интересов**» [9, с. 45]. Однако подобный казус далеко не определяет современное состояние всех существующих политий. Чтобы лучше понять корни проблем и современную ситуацию, сложившихся вокруг концепта **нация-государство**, целесообразно рассмотреть его в историческом аспекте.

Как известно, истоки возникновения данного вида политической организации, с которой связывается формирование идеи **суверенитета**, были заложены в Западной Европе после заключения Вестфальского мира в 1648 г. В этот период решающее значение в политической сфере играла логика конфессиональных и военных обстоятельств. Со временем роль религиозного фактора утрачивает свое значение, но государства существовали, создавались и исчезали в соответствии с основополагающим принципом **государственного суверенитета**, предполагающего **концентрацию власти вокруг одного центра, контролирующего определенную территорию и находящееся на ней население**. При этом первые суверенные государства Англия, Франция, Испания и Швеция еще были далеки от гомогенизации своего населения. Продолжительную часть своей истории европейские нации-государства существовали в условиях доминирующего положения элиты прежде, чем они «оказались **перед испытаниями эпохи массовой политики**» (С. Роккан). Начало этой эпохи ознаменовали буржуазные революции XVII – конца XVIII вв., кардинально изменившие прежний порядок в переживших их странах, в том числе за счет актуализации идеи нации. Однако последовавший затем промышленный переворот вызвал формирование рабочего класса, в 40-е гг. XIX в. уже вступившего в борьбу за свои права с новым господствующим классом. Значение революционных преобразований, как показал известный британский историк Э. Хобсбаум, заключалось, в частности, в том, что теперь «...**классы** в рамках общества и, в первую очередь, **рабочий класс**, должны были стремиться к **самоидентификации** через **общенациональные политические движения или организации** («партии»), точно также очевидно, что де факто они должны действовать по существу **в рамках нации**» [23, с. 27]. Говоря другими словами, отныне реальность, при которой отдельные социальные и политические объединения, партии и группы вступают в борьбу под лозунгами защиты «**национальных интересов**», стала характерной чертой политики. Фактически же здесь речь идет о той борьбе за государство, которую отметил К. Дейч, но не со стороны всего народа, а лишь составляющих его отдельных объединений и общностей.

Ситуация в Западном мире еще раз принципиально изменилась после интеграции в результате широких демократических преобразований рабочего класса и наемных сельскохозяйственных работников в политические системы ведущих государств. Благодаря своим возможностям именно государство смогло также обеспечить достаточно высокую степень культурной унификации своего населения. В результате на рубеже XIX – начала XX вв. происходит образование гражданских политий, которые часто характеризуются как собственно **нации-государства, нации, западные демократии** и т.д. Как подчеркнул британский исследователь М. Манн: «Расширение **политического гражданства** и появление **гражданства социального** пришлось на период, захвативший все начало XX века. Именно в это время, и большей частью в Европе, зародились **первые настоящие нации-государства**» [8, с. 383]. Своеобразным подведением итогов всех отмеченных преобразований можно рассматривать юридически известное определение государства, приведенное в первой статье **конвенции Монтевидео** 1933 г. о правах и обязанностях государств: «Государство как субъект международного права должно обладать следующими чертами: а) **постоянным населением**, б) **определенной территорией**, в) **правительством**, г) **способностью вступать в сношения с другими государствами**». Значение критерия Монтевидео заключается в частности в том, что он изменил сложившиеся с XIX в. представления о суверенности государства, выдвинув условие: подлинная независимость должна предшествовать ее признанию [12]. Не менее примечателен здесь также имплицитно подчеркнутый момент государственного единства при возможной неоднородности в политическом и других отношениях состоянии населения (нации) конкретной страны. Подобное состояние рассматривалось и рассматривается многими политиками и теоретиками как непосредственная угроза «внутренней стабильности государства». Однако XX в. оставил нам слишком драматические примеры попыток решения обозначенной проблемы, чтобы соглашаться с подобными трактовками. Первый – связан с попыткой достижения классовой однородности путем построения государства диктатуры пролетариата. Другой – был направлен на создание единой нации с помощью внедрения идеи расового превосходства над другими народами. Показательно, что, несмотря на принципиальные различия в поставленных целях, в обоих случаях для их реализации пришлось создавать универсальные машины подавления – тоталитарные государства.

Осмысление исторических уроков второй половины XIX – первой половины XX вв. привело к ряду важных результатов для политической теории и практики. С одной стороны, оно укрепило приверженцев либерализма в их стремлении к «минимизации роли государства». С другой – произошло внедрение представлений об «активном социальном государстве», защищающем интересы всего населения. Противопоставление двух вариантов понимания современного государства как «**предприятия**» (*universitas*) и как «**гражданской ассоциации**» (*societas*) наблюдается у основоположника направления – скептический либерализм М. Оукшота. По его мнению, сегодня доминируют – первые, в то время как предпочтительны – вторые [5, с. 90]. В близком направлении в зарубежных исследованиях обсуждался вопрос об идеальных типах **слабого и сильного государства**. В качестве примера **первого типа** приводились **США**, где в силу особенностей исторического развития образование американской нации не было результатом деятельности централизующей силы го-

сударства. Поэтому основной характеристикой американской политической системы является **огромная степень децентрализации**, которая непосредственно связана с **политическим федерализмом**. Логика принятия решений здесь направлена от локального уровня к штату и только потом уже к центру. Компенсацией структурной формально-организационной «слабости» института государства в американской модели стало усиление **юридического принципа**, которое и стало основанием могущества и действенности власти. В подобных обстоятельствах государство не может являться основным агентом модернизационной стратегии.

Как яркий представитель идеального типа **сильного государства** обычно фигурирует **Франция**. Формирование сложившейся здесь формы государства уходит своими корнями в абсолютистское прошлое страны. В ее политической системе важное место традиционно занимает администрация, соответствующая веберовской бюрократии — специализированной, профессиональной и сплоченной. Концентрации исполнительной власти благоприятствуют исторические особенности формирования государственной власти в стране: традиция могущественных министерских «кабинетов», элитарная манера формирования высших эшелонов власти, специфическая организация системы образования и отбора кадров, сеть мощных неформальных связей на основе личных знакомств. Сплоченность и эффективность сильного государства обеспечивается строгой координацией решений и действий между различными частями общественной администрации и разными уровнями исполнительной власти. При сильном государстве во Франции отмечается слабое общество, известное своим радикальным индивидуализмом, доходящим до изоляционизма. В условиях дефицита промежуточных ассоциаций и корпоративного начала в гражданском обществе именно на государство ложилась и ложится функция заполнения этой структурной пустоты. Не удивительно, что исторически и организационно государство здесь являлось главным инициатором модернизационных преобразований в стране [13].

Знаковыми моментами для понимания существа рассматриваемого вопроса являются и другие глубокие преобразования в «старых» нациях-государствах, трактуемые как появление новых явлений в лице **правового государства, государства всеобщего благоденствия и т.д.** Как важное достижение известный канадский политический философ У. Кимлика рассматривает также **революцию прав человека**, произошедшую после 1948 г. и способствовавшую дальнейшему расширению демократии, а также переменам в общественном сознании, обуславлившим произвол элит [27, с. 38–39]. Развернувшийся затем в рамках Европейского союза интеграционный процесс вообще поставил под сомнение значимость идеи национально-политического суверенитета. Не случайно Э. Уоллес ставила вопрос: «если... изменения пойдут таким образом, что Европейское сообщество преобразуется в союз, то станет ли оно **политией**, которая впервые получит свою легитимность не от включенных в этот процесс государств, а станет легальным и легитимным по воле народов Европы?» [25, с. 5].

Но случайно другие западные авторы по-прежнему считают более значимой не проблему государства, а нации. Для некоторых из них, включая Э. Хобсбаума, именно «**нации являлись двигателем модерна**». Известная американская исследовательница Л. Гринфелд также объясняет ряд современных острых вопросов тем, что «в отличие от других типов обществ **нации** по самой своей сути

находятся **в конкуренции друг с другом**. Эта конкуренция проявляется во всех сферах коллективного творчества: моральной (например, соблюдение прав человека), культурной (научной, литературной, музыкальной и пр.), военной и политической [2, с. 108]. Однако само представление о нации все же претерпело существенную трансформацию, смысл которой зафиксировал в 1982 г. британский историк Б. Андерсон, предложивший рассматривать ее только как **«воображаемое сообщество»** [17]. Развивая предлагаемый подход, российский исследователь В.А. Тишков вполне резонно вообще призвал отказаться от употребления термина нация. По его мнению, за ним уже не стоит никакого реального содержания [14]. Произошедшие перемены, вероятно, и обусловили все более частое обсуждение лишь вопросов национальной идентичности, но не собственно нации. В этом смысле очень примечательным представляется заявление британского теоретика Б. Пареха: теперь **«нет необходимости в достижении национального единства, так как «современное государство»** представляет собой вполне **самодостаточный институт**. Он характеризуется общепринятой структурой публичной власти, совокупностью процедур принятия коллективно обязательных решений и корпусом широко признанных политико-правовых ценностей... господства права, равенства перед законом, уважения к человеческому достоинству и общему гражданству» [28, с. 139–140].

При всей схематичности проделанного обзора динамики развития общественно-политической организации, связываемой с концептом нация-государство, можно отметить значимость для нее принципа суверенитета, реализуемого одним властным центром. В условиях ярко выраженной социально-классовой неоднородности населения происходит развертывание политической борьбы отдельных групп, партий и движений за контроль над этим центром. Единство территориально-политического пространства определило декларирование основными субъектами политики лозунгов защиты общих интересов, сформулированных в виде дискурса нации. Однако снятие остроты классовых проблем изменило дизайн политического пространства, привело к смене субъектов политического пространства и их лозунгов.

Представленная ситуация формирования и развития политической организации в виде нации-государства характерна для значимой, но все же только одной части мира, которую И. Валлерстайн определил как сердцевину сложившейся мир-системы. Образование новых государств XX в., после распада Австро-венгерской и Османской империй, а затем краха колониальной системы охватило уже ее полупериферийную и периферийную зоны. Здесь были сформированы свои государственные образования или же политическая организация подобного уровня сложности до прихода европейцев вообще не успела сложиться. Население политий и догосударственной периферии в указанных зонах было объединено сословными, этническими, клановыми и т.д. образованиями, но не собственно классами. Тем не менее, как показал известный исследователь С. Роккан, эти новые политические системы **«практически сразу же были вынуждены одновременно решать проблемы национально-культурной идентичности, политического участия и экономического неравенства»**, т.е. **«со всеми задачами нациестроительства»** [11, с. 86]. Очевидно, что представленная ситуация слишком отличается от условий формирования наций-государств, чтобы она могла привести к сходному результату в какой-либо сфере общественно-политической жизни.

Приведенный выше концепт «нациестроительство» заслуживает, чтобы стать предметом специального рассмотрения. В своей работе Ф. Фукуяма отметил, что этот проект возник во второй половине 1950-х гг., когда в условиях холодной войны была в полном разгаре борьба с Советским Союзом за влияние на молодые государства. Поэтому стремление поставить здесь у власти лояльные к себе режимы и направить развитие их политических систем в нужном направлении во многом определяло отношения между странами Запада и так называемым Третьим миром. В качестве примера успешной реализации политики нациестроительства обычно называют Индию. Однако и здесь были свои неудачи, которые дали основание говорить о «несостоявшихся (провальных) государствах», как в случае с Сомали. Фукуяма также показал, как европейцы критиковали американцев за то, что их нациестроительство фактически оставалось государственным строительством [20]. Показательно, что состояние, например, в современной Средней Азии некоторые авторы уже описывают именно как конструирование национальных государств [1]. Понятно, что ситуация, определяемая терминами нациестроительство или государственное строительство, имеет прямое отношение к проблемам вестернизации и модернизации. Но мне бы хотелось подчеркнуть, что она также подчеркивает состояние **незавершенности** в формировании рассматриваемого явления, в данном случае **нации**. Кроме того, использование этого термина позволяет учесть расположение отдельных стран **на разных стадиях соответствующего процесса**, начало которому было положено в Западной Европе. Предложенный динамический подход дает возможность отметить, что в результате процесса общеевропейской интеграции мы вообще пришли к такому положению, когда нация-государство в своем традиционном варианте существенно трансформируется в результате появления нового вектора ее развития. Сегодня также становится все более очевидным, что, несмотря на все затраченные усилия, создать из новых государств точное подобие западных образцов так и не удалось. Количество же новых государств (в 1945 г. в состав ООН было всего 51 государство, теперь их уже 192, при этом часть стран остаётся вне этой международной организации, а есть еще и остающиеся непризнанными образования) значительно возросло, но, что представляют собой многие новые образования подобного рода, еще нужно было определить.

Одну из значимых попыток как-то упорядочить этот массив предпринял Ж. Коломер. Он предложил для классификации государственных образований три таксона: империи (гомогенные и разнящиеся), государства-состояния (нации-государства, многонациональные государства) и нации (успешные и конфликтные) [6]. Основные положения каталонского исследователя получили дальнейшую разработку у М.В. Ильина. Российский исследователь также отмечает, что реальное множество государств – слишком разнородно для их упаковки в едином концепте. Игнорирование этого важного обстоятельства в практической деятельности, считает этот автор, стало возможным в результате постоянно происходящих **концептных натяжек** и использования **зонтичных категорий**, позволяющих объединять под ними разнородные образования, что приводит к образованию **полиморфных сущностей**. Еще одну причину создавшегося положения Ильин видит в постоянном дрейфе концепта государство не только **в пространстве, но и во времени**. В последнем случае оно используется для обозначения всех политий с более или менее выраженной самосто-

тельностью и способностью вступать в межполитийные отношения. Единственным условием, которое принимается при этом во внимание, является наличие специального правящего органа, т.е. правительства. Кроме того, как он полагает, свои коррективы в концептуализацию понятия вносит **последовательность поколений международных систем**. Все это привело к **чрезмерному абстрагированию наших терминов**. С целью нормализации ситуации автор вводит термины **государственная статусность** (statehood) и **государственная состоятельность** (stateness).

В свете приведенных обстоятельств был предложен вариант решения проблемы: «Стоящее за словом **государство позитивное семейное сходство** объединяет **территориальные политии, выступающие как ячейки координатной сетки мировой политики...** для обозначения **содержательных, сущностных** моментов семейного сходства государств удобно использовать слово **государственность**... с его английскими значениями «**как безусловного свойства государства-состояния или обязательного условия его существования**». Фактически, как поясняет Ильин, речь здесь идет о первичной функции государств и потенциале для ее осуществления. В силу исходной сложности самого понятия государство, обращает наше внимание автор, с ним, как правило, проделывается редукционистская операция. В зависимости от того, какой аспект государства нам важен для исследования, таким становится его предмет. Поэтому М.В. Ильин приходит к важному заключению: **невозможно ограничиться одним универсальным определением такого многомерного явления как государство** или, как более образно была выражена эта ситуация, нам нужно разрабатывать на уровне понятия целый атлас, а не одну карту.

В качестве реализации приведенных концептуальных установок автор предложил собственную классификацию основных типов государственных образований. Отталкиваясь от предложений Ж. Коломера, он сначала выделяет **мегагосударства** (часто воспринимаемые как империи), важнейшей функцией которых является **организация международной среды**. В эту категорию были отнесены США, Россия, Китай, Япония, Германия, Великобритания, Франция и Италия. Затем в предложенном перечне следуют: макрогосударства, мини-государства, непризнанные и самопровозглашенные государства, государства-изгои. В качестве основного критерия при создании своей классификации Ильин использовал показатель **состоятельности как соответствия собственной природе государства-состояния**. По этой причине у него осталась еще группа в основном политий Африки, определенная в качестве **квазигосударств**. Они отличаются ослабленным внутренним суверенитетом и недостаточной состоятельностью, несмотря на состоявшееся международное признание [3].

Таким образом, более глубокий анализ реального многообразия существующих форм общественно-политической организации, традиционно описываемый концептом государство (нация-государство), позволил установить разные и достаточно отличные друг от друга их варианты. Обращает также внимание стремление некоторых авторов учитывать сложную, часто противоречивую природу государственных образований в контексте их собственной организации и места в существующем миропорядке. Правда, какие именно из выделенных государственных форм оказались в кризисе под влиянием глобализации, еще предстоит понять. Но, отмечая положительные сдвиги в данной сфере, приходится констатировать сохранение упрощенных представлений и

нерешенных вопросов в связи с определением собственно концепта **нация** и его отношения к понятию государства.

Как мне представляется, наблюдающаяся «стихийная» синонимичность в употреблении терминов государство и нация-государство – не случайна. В обоих случаях, как показывает тот же критерий Монтевидео, эти термины пытаются охватить **на уровне целой страны два разных явления**: собственно **политическую организацию** и связанное с ней **население**. Разница здесь лишь в том, что в последнем варианте уже имплицитно подразумевается преобразование этого населения в **нацию**. Но очевидно, что, если мы пришли к выводу о невозможности «упаковки» всего многообразия существующих государственных образований в едином концепте, то точно также трудно ожидать другого от еще более разнородного в расовом, конфессиональном, культурном, социальном и вообще этническом отношении их населения. Однако многие авторы не уделяют должного внимания данному обстоятельству. Поэтому у той же Л. Гринфелд концепт нации вполне заменяет собой идею государства, что представляется совершенно неприемлемым. Следует отдать должное Ж. Коломеру, М.В. Ильину и некоторым другим исследователям, которые взяли на себя труд оценки массива политических образований и предприняли попытки его систематизации. Теперь такая же работа должна быть проделана и в отношении населения отдельных стран. В рамках данной статьи приходится ограничиться анализом лишь нескольких направлений исследования поставленной проблемы. В ситуации сохраняющейся неопределенности будет важно провести методологическое различие собственно явления политической организации и социальной и т.д. форм бытия связанных с ней общностей людей. В этом случае будет более эвристично вместо терминов государство и нация-государство использовать концепт **политическая система**. Свое место тогда должны будут получить соответственно концепт **социальная система** и другие, в том числе **этническая общность**. Для их совмещения предлагается применить все чаще используемый термин **полития**, который пока еще свободен от ненужных коннотаций.

Собственно социальный аспект рассматриваемой проблемы уже разрабатывается в социологии и политической социологии, но применительно к своим собственным целям и задачам. Например, в либеральной теории уже давно идет дискуссия по поводу основного субъекта демократии. Известный израильский ученый Ш Эйзенштадт выделил в ней два основных подхода. Первый – восходящий еще к идеям Ж.Ж. Руссо, видит в демократии **отражение всевластия суверенного народа**, а не индивидуальных прав личности. Противоположный подход был сформулирован классиками либерализма (Д. Локк, Т. Гоббс, Т. Джеферсон), для которых основным условием формирования демократии является **существование индивида**, обладающего правом на свободу. Автор учитывает, что в современных условиях между этими двумя субъектами появился третий – различные меньшинства. Поэтому он обращает внимание на важное противоречие в декларировании таких неотъемлемых демократических прав, как свобода объединения и информации, и установленными процедурами принятия решений большинством голосов. Противоречие, по его мнению, здесь заключается в том, что позиция большинства может лишить меньшинство их прав, которые включены в продекларированные универсальные нормы. В то же время соблюдение указанных прав накладывает ограничения

на правомочность большинства принимать любые решения. По отношению к рассмотренному противоречию Эйзенштадт предложил провести рубеж между **массовой демократией**, отдающей предпочтение большинству, и **гражданским обществом, ориентированным на интересы и идеалы всех слоев населения** [16]. Мне представляется примечательным обсуждение указанных проблем и не только представленным автором на уровне абстрактных терминов: народ, индивид, большинство, меньшинство. Однако в последние годы перед либеральными теоретиками обозначился совершенно новый и очень конкретный субъект для дискуссий.

Революция прав человека, проблемы Северной Ирландии и Басконии, самопровозглашение независимости Косовского края, события вокруг Южной Осетии и Абхазии и ряд других событий заставляют ученых и политиков обратить более серьезное внимание на этнический феномен. Сложившаяся где-то в середине XX в. установка на «этнокультурный» нейтралитет государства уже в конце столетия явно перестала себя оправдывать. При более внимательном рассмотрении оказалось, что сегодня лишь **менее 20 стран** демонстрируют высокую степень **этнической однородности населения**. В этом списке **этнонаций** представлены, например, обе Кореи, Польша и Япония, но в основном же речь идет о небольших государствах, которые явно не определяют ситуацию в мире. Основная же часть политий, в том числе Россия, Индия, Китай, США, являются **полиэтническими** по составу населения со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе угрозами **этносепаратизма**. Попытка уйти от вопросов, вызванных данным многообразием, с помощью принципа универсальных гражданских прав, оказалась явно неэффективной. Состояние полиэтничности в ведущих демократических странах было еще более усугублено либерализацией миграционного законодательства, которая открыла их границы для миллионов людей из разных частей света. В результате общества, сумевшие уже добиться классового мира, должны были искать новые способы интеграции различных этнических групп, эмигрантских диаспор и некоторых других объединений.

Традиционным способом достижения «стратегического партнерства» в условиях полиэтнического состава населения является **федеративное государственное устройство**. Однако, как показывает пример Канадской федерации, пережившей в 1995 г. острый кризис во время референдума о независимости провинции Квебек, одна форма политики еще не дает гарантии сохранения ее целостности. Та же Канада еще ранее инициировала политику мультикультурализма, гарантировавшую государственную поддержку языкам и культуре различных общностей страны. Однако основные проблемы этой федерации были все же сфокусированы вокруг **требования квебекцев (франкоканадцев) и коренного населения страны («первых наций») признать и закрепить в Конституции особый статус их общностей**. Напомню, что это происходит в стране, в которой на высокий уровень поставлена защита универсальных прав человека и связанных с ними индивидуальных гражданских прав и свобод. Столь странная для либеральной демократии ситуация подвигла некоторых канадских политических философов и прежде всего У. Кимлику поставить вопрос о необходимости признания особых прав этнических общностей. Большинство американских теоретиков (Б. Бэрри, Д. Холлинджер, С. Хантингтон и др.) высказались по этому поводу вполне определенно: **индивидуальные права, но не кол-**

лективные [26]. Такая позиция вполне естественна для представителей «эмигрантской» страны Нового Света, в которой объединения этнического характера долгое время оставались в тени расовой проблемы. Но в Старом Свете, где этнические общности (национальные меньшинства) были укоренены в истории и сохранили связь со своей территорией (родиной) реальность оставалась все же другой. Об этом недвусмысленно напомнили те же шотландцы и уэльсцы, активно выступающие в последнее время за расширение своих прав.

Новые общественно-политические реалии и вызванные ими теоретические дискуссии заставили специалистов искать выход из создавшегося положения. Некоторые исследователи усмотрели его в переходе к новой политической организации, альтернативной по отношению и к нации-государству, и к традиционной форме федерализма. В конце 1970-х гг. американский политолог А. Лейпхарт озаботился проблемами демократии в **многосоставных**, т.е. как раз полиэтнических обществах. В это время была распространена точка зрения, согласно которой демократия здесь была практически невозможна. Сам Лейпхарт предложил в качестве решения вопроса установление в таких странах **сообщественной демократии**. Она определялась 4 основными признаками: созданием **большой коалиции**, предоставлением **автономии входящим в нее сегментам**, а также соблюдением **пропорциональности** и наделением **права вето меньшинств**. Но он же внес уточнение, ограничивающее право на вето вопросами культурных, религиозных и лингвистических (языковых) прав и автономии, и выступил против его закрепления в конституции» [7, с. 28]. Несмотря на некоторые издержки в подходе автора к проблеме, которую увидел и Ш. Эйзенштадт, он сумел показать принципиальный путь к ее решению. Не случайно шотландский политолог Дж. Келлас уже в конце 1990-х гг. также выступил за создание политий в форме **многонациональной демократии**, основанной на равном положении разных общностей в государстве.. При этом меньшинствам гарантировалась определенная автономия в пределах своей территории [24, с. 220]. Основываясь на опыте решения этнических проблем в Канаде, У. Кимлика предложил в 2001 г. модель **полиэтнического государства**, построенную на принципе **либерального культурализма**. По его мнению, «либерально-демократические государства должны не только поддерживать известный набор общих гражданских и политических прав своих граждан, но и принять особые права, присущие отдельным группам, или проводить политику, которая ставит своей целью признание и адаптацию особых идентичностей и потребностей этнокультурных групп» [26, с. 47]. Подобным образом этот политический философ надеялся не только преодолеть влияние эссенциалистских (базовых) идентичностей, но и избежать воздействия европоцентристского культурного империализма.

Европейские авторы выдвинули для политического обустройства полиэтнических общностей еще и идею **плюралистического федерализма**. Так, австрийский исследователь Р. Баубек сначала ставил перед читателем вопрос: «какое решение способно наилучшим образом удовлетворить требования безопасности: **простая сецессия**, вытекающая из права к национальному самоопределению, от общности, основанной на насильственной ассимиляции меньшинств, или **плюралистичный федерализм, основанный на праве территориальных политий на самоуправление?**». Авторский ответ был вполне определенным: «**Плюралистический федерализм должен принять государство в его современном состоя-**

нии и продвинуть его вперед к признанию политий нижнего по отношению к нему уровня и построению политий более высокого уровня» [18, с. 392-394]. Следовательно, в рассматриваемом варианте речь идет о создании **мультиполитийных полиэтничных образований**. Нечто подобное уже наблюдалось в прошлом в период Средних веков. Перечень предлагаемых вариантов для решения проблемы обеспечения внутренней стабильности полиэтнических общностей можно еще продолжать. Но, я думаю, основная тенденция развития взглядов политических философов и теоретиков уже проявилась. Наиболее определенно ее выразил политолог Ф. Шмиттер: «... при всей уникальности европейской действительности, ее дальнейший прогресс, оставляющий позади **фазу нации-государства**, в большей степени отвечает общим тенденциям, поскольку современный **контекст** неуклонно благоприятствует **преобразованию государств либо в конфедерации, либо в кондиминимумы, либо в федерации разного состава и разной структуры**» [8, с. 381].

Таким образом, реальные изменения в существующих политиях стали причиной развернувшихся дебатов по поводу слабого государства, многонациональной демократии, плюралистического федерализма и т.д. Несмотря на все различия между предлагаемыми вариантами и подходами к решению проблем полиэтнических стран, они демонстрируют общий тренд, связанный с идеей дальнейшей **децентрацией исходного центра власти**. Поэтому все эти перемены и дебаты отражают отход от **базового принципа нации-государства и поиски альтернативных ей форм политического устройства**. Основной причиной, обусловившей актуальность обсуждения новых форм в данной сфере, связана с различными обстоятельствами, в том числе и возрастанием **активности этнических общностей в борьбе за свои права и интересы**. Поскольку, как уже отмечалось, большинство политий мира являются полиэтническими, то в этом смысле установленный тренд может восприниматься как доминирующий для эпохи постмодерна. Но в контексте современности стало также очевидным, что традиционный федерализм, возникшей еще на стадии модерна, уже не в полной мере соответствует новым требованиям. Он может носить сугубо формальный характер (ситуация «квазифедерализма»), если не сопровождается **реальным признанием прав этнических общностей** (национальных меньшинств). В настоящее время в мире, исключая особый случай ЕС, существует всего 21 федеративная полития. Ранее число их было несколько большим, но распад Чехословакии и Союзной Югославии, а также отказ от такой формы организации ряда стран Азии и Африки (например, Камерун и Мали) привел его к указанному состоянию. Но значение федерализма не определяется только приведенным арифметическим показателем, так как среди имеющих к нему отношение политий оказались не только Швейцария и Федеральные штаты Микронезии, но и США, Россия, Аргентина, Бразилия, Германия, Индия, Испания, Мексика. В то же время полиэтничная Китайская Народная Республика избрала для себя унитарный принцип политической организации. В азиатских странах вообще отмечается недоверие к федеративному устройству. Однако явное движение в этом направлении в последнее время демонстрирует Великобритания. Поэтому нельзя утверждать, что идея федерализма уже утвердилась среди политиков и ученых как наиболее оптимальная форма политической организации постмодерна.

Не случайно, обсуждая перспективы федерализма, некоторые авторы вспоминают закон Брюса, утверждающий что «...**федерализм – это просто переходный этап на пути к правительственному единству**» [15, с. 69]. Этот закон себя вполне оправдывал на этапе модерна. Но в условиях, когда нация становится все более прозрачно-идентичностным конструктом, а значение этнических общностей неуклонно возрастает, он теряет свое значение. Поэтому, несмотря на все опасения, связанные с **децентрализацией власти**, плюралистический федерализм будет все же становиться ведущей формой политической организации эпохи постмодерна. Лидером в этом процессе является Канада, которая в результате своей эмиграционной и этнической политики вообще превратилась в «страну меньшинств». В отличие от других полиэтничных стран, в которых сохраняется доминирующая хотя бы в количественном отношении этническая общность, здесь уже англоканадцы составляют около 40% населения, а франкоканадцы – примерно 27% [4]. Но федеративный принцип устройства политий позволит избежать новых провалов только в том случае, если он будет проводиться в жизнь в соответствии с реальными условиями отдельных стран и компетентным отношением к положению находящихся в них этнических общностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бляхер Л.Е., Кизима С.А. Центральная Азия: между Тамерланом и Ататюрком (Конструирование национальных государств в эпоху Постмодерна) // Полития 2009. № 1.
2. Гринфелд Л. Национализм и разум – Национализм в мировой истории. М. Наука. 2007.
3. Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. 2008. № 4. С. 8–41.
4. Канада: единство в многообразии // США. Канада. Экономика. Политика. Идеология. 2006. № 1.
5. Канован М. Меч веры и щит страха: либерализм и сила нации // Логос. 2007. № 1. С. 84–102.
6. Коломер Ж. Великие империи, малые нации: Неясное будущее суверенного государства (Реферат) // Политическая наука. 2008. № 4. С. 42–61.
7. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М. 1997.
8. Манн М. Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание – Нации и национализм. М. Праксис. 2002. С. 381–410.
9. Паин Э.А. Этнополитический маятник Динамика и механизмы этнополитических процессов в современной России. М. 2004.
10. Прусаускас А.А. Этнонационализм, многонациональное государство и процессы глобализации // Полис. 1997. № 2.
11. Роккан С. Измерения процессов формирования государства и создания нации: возможная парадигма для исследования вариаций в пределах Европы // ПрогнозиΣ. Журнал о будущем. № 4. 2007. С. 77–111.
12. Остергут Д. Суверенная государственность и национальное самоопределение // Этнографическое обозрение. 1994. № 2. С. 18–26
13. Спиридонова В. И. Глобализация и национальное государство – Судьба государства в эпоху глобализации. Институт философии М. ИФ РАН, 2005. С. 5–48.
14. Тишков В.А. Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // Этнографическое обозрение. 1998. № 5.
15. Филиппов М. Федерализм, демократия и проблема «добросовестных обязательств» в отношении этнических меньшинств. Федерализм и этническое разнообразие в России. Сборник статей. М. РОССПЭН. 2010. С. 60–79.

16. Эйзенштадт Ш.Н. Парадокс демократических режимов: хрупкость и изменяемость // Полис. 2002. № 2. С. 67–81.
17. Anderson B. *Imagined Communities*. Verso. London-New York. 1999.
18. Bauböck R. *Why Stay Together? A Pluralist Approach to Secession and Federation in Citizenship in Diverse Societies*, ed. by W. Kymlicka and W. Norman. Oxford University Press. 2000. P. 366–394.
19. Connor W. *A Nation is a nation, is a state, is an ethnic group, is a...* // *Ethnic and Racial Studies*. 1978. 1/4. P. 379–388.
20. Fukuyama F. *Nation-building and the failure of institutional memory – Nation-Building Beyond Afghanistan and Iraq*, ed. By F. Fukuyama. The John Hopkins University Press. 2006 . P. 1–18.
21. Fulbrook M. *Introduction: states, nations, and the development of Europe*. – in *National Histories and European History*, ed. By M. Fulbrook. Boulder. San Francisco. West-View Press. 1993. P. 1–17.
22. Held D.. *Prospects for Democracy*. Cambridge UK. Polity Press. 1993.
23. Hobsbaum E. *The Nation as Invented Tradition. Inventing Traditions, and Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914, in the Invention of Tradition*, ed. E.Hobsbaum and T. Ranger. CUP. Cambridge. 1983.
24. Kellas J. G. *The Politics of Nationalism and Ethnicity*. St. Martin Press. New York. 1998.
25. Kelstrup M., Williams M. *Introduction. Integration and the politics of community in the New Europe – International Relations Theory and the Politics of European Integration: power, security and community*, ed. by M. Kelstrup and M. Williams. London-New York. Routledge. 2000. P. 1–13.
26. Kymlicka W. *Politics in Vernacular. Nationalism, Multiculturalism and Citizenship*. Oxford University Press. 2001.
27. Kymlicka W. *Multi-nation federalism – in Federalism in Asia*, ed. By B. He, B. Galligan, T. Inogochi. Edward Elder. 2009. P. 33–56.
28. Parekh B. *Rethinking Humanitarian Intervention* // *International Political Science Review*. 1995.

**ПРОФЕССОР УЛЛА ЙОХАНСЕН И ЕЕ РЕЦЕНЗИЯ
НА РАБОТУ С.М. ШИРОКОГОРОВА
«ПСИХОМЕНТАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ТУНГУСОВ»
(Лондон/Шанхай, 1935)**

*А.М. Кузнецов**

Недавно мы встретили 110-ю годовщину со времени образования Императорского восточного института – Дальневосточного государственного университета. Юбилейная дата – хороший повод, чтобы воздать дань памяти тем, кто стоял у истоков нашей *alma mater*, в том числе председателя Комитета по открытию частного историко-филологического факультета во Владивостоке, а затем и Комитета по открытию Государственного Дальневосточного университета С.М. Широкогорова (1887–1939). Наш журнал уже печатал материал о вкладе Широкогорова в развитие университета [2]. Однако значение его имени далеко не исчерпывается только научно-организаторской и преподавательской деятельностью с 1918 по 1922 гг. в нашем городе, а с 1922 по 1939 гг. в разных университетах Шанхая и Пекина. Несмотря на то, что активный период научной деятельности Сергея Михайловича приходится на 1910–1930-е гг., его идеи оказались широко востребованными наукой конца XX – начала XXI вв. Сначала он получил широкое международное признание как исследователь шаманизма и этнограф-сибиревед, в последнее время активно обсуждается и его теория этноса [3; 7]. Не случайно именно этот исследователь и теоретик включается в солидные энциклопедические справочники как достойный представитель российской науки [4]. В истории нашего университета трудно найти другого ученого, труды которого бы переиздавались и дебатировались в современной мировой науке. Наглядным подтверждением актуальности работ и идей С.М. Широкогорова стал и выход в свет в Германии в 2001 г. рецензии профессора Кельнского университета Уллы Йохансен на изданную в 1935 г. в Китае, а затем переизданную его фундаментальную монографию Психоментальный комплекс тунгусов [8]. В конце 1980-х гг. профессор Йохансен также выпускала в свет статью «Влияние Сергея Михайловича Широкогорова на немецкую этнологию». Эта работа затем была опубликована в переводе на русский язык в 2002 г. [1]. Поэтому, когда эта автор обратилась к нам в редакцию с просьбой подготовить и опубликовать перевод ее рецензии 2001 г., мы с признательностью пошли на это.

Прежде всего, представляемая рецензия показательна в смысле информированности наших зарубежных коллег о самом С.М. Широкогоре. Оказавшись в относительной изоляции во Владивостоке, а затем в Китае, он мог обмениваться публикациями и вести переписку со своими коллегами, но многие факты его биографии оставались для них неизвестными. Поэтому и Дж.

* *Кузнецов Анатолий Михайлович* – доктор исторических наук, профессор Владивостокского института международных отношений ДВГУ, г. Владивосток; e-mail: kuznecov@ext.dvgu.ru.

Гайяр — профессор университета г. Лиля, автор статьи о Широкогорове в словаре-справочнике не знал, что тот учился в Сорбонне [4]. Не соответствуют действительности и сведения У. Йохансен о преподавании С.М. Широкогорова в университете г. Благовещенска. Точно также учиться в Париж он уехал не в 1907, а еще в 1905 г. В эмиграции же российский исследователь оказался «не из-за своего неприятия коммунистической власти», а так еще ранее был официально откомандирован в Китай для издания своих работ. Другое дело, что остался он здесь уже вполне осознанно. Не могу согласиться с профессором Йохансен, что отнесение концепта этнос только к процессу существования этнических общностей, не всегда позволяет фиксировать границу между ним и категорией этническая общность. Однако это все — не самые значимые моменты. Главное заключается в том, что немецкий автор смогла увидеть реальное значение идей С.М. Широкогорова для современной науки и высоко оценила их.

В то же время не следует полагать, что подобное отношение к научному наследию нашего замечательного соотечественника присуще только одной У. Йохансен. Во время бесед с известным австрийским антропологом Андреа Гингрихом (Венский университет) и некоторыми сотрудниками немецкого Института социальной антропологии им. Макса Планка выяснилось, что российский исследователь и его идеи хорошо знакомы специалистам старшего поколения этих стран. Они учились в 50-х — 60-х гг. по учебникам ученика Р. Турнвальда — В. Мюльмана, в которых излагались некоторые взгляды С.М. Широкогорова. Как показал затем известный чешский исследователь П. Скальник, через влияние немецкой этнологии идеи российского исследователя получили даже признание и в Южной Африке [6]. Поэтому публикация рецензии профессора Йохансен о работе одного из основателей нашего университета в журнале Дальневосточного государственного университета приобретает поистине символическое значение. Ведь это и свидетельство международного признания и наша дань памяти замечательному исследователю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Йохансен У. Влияние Сергея Михайловича Широкогорова на немецкую этнологию // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 139–143.
2. Кузнецов А.М., Ермакова Э.В., Чуб Л.И. С.М. Широкогоров и Государственный дальневосточный университет // Азиатско-Тихоокеанский регион: Экономика. Политика. Сотрудничество. 2001. № 1. С. 142–152.
3. Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Известия Восточного факультета Государственного Дальневосточного университета LXVII. (Schanghai) Шанхай. 1923. 134 с.
4. Gaillard G. The Routledge Dictionary of Anthropologists. Routledge. London, New York. 2004
5. Johansen U. Sergei Mikhailovich Shirokogoroff (1.7. 1887, Suzdal: 19.10.1939, Bei-jing). Psychomental Complex of the Tungus (engl.; Der psychomentale Komplex der Tungusen), EA London|Shanghai 1935 – Hauptwerke der ethnologie. Alfred Kröner verlag Stuttgart 2001.
6. Scalnik P. Union soviétique – Afrique du Sud: les ‘théories’ de l’ethnos // Cahiers d’Etudes Africaines, 1988 No. 110, vol. XXVIII-2, pp. 157-176.
7. Shirokogoroff S.M. Social organization of the Northern Tungus (with introductory chapters concerning geographical distribution and history of this groups). Reprinted in 1966 by Anthropological Publications, Oosterhout N.B. 427 p.
8. Shirokogoroff S.M. Psychomental complex of the Tungus. London: Kegan? Paul, Trench. Trubner & Co. 1935. Reprinted by AMS Press. New York. 1982. 469 p/

**ПО СТРАНИЦАМ КНИГИ С.М. ШИРОКОГОРОВА
(1.7.1887 Суздаль – 19.10.1939 Пекин)
«ПСИХОМЕНТАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ТУНГУСОВ».
Лондон / Шанхай, 1935**

*Улла Йохансен**

Рассматриваемая работа основывается на более чем четырехлетнем, для этого времени необычно глубоком полевом исследовании и по уровню своего теоретического осмысления она намного опережает существовавшие принципы изучения изменений культуры и когнитивной этнологии, которым было суждено стать предметом международного научного дискурса только несколько десятилетий спустя. В науке о шаманизме эта работа вообще стала эпохальной.

Широкогоров закончил классическую гимназию в Прибалтике. С 1907 по 1910 гг. изучал языки и антропологию в Париже. В 1911 г. он продолжил обучение на естественнонаучном факультете Санкт-Петербургского университета. Но, так как он получил место в Музее антропологии и этнологии [имени Петра Великого], то не закончил это учебное заведение. В последующие годы по поручению Музея он провел несколько экспедиций, в которых был собран материал, послуживший впоследствии основой при подготовке Психоментального комплекса тунгусов. 1912–1913 гг. он провел среди тунгусов (эвенков) Забайкальского края, а в 1915–1917 гг. работал в тунгусских общностях на востоке Монголии и в Маньчжурии. В ходе полевых работ активно изучался тунгусский язык.

В связи с началом революции в России он оставался до 1922 г. во Владивостоке и Благовещенске, читая лекции в университетах этих городов. Здесь же были сформулированы теории, которые затем были опубликованы в его книгах. Широкогоров не принял коммунистической власти и в 1922 г. ему пришлось эмигрировать. Он уехал в Китай, где сначала преподавал в университетах Южного Китая, прежде всего Шанхая, но затем стал профессором социологии и антропологии в Пекине.

Кроме многочисленных статей Широкогоров опубликовал 6 книг и оставил 4 неопубликованные до сих пор рукописи. Психоментальный комплекс тунгусов остается его самой значительной и известной работой. Автор разделил ее на введение, четыре части и заключение, включающие всего 34 главы. Наряду с достаточно обширным тунгусским глоссарием и библиографическим указателем Широкогоров дополнил свою книгу четырьмя тщательно подготовленными и, учитывая объем работы, крайне необходимыми указателями, в том числе указатель, содержащий около 500 названий духов. Отдельные части работы получили следующие названия: «Позитивные знания», «Гипотезы», «Практические выводы и гипотезы» и «Шаманизм».

Последняя часть включает 162 стр. и является самой объемной. В разделе «позитивные знания» читателю представлена необходимая информация об условиях окружающей среды, хозяйстве, социальной организации, языке и художественном творчестве различных групп тунгусов. В «Гипотезах» рассказывается обо всем, что касается их религиозных представлений. «Практические выводы и гипотезы» является представлением различных культов, за исклю-

* *Улла Йохансен* – профессор отделения антропологии Кельнского университета alv67@uni-koeln.de

чением собственно шаманизма, о котором речь идет в заключительной части книги. В книге отсутствуют фотографии и карты, так как автор оставил их в Музее Санкт-Петербурга и после революции ему их не вернули.

Работы С.М. Широкогорова свидетельствуют, что он стремился представить культуру тунгусов таким образом, как она понимается самим этим народом. Но он осознает и стоящие перед ним, как европейским ученым, участвующим в описании данного народа, определенные границы. Фактически, он стал первым этнологом, который серьезно занялся проблемой вмешательства и предпринял попытку опосредовано, руководствуясь другими представлениями, вникать в тексты местного населения и тем самым предвосхитил этнологический дискурс 80–90-х гг. XX века о культуре письма.

Композиция монографии будет непонятной без обращения к теоретико-методологическим основаниям концепции Широкогорова. Они были подробно изложены во введении. Важнейшим понятием, отраженным уже в названии работы, для него является «психоментальный комплекс». Сам Широкогорov дает здесь следующее его определение: «Психоментальным комплексом я называю те культурные элементы, которые состоят из психических и ментальных реакций на данную среду». В таком виде определение оставляет вопрос открытым, так как в нем разграничения между понятиями «психический» и «ментальный». «Среду» он также разделяет на «первичную» (естественная внешняя среда), «вторичную» (собственная культура в соответствующей этнической общности) и «третичную» (включение в сеть отношений с другими группами). Группу, которая благодаря эндогамии сохраняет общие физико- и психофизические характеристики, обладает «осознанием собственного существования» — в современной терминологии этнической идентичностью, а также имеет общий язык и культуру он обозначает как «этническую общность» (ethnic unit). Но поскольку наряду с этим понятием он вводит еще и категорию этнос, чтобы обозначить процесс, который приводит к образованию этнической общности, ее «центростремительной силы», то возникает неясность, так как такое достаточно тонкое различие в дальнейшем не всегда будет очевидно. Возникающие сложности можно продемонстрировать на приведенном автором примере о некоторых далеко живущих друг от друга и не имеющих никакого сообщения тунгусских этносах, которые рассматривались как «закрытые этнические общности» или же как носители единственного «психоментального комплекса».

Согласно позиции Широкогорова, «этническая общность» обозначается как «динамический эффект равновесия, которое возникает между центростремительными и центробежными силами», т.е., резюмируя вышесказанное, в ней наблюдается эффект «саморегуляции». Подобная точка зрения очень близка доминирующему в британской антропологии 30-х гг. XX в. направлению — функционализму. Сам же этот автор принимает только идеи французских представителей данного направления, своих парижских учителей Э. Дюркгейма и А. ван Геннепа, выступая против не только эволюционизма, но и функционализма. В своем достаточно изолированном положении в Китае он мог ознакомиться с последним направлением лишь по некоторым работам Б. Малиновского, трактовку культурных феноменов которого как институтов для удовлетворения потребностей, [Широкогорov] отклонил как слишком материалистическую.

В конце концов Широкогоров объяснил периодически возникающее равновесие общим «психоментальным комплексом». Но по мере изложения его эмпирических данных, становится понятно, что в отличие от того, как это явление было представлено во введении, его теперь следует понимать как построенную на эмоциях систему убеждений этнической общности и основанных на ней религиозных обрядов. Равновесие может оказаться под угрозой «межэтнического давления», необходимость противостояния которому может стать причиной этнического сплочения. На основе данного понятия, сформулированного на основе опыта работы с относительно подвижными, находящимися в постоянных контактах общностями, Широкогоров разработал концепцию, которая до настоящего времени не потеряла своего значения. Практически все, что современные исследования изменений культуры представили десятилетия спустя в качестве оригинальных выводов, Широкогоров установил еще в 1935 г.: решающие изменения в культуре происходят через «психоментальный комплекс», говоря современным языком, через основополагающие изменения когнитивной системы и ее эмотивного усвоения.

Принятию этих новаторских, обоснованных выводов международным научным дискурсом явно помешала неудачная форма изложения Широкогорова, на которую повлияло его незаконченное физико-математическое образование. Как и многие этнологи своего времени, он хотел также представить свои выводы как законы природы. Так во введении для обозначения культурных процессов он, к сожалению, использует все чаще встречающееся и сегодня слово «механизмы». Для их иллюстрации использованы не только легко понимаемые графики, но и не очень подробно объясняемые, а потому и непонятные математические формулы. Он даже позволяет себе утверждать: «Теория этноса может быть легко перенесена на растения и даже животных. Я надеюсь, что в относительно недалеком будущем станет возможным обсуждение этих феноменов в рамках концептов энергии и материи».

Теоретические положения Широкогорова, которые заслуживают гораздо большего внимания среди ученых, остаются почти неизвестными, так как они переданы терминологией, которой владеет только сам автор. В России новаторские для сибирской этнологии исследования Широкогорова – антикоммуниста и эмигранта также игнорировались. Исключением здесь стал Р. Турнвальд, который неоднократно цитировал Широкогорова и заставил обратить на него внимание своего ученика В.Э. Мюльмана. Результатом этого стала переписка Мюльмана с Широкогоровым и опубликованное им на немецком языке введение к рассматриваемой работе. А в 1940 г. он отдал должное своему учителю в подробном некрологе. Мюльман воспринял, прежде всего, его представления о «межэтническом давлении» и «среде», но назвал [Широкогорова] их автором.

В отличие от остальных идей, новаторский подход к шаманизму, представленный в заключительной части работы, получил более широкий резонанс. Автор поддерживал длительные отношения с шаманами и вел с ними дружеские беседы. Благодаря этому он смог установить, что они ни в коем случае не были психически больными людьми, как тогда было принято считать, а умными, осознающими свою ответственность личностями, которые вели себя так, как этого требовало от них общество. Предпосылками их деятельности являлось признание со стороны всей общности. Широкогоров первым обра-

тил также внимание, что во время сеансов между шаманами и окружающими его людьми возникает особое взаимодействие, и часть слушателей может впасть в транс. По его мнению, шаманизм является «общественным феноменом».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ausg.: ND. New York 1980, Berlin 1999. – Dr. Teilübers.: Ethnographie und Ethnologie. Zur Lage der modern Völkerkunde, in Archiv für Anthropologie N.F. 24 (1938), S. 1–7 (Teil des Vorworts). – Die Grundzüge der Theorie vom Ethnos, in: C.A. Schmitz (Hg). Kultur (Frankfurt 1963), S. 254-86 und 402–3 (Teil des Vorwortes).
2. Lit.: W.E. Mühlmann, Nachruf auf S.M. Shirokogoroff, in Archiv für Anthropologie N.F. 26 (1940), S. 55–64. – E.V. Revunenкова/A.M. Reshetov, Sergej Michajlovich Sirokogorov kak issledovatel' samanizma, Ethnological Studies of Shamanism and Other Indigenous Spirituel Beliefs and Practicies 5/1, Moskau, 1999.
3. Johansen Ulla. Sergei Mikhailovich Shirokogoroff (1.7.1887, Suzdal: 19.10.1939, Bei-jing). Psychomental Complex of the Tungus. London/Shanghai, 1935.

АННОТАЦИИ К СТАТЬЯМ (на русском)

*АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН:
экономика, политика, право – № 1, 2010 (21)*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТА РЕГИОНА

Сергеев А.С., Чарей М.С.

Транспортные узлы российского Дальнего Востока на фоне мировых тенденций развития морского транспорта.

Ключевые слова: АТР, Конкурентоспособность, логистическая система, морской транспорт, тариф.

Современный процесс реструктуризации отдельных отраслей транспорта по многим аспектам негативно отражается на эффективности регионального транспортного комплекса в целом. По мнению автора, организация координационной деятельности в транспортных узлах региона будет способствовать повышению конкурентоспособности отечественного транспорта на внешнем рынке АТР.

***Быстрицкий С.П.*, *Фролова Н.С.* Внутрирегиональные условия и факторы формирования локальной контактной зоны.**

Ключевые слова: локальные контактные зоны, АТР, минеральные ресурсы, инвестиции, транспортный коридор.

Возможность интеграции России в мировой рынок реализуется через пограничные регионы, имеющие локальные контактные зоны. Создание Ванино-Советско-Гаванской локальной контактной зоны обусловлено не только внешними предпосылками – географическим положением, примыканием к международным транспортным коридорам, наличием запасов природных ресурсов. Для эффективного её функционирования необходимо также, чтобы один из главных элементов – муниципальный район, территория которого выступает локальной контактной зоной, имел мощный социально-экономический потенциал, был обустроен с точки зрения транспортной и производственной инфраструктуры, обеспечивал достойные условия для проживания населения. В конечном итоге именно он должен играть роль катализатора экономического роста региона, страны, стать одним из центров для притяжения населения и укоренения его на Дальнем Востоке

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Кравченко А.А., Хлыстун А.Ю.

Состояние продовольственной безопасности: мониторинг и оценка.

Ключевые слова: Продовольственная безопасность, национальная безопасность, мировая продовольственная проблема, мониторинг и оценка продовольственной безопасности, система показателей продовольственной безопасности, коэффициент продовольственной зависимости, продовольственная зависимость (независимость) стран мира.

В статье авторы делают попытку найти новый подход к анализу и оценке продовольственной безопасности в различных частях мира. В современном мире, с непредсказуемой экономической и политической ситуацией, продовольственная безопасность стала необходимым условием для дальнейшего стабильного и независимого развития каждой страны. Тем не менее, не смотря на все попытки международных сил в настоящее время в мире около 1,02 млрд человек хронически голодают.

Ухудшение ситуации в данной области было вызвано рядом объективных причин, таких как рост населения (на 5 млрд человек за 100 лет), увеличение спроса на биотопливо, а также значительное повышение цен на энергоносители. Но более важно то, что стабильность в области продовольственной безопасности была подорвана необдуманными решениями некоторых стран. Например, некоторые развитые страны в 2007–2008 гг. изменили свою сельскохозяйственную политику, что повлекло к сокращению запасов некоторых видов продовольствия относительно национального потребления. Более того, в 2007–2008 гг. мировое сообщество столкнулось с самым суровым продовольственным кризисом за всю историю человечества, который вызвал нехватку продовольствия и как следствие еще более резкий рост цен на продукты питания. Данные факторы вместе с текущим экономическим кризисом имели негативное воздействие на все страны. Поэтому, национальные органы управления должны производить постоянный мониторинг и вносить необходимые поправки, чтобы улучшить продовольственную безопасность.

Авторы предлагают использовать коэффициент продовольственной зависимости, который показывает долю импортного продовольствия в национальном потреблении, как основу для своих расчетов. Более того, был проведен социологический опрос оценки продовольственной защищенности граждан, разработанный правительством США, чтобы оценить продовольственную безопасность в приморском крае.

Продовольственная безопасность, национальная безопасность, мировая продовольственная проблема, мониторинг и оценка продовольственной безопасности, система показателей продовольственной безопасности, коэффициент продовольственной зависимости, продовольственная зависимость (независимость) стран мира.

ФИНАНСЫ В РАЗВИТИИ РЕГИОНА

Кузнецова Н.В., Бушманова. И.О.

Эффективность управления бюджетом Приморского края.

Ключевые слова: бюджетный процесс, эффективность государственного управления, бюджетная услуга, показатели оценки качества, оценки эффективности расходов бюджета.

В статье рассматривается региональная система образования как важнейшая составляющая социально – экономического комплекса региона. Доказывается, что показатели функционирования и развития региональной системы образования в значительной степени определяются состоянием экономики данной территории. Все внимание должно быть сконцентрировано на приоритетных национальных направлениях развития региона, отражающих его

хозяйственную специализацию и геостратегическое положение, что позволит создать условия для устойчивого развития Дальнего Востока и улучшения социально-экономической обстановки в регионе. Обосновывается перенесение на региональный уровень решение проблем реформирования социальной сферы и регионализации высшего образования. Предлагается создание Приморского регионального центра по проблемам развития высшего образования.

Сазонова Е.С., Безруков И.С.

Эффективная система валютного регулирования как фактор инновационного развития экономики.

Ключевые слова: динамика, валютный контроль, иностранные инвестиции, экономика Приморского края.

Рассматривается анализ привлечения частного иностранного капитала в экономику Приморского края. Он показал низкую эффективность вложения средств иностранных инвесторов с точки зрения инновационного развития основных отраслей народного хозяйства.

В целях предотвращения резких колебаний в динамике трансграничного перемещения капитала в финансовой сфере предлагается регулировать уровень притока иностранных инвестиций в рамках существующих нормативов ликвидности кредитных организаций через расчет активов и обязательств кредитных организаций в иностранной валюте в зависимости от сроков их возникновения и погашения.

В целях регулирования трансграничного перемещения частного капитала в производственной сфере предлагается прежде всего определить исчерпывающий перечень отраслей, доступных для иностранных инвестиций, учет и мониторинг которых должен осуществляться через специальные режимы соответствующих счетов

Васюкова Л.К.

Страховой рынок российского Дальнего Востока в условиях финансово-экономического кризиса

Ключевые слова: страховой рынок, страховые премии, страховые выплаты, региональный страховой портфель, предупредительная функция страхования, инфраструктура страхового рынка, финансово-экономический кризис.

В статье исследуются тенденции развития страхового рынка в РФ и в Дальневосточном Федеральном округе в докризисный (до 2008 г.) и в настоящий периоды. Анализируются причины, повлиявшие на снижение доходности и повышение убыточности страховых компаний РФ и Дальнего Востока.

Оцениваются перспективы восстановления рынка страхования в посткризисный период, предлагаются пути повышения устойчивости страхового рынка Дальнего Востока с учетом его особенностей.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Жариков В.Е.

Эффективность вертикально-интегрированных структур (На примере цветной металлургии Приморского края).

Ключевые слова: Приморский край, системный эффект, цветная металлургия, функция Коба-Дугласа.

В статье рассматриваются вопросы современной промышленной политики, основанные на формировании вертикально-интегрированных структур. Показывается, что их эффективность связана как с объединением в один технологический цикл отдельных предприятий (от добычи сырья и его переработки до производства продукции), так и с диверсификацией выпускаемой продукции.

С использованием модифицированной функции Коба-Дугласа проведена оценка системного эффекта для цветной металлургии Приморского края и даны предложения по направлениям ее развития.

Тодоров А.И.

Перспективы развития рекреационно-туристического потенциала Приморского края.

Ключевые слова: Приморский край, программа, рекреационно-туристический комплекс, структура.

В статье рассматриваются вопросы формирования рекреационно-туристического комплекса (РТК) Приморского края. Отмечается, что программное его развитие не учитывает специфических региональных особенностей как российского Дальнего Востока, так и смежных стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

На основе проведенных исследований сформулированы основные положения перспективного развития РТК в регионе.

ВЫСШАЯ ШКОЛА В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

Фисенко А.И., Заводовская М.В.

Источники и основные направления организации финансирования инновационной образовательной деятельности вуза.

Ключевые слова: высшее профессиональное образование, образовательные новации, инновационная образовательная деятельность, финансирование деятельности вуза, бюджетные ассигнования, инновационные образовательные технологии, дистанционные образовательные технологии, инвестиционные ресурсы для образовательных новаций

В статье определены основные понятия и направления финансового обеспечения инновационной образовательной деятельности вуза в условиях реализации Концепции модернизации российского высшего образования. Основное внимание уделено вопросам выявления источников финансирования инновационной деятельности вуза (включая венчурный капитал), в частности, в направлении реализации инновационных образовательных технологий, и классификации бюджетных и внебюджетных средств учреждений высшего профессионального образования

Пастухова О.А.

Рынок услуг высшего профессионального образования в развитии региона.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, региональное развитие, образовательные условия, рынка образовательных услуг, рынок труда.

Интеллектуальный капитал в современном обществе становится основой богатства и определяет конкурентоспособность экономических систем, выступает ключевым ресурсом роста и развития. В статье рассмотрены проблемы и особенности развития регионального рынка образовательных услуг высшего образования, факторы, оказывающие влияние на его формирование, взаимосвязь рынка образовательных услуг и рынка труда, влияние рынка образовательных услуг на развитие региона. По нашему мнению, при решении проблем взаимодействия рынка труда и рынка образовательных услуг большую роль может сыграть координирующая и регулирующая деятельность со стороны региональных и местных органов власти.

ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ВЛАСТЬ

Кузнецов А.М.

Некоторые вопросы развития государственной организации на современном этапе.

Ключевые слова: государство, нация-государство, политическая система, полития, нация, этническая общность, федерализм.

В статье рассматриваются некоторые общие проблемы политической организации на современном этапе. Обсуждается вопрос о влиянии разных групп населения, в том числе этнических общностей, на политические системы разных стран. С учетом полиэтничного состава населения большинства современных государств предлагается оценить плюралистический (многонациональный) федерализм как ведущую форму государства эпохи постмодерна.

РЕЦЕНЗИИ

Кузнецов А.М.

Профессор Улла Йохансен и ее рецензия на работу С.М. Широкогорова «Психоментальный комплекс тунгусов (Лондон / Шанхай, 1935).

Ключевые слова: Этнос, этническая общность, психоментальный комплекс, тунгусы, шаманизм.

Спустя 65 лет после выхода работы С.М. Широкогорова, автор показывает актуальность ее идей для современной науки.

Улла Йохансен

По страницам книги С.М. Широкогорова (1.7.1887 Суздаль – 19.10.1939 Пекин) «Психоментальный комплекс тунгусов». Лондон / Шанхай, 1935.

ANNOTATION TO NOTES (on English)

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law – № 1, 2010 (21)

PROSPECTS OF TRANSPORT DEVELOPMENT OF REGION

Sergeev A.S., Charey M.S.

Transport centers of the Russian Far East against the World tendencies development of Marine transport.

Keywords: APR, competitiveness, logistic system, marine transport, tariff.

Modern process of restructuring a few fields of transport for many reasons is negatively reflected in efficiency of the regional transport complex in whole. In the opinion of the author, the organization of coordination activity in transport centers will promote to increase of competitiveness of domestic transport on a foreign market of Asian-Pacific region

Bistritsky S.P., *Frolova N.S.* Inter-regional conditions and factors for forming the local contact zone.

Keywords: contact zone, APR, mineral resource, investment, transport corridor.

The opportunity for Russia to get integrated in the world market is being implemented in the cross-border regions that have local contact zones. Launching Vanino-Sovetskaya Gavan local contact zone is justified not only by such externalities as geographic location, adjoining international transport corridors and availability of natural resources. For efficient functioning of the zone it is also required that one of its key elements, the municipal rayon (district) that hosts the local contact zone had a powerful social and economic capacity and was well provided with the relevant production infrastructure, was livable. Finally this rayon territory must act as a catalyst of economic growth in the region of the state to become a center attracting the incoming population to make it resident in the Far East of Russia.

PROVISION SECURITY

A. A. Kravchenko, A.Y. Khlystun

The state of food security: monitoring and evaluation.

Keywords: food security, national security, global food problem, monitoring and evaluation of food security situation, system of food security indicators, coefficient of food dependency, national food dependency.

In this article authors made an attempt to find a new way for monitoring and evaluating food insecurity in different parts of the world. In global unpredictable economical and political environment food security became an indispensable requirement for the further stable and autonomous development of every country. However, currently the problem of food security only worsened and first time in a history about 1.02 billion of people are chronically hungry.

The deterioration of the situation in this field was caused by some objective reasons like growth of the total population (by 5 billion in 100 years), increase in demand for biofuel and skyrocketed oil prices. But the important that problem of

food security is negatively affected by the reckless decisions of some countries. For example, some developed countries in 2007-2008 changed their agricultural policy that led to the reduction of the food stock reserves relatively to the consumption. In addition, in 2006-2008 international community faced with the most severe food crisis when food shortages dramatically increased prices. These reasons combined with global economic downturn that had negative effect on all countries. Such circumstances require from authorities to monitor and make necessary corrections to improve food security.

Authors offered to use coefficient of food dependency that shows percentage of imported food in the domestic consumption as a basis for their estimates. Moreover, they applied food security survey, developed by the U.S. government, to evaluate food security situation in the Primorsky kray.

THE ROLE OF FINANCE SECTOR IN THE DEVELOPMENT OF REGION

Kuznetsova N.V., Bushmonova I.O.

Effectiveness of Budget Management of Primorsky Region.

Keywords: budget process, effectiveness of the governance, budgetary, performance quality measures, performance evaluation of the budget spendings.

The article analyses the regional education system as the most important part of social-economic region unit. It tried to be proven that the variables of development and operation of the regional education system are dependent on the economic conditions of the territory. The attention should be concentrated on the the prioritized national direction of the regional development, showed economic specialization and geostrategic location will help to make the circumstances for the stable development of Far Eastern Region and improve the social-economic situation in the region.

Sazonova E.S., Bezrukov I.S.

The effective mechanism of currency regulation as a factor of innovative economic development.

Keywords: dynamics, monetary control, foreign investments, economy of Primorye Territory.

The analysis of attraction of the private foreign capital in economy of Primorski Territory has shown its low efficiency from the point of view of innovative development of the basic branches.

Leading branches of regional economy are now in conditions of low technological and financial maintenance that causes low competitiveness of production made by them.

With a view of prevention of sharp fluctuations in dynamics of transboundary moving of the capital in financial sphere it is necessary to regulate level of inflow of foreign investments within the limits of existing specifications of liquidity by accounting the actives and obligations of the credit organisations in a foreign currency depending on terms of their occurrence and repayment.

With a view of regulation of transboundary moving of the private capital it is necessary to fix the list of spheres and branches of a national economy for foreign investors. The desire of the foreign companies to create the enterprise with the capital

should be accompanied by investments in an authorised capital stock of the created enterprise of the means equivalent at cost to a minimum established by the legislation. The means arriving into the accounts of private investors, have the right to use the last exclusively according to the established mode of the given accounts. Means should be used for payment got on territory of Russia of the goods, works, services, results of intellectual activity, granting of loans.

Vasyukova L.K.

Insurance market of Russian Far East in the terms of financial economic crisis

Key words: insurance market, insurance premium, insurance payment, regional insurance portfolio, preventive insurance function, infrastructure of insurance market, financial economic crisis.

This article considers the tendencies of insurance market development in the Russian Federation and in the Far Eastern Federal District in pre-crisis and today periods and analyses the reasons which affect revenue reduction and unprofitability increase of insurance companies of the RF and the Far East. The prospects of renewal of insurance market in the after-crisis period are evaluated here and the ways of stability growth of insurance market of the Far East including its features are offered as well.

REGION BUSINESS ANALYSIS

Zharikov V.E.

Efficiency of vertical and integrated structures

(on the example of coloured metallurgy of Primorskiy Region)

Key words: Primorskiy Region, system effect, coloured metallurgy, function of Kobe-Douglas)

The article considers matters of modern industrial policy based on formation of vertical and integrated structures. It also shows that their efficiency is connected as with association of one technological unit of separated businesses (beginning from raw materials mining to goods production) as with diversification of made goods.

The estimation of system effect for coloured metallurgy of Primorskiy Region with using modified function of Kobe-Douglas is made and the offers about its development directions are given.

Todorov A.I.

The prospects of development of recreation and tourist potential of Primorskiy Region.

Keywords: Primorskiy Region, programme, recreation and tourist complex, structure.

The article considers the matters of making a recreation and tourist complex (RTC) of Primorskiy Region. It's stressed that the programme development doesn't take into account the special regional peculiarities of the Russian Far East and the adjacent countries of the Asian Pacific Rim as well.

The main statements of the prospect development of RTC in the region were made on the base of the hold research.

HIGHER SCHOOL IN THE DEVELOPMENT OF REGION

Fisenko A. I., Zavodovskaya M.V.

Sources and main sectors of financing the innovative education in the universities

Key words: Higher education, higher professional education, educational innovations, innovative education, financing of the university, budget allocations, innovative education technologies, distant education technologies, investment in educational innovations.

The article elaborates main concepts and sectors of financing the innovative education system in the universities under the condition of modernisation of higher education system. Special attention is made on the aspects of finding the sources of financing (including venture capital), vectors of realisation of innovative educational technologies, and classification of budgetary and extra-budgetary funds of higher education institutions.

Pastuhova O.A.

Market of High Professional Education Services in Regional Development.

Keywords: intellectual capital, regional development, education conditions, market of the education services, labor market

The intellectual capital in a modern society becomes a basis of riches and determines competitiveness of economic systems, acts as a key resource of growth and development. In clause article problems and features of development of the regional market of educational services of higher education, the factors influencing its formation, interrelation of the market of educational services and a labour market, influence of the market of educational services on development of region are considered. In our opinion, at the decision of problems of interaction of a labor market and the market of educational services a greater role coordinating and regulating activity from regional and local authorities can play.

SOCIETY, LAW, GOVERNMENT

Kuznetsov A.M.

Some issues of states organization in a current stage

Key words: state, nation-state, political system, polity, nation, ethnic community, federalism.

Some issues of states organization are discussed in this paper including the question of ethnic groups participation in political systems in different countries. Because of polyethnic character of population in many states, it was concluded the pluralistic (polynational) federalism is the more convenient postmodern state form.

CRITICAL REVIEWS

Kuznetsov A.M.

Professor Johansen Ulla and her book review S. M. Shirokogoroff «Psychomental Complex of the Tungus». London/Shanghai 1935.

Keywords: Ethnos, ethnic community, psychomental complex, the Tungus, shamanism

Sixty five years after, the author reviewed the Shirokogoroff's Psychomental Complex of the Tungus and discussed his ideas.

Johansen Ulla.

In the book review's pages S.M. Shirokogoroff (1.7. 1887, Suzdal: 19.10.1939, Beijing) «Psychomental Complex of the Tungus». London/Shanghai 1935.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Владимир Николаевич Антонов – кандидат юридических наук, директор Владивостокского института международных отношений стран АТР ДВГУ, г. Владивосток.

Петр Яковлевич Бакланов – академик РАН, доктор географических наук, директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток.

Петр Федорович Бровко – доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой географии стран АТР Института окружающей среды ДВГУ, г. Владивосток.

Евгений Прокофьевич Жариков – доктор экономических наук, профессор Владивостокского института международных отношений стран АТР ДВГУ, г. Владивосток.

Вадим Константинович Заусаев – доктор экономических наук, профессор, директор Института рынка, г. Хабаровск.

Александр Иванович Коробеев – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Юридического института ДВГУ, г. Владивосток.

Анатолий Михайлович Кузнецов – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической антропологии Владивостокского института международных отношений стран АТР ДВГУ, г. Владивосток.

Наталья Викторовна Кузнецова – доктор экономических наук, профессор, зам. директора Института менеджмента и бизнеса ДВГУ, г. Владивосток.

Владимир Иванович Курилов – заслуженный работник высшей школы РФ, доктор юридических наук, профессор, ректор Дальневосточного государственного университета, г. Владивосток.

Виталий Анатольевич Номоконов, доктор юридических наук, профессор, зам. директора по научной работе Юридического института ДВГУ, г. Владивосток.

Владимир Федорович Печерица, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения Владивостокского института международных отношений стран АТР ДВГУ, г. Владивосток.

Виктор Васильевич Савалей, доктор экономических наук, профессор, начальник отдела региональной экономики ГУ Центрального Банка России по Приморскому краю, заместитель директора по науке Международного института финансов, кредита и банковского дела ДВГАЭУ, г. Владивосток.

Виктор Григорьевич Сазонов – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой международного бизнеса и администрирования Владивостокского института международных отношений стран АТР ДВГУ, г. Владивосток.

Роберт Скалапино – заслуженный профессор, основатель Института исследования Восточной Азии университета Калифорния в Беркли (США).

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН

ЭКОНОМИКА
ПОЛИТИКА
ПРАВО

**Научный и общественно-политический журнал
№ 1 (21) 2010**

Редактор *В.Г. Дроздов*
Технический редактор *А.К. Мухаматинова*
Компьютерная верстка *С.В. Филатова*

Подписано в печать 24.02.2010 г.
Формат 70x100 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,64. Уч.-изд. л. 9,82.
Тираж 200 экз. Заказ 34.

Издательство Дальневосточного университета
690950, г. Владивосток, ул. Октябрьская, 27

Отпечатано в типографии
Издательско-полиграфического комплекса ДВГУ
690950, г. Владивосток, ул. Алеутская, 56